

НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА ГЕРЦЕНА

I. ПИСЬМА А. И. ГЕРЦЕНА Е. В. и Д. В. ПАССЕКАМ. ПУБЛИКАЦИЯ М. ФИНКЕЛЯ и А. БЕЛЕЦКОГО.—II. ПИСЬМА А. И. ГЕРЦЕНА Т. Н. и Е. Б. ГРАНОВСКИМ. ПУБЛИКАЦИЯ О. ПОПОВОЙ.—III. ПИСЬМА А. И. ГЕРЦЕНА Г. И. КЛЮЧАРЕВУ. ПУБЛИКАЦИЯ М. КЛЕВЕНСКОГО.—IV. ПИСЬМА А. И. ГЕРЦЕНА М. И. ЖИХАРЕВУ. ПУБЛИКАЦИЯ О. ШЕРЕМЕТЕВОЙ.—V. ПИСЬМА А. И. ГЕРЦЕНА РАЗНЫМ ЛИЦАМ. ПУБЛИКАЦИЯ В. ГОЛОВЧИНЕР, М. ДЬЯКОНОВА, Б. КОЗЬМИНА.

I. ПИСЬМА А. И. ГЕРЦЕНА Е. В. и Д. В. ПАССЕКАМ

Публикация М. Финкеля и А. Белецкого

Публикуемые письма Герцена братьям Евгению и Диомиду Пассекам, хранящиеся в Харьковском Областном Государственном Архиве, относятся к периоду окончания Герценом Московского университета (1833 г.).

Несмотря на то, что Герцен в это время, как видно из писем, деятельно готовился к выпускным университетским экзаменам, он все же не прекращал своих самостоятельных философских и исторических занятий, связанных с вопросами, волновавшими его университетский кружок. «Ты не можешь себе представить, какая деятельность опять у меня, — писал Герцен Огареву 19 июля 1833 г., — так кровь и кипит. Учиться, учиться, а потом писать». Отражение этой интенсивной теоретической деятельности Герцена мы находим в его письмах к братьям Пассекам.

С семейством Пассеков Герцена связывала его близкая дружба с одним из братьев Пассеков — Вадимом. Позже эти связи с семьей Пассеков еще больше укрепились, став связями родственными: кузина Герцена, Татьяна Петровна Кучина, вышла замуж за Вадима Пассека. О своем отношении к семье Пассеков, к братьям Евгению и Вадиму Герцен писал Огареву: «Много часов провожу у Пассеков, и это есть самое приятное время... Там отдыхаю от бурных порывов фантазии дикой и вольной, там не гроза, а небо чистое, голубое. Сколько я обязан этому семейству. Вадим уехал с женой, Евгений здесь. Но это не Вадим!.. Далеко отстал».

Вадим Васильевич Пассек был одним из самых деятельных членов герценовского университетского кружка. «В Вадиме для нас было много нового, — вспоминал о нем Герцен в «Былом и думах», — мы все с небольшими вариациями имели сходное развитие, т. е. ничего не знали, кроме Москвы и деревни, учились по тем же книгам и брали уроки у тех же учителей... Вадим родился в Сибири, во время ссылки своего отца, в нужде, в лишениях. Его учил сам отец, он вырос в многочисленной семье братьев, сестер, в гнетущей бедности, но на полной воле... Вадим был дичок в сравнении с нами. Его удасть была иная, не наша, богатырская... Человек, родившийся в Сибири и, притом, в семье сосланной, имеет уже то преимущество перед нами, что не боится Сибири. Вадим, по наследству, ненавидел от всей души самодержавие и крепко прижал нас к своей груди, как только встретился».

После ареста Герцена и Огарева Вадим Пассек не допущен был к занятию профессорской кафедры в Харьковском университете. Позднее он отошел от герценовского круга и эволюционировал к правому славянофильству. Но в то время, когда писались публикуемые письма, он был одним из самых близких Герцену людей. В цитированном уже письме к Огареву от 19 июня 1833 г. Герцен писал: «Ты, Вадим и я — мы составляем одно целое. Будем же жить чисто умственной жизнью. Науки — (ты понимаешь, я говорю в обширном смысле), науки пусть займут всю жизнь (жаль, что Вадим не обеспечен материально, а деятельным я возьмусь его сделать)».

Какие же науки «в широком смысле» увлекали тогда Герцена. Известное представление об этом дают письма этого периода. «Я теперь крепко занимаюсь политическими науками... ты прав, Saint-Simonisme имеет право нас занять. Мы чувствуем, что мир ждет обновления, что революция 89 года ломала и только... что надо другие основания положить обществам Европы, более права, более нравственности».

Именно с этой точки зрения Герцен подошел к осмыслению русского исторического процесса в статье о Петре I, посвященной Диомиду Пассеку и комментированной Вадимом Пассеком.

Деятельный, энергичный, с удовлетворением оглядывающийся на пройденный университетский этап своей жизни («Методу я там приобрел, а метода важнее всякой суммы познаний... Друзья, я вас там приобрел»), полный планов творческой деятельности — таким встает перед нами облик Герцена в письмах к братьям Пассекам, написанных за год до его ареста.

1

Любезные друзья, Евгений¹ и Диомид²!

Ваше письмо и приписку имел счастье получить. Все у нас здорово, как нельзя более, напрасно ты хлопочешь об этом, исключая Тани³, которая оправляется мало, по-моему. Диомид, стыдно думать, что я сержусь, что вы не писали. Я уверен, что я не забыт. Когда у вас будет Савич⁴, поцелуйте его за меня и скажите что он (и вы) получите от меня большую хартию⁵, но теперь я окончу, засвидетельствовав ему мою искреннейшую, домогильную дружбу. Прощайте, Огарев⁶ кланяется.

Александр Герцен

15 января [1833 г.]

¹ Пассек Евгений Васильевич (1802—1842). После смерти отца Василия Васильевича Пассека на него как на старшего брата пали заботы о материальном обеспечении и образовании младших братьев. Поэтому он часто вынужден был бывать в харьковском имении Пассеков, селе Спасском, по различным хозяйственным делам. В Петербургский университет он поступил позже своих младших братьев Диомида и Леонида. С Герценом Е. В. Пассек познакомился через своего брата Вадима Васильевича.

² Пассек Диомид Васильевич (1807—1845). Окончил в 1830 г. Московский университет. В 1830—1833 гг. был в приятельских отношениях с Герценом. В одном



Д. В. ПАССЕК

Литография, 1840-е годы
Институт литературы, Ленинград

из писем этого периода к Татьяне Кучиной. Д. В. Пассек писал: «Скажи Александру [Герцену], что в нем я нашел человека цельного, с быстрым проницательным взглядом и умом... Наконец, я нашел вне нашего семейства могучего человека и этот человек — Александр» (цитируем по воспоминаниям Т. В. Пассек «Из дальних лет»); цитируемые письма относятся к тому периоду, когда в отношениях между Герценом и Диомидом Пассеком наступило некоторое охлаждение, которое позже, с 1834 г., разрослось в полную размолвку. Диомид Пассек стал офицером. После окончания в 1837 г. Военной академии и службы в генеральном штабе он, в чине генерал-майора, принимал участие в кампании кавказской армии против Шамиля. При взятии Дарго Д. Пассек был убит. В воспоминаниях современников отмечается популярность Диомиды Пассека, как одного из наиболее смелых и энергичных генералов кавказской армии. В «Былом и думах» Герцен писал о смерти Диомиды Пассека: «он умер блестяще окруженный признанием врагов, среди успехов, славы, хотя и не за свое дело сложил голову».

³ Пассек Татьяна Петровна (урожд. Кучина) — кузина Герцена и жена Вадима Пассека. Т. П. Кучина была товарищем детства и юности Герцена. В «Русской Старине» с 1872 г. печатались ее воспоминания, посвященные, в значительной степени, Герцену. Эти воспоминания вышли потом дважды отдельным изданием, в 1878—1879 гг. и 1905—1907 гг. — «Воспоминания Т. П. Пассек (Из дальних лет)», тт. I—III.

⁴ Савич Алексей Николаевич. Окончил Московский университет в 1829 г. Был участником герценовского университетского кружка. Герцен называл его «представителем материализма XVIII в.». Отъезд в Дерптский университет в конце 1833 г., после получения степени магистра астрономических наук, оборвал связь его с Герценом. Савич стал выдающимся русским астрономом. В 1862 г. он был избран действительным членом Российской Академии наук.

⁵ Имеется ввиду статья Герцена о Петре I, посвященная Диомиду Пассеку (Герцен, т. I, стр. 85).

⁶ Огарев Николай Платонович был знаком с братьями Пассеками и переписывался с ними.

2

Братьям Евгению и Диомиду.

Я чуть было не сделал глупости, но надеюсь всегда на мою увертливость. Получил от тебя 125 рублей, послал за ними на почту. Я уже сказал об этом маменьке твоей¹, но поправил после, сказав, что 100 р[у]б[лей] принадлежат Носкову², и так все сделал по твоему велению.

От Диомиды с нетерпением жду письма, он скуп ко мне и, кажется, мы с ним симпатизируем, как нельзя более, впрочем, что за счеты.

Доша³, у меня еще прибавилось несколько мыслей к моей статье и, может быть, я в скорости буду писать вторую часть, т. е. что сделала Россия от Петра до наших дней; вопрос огромный, но иногда в юности, и без фактальных сведений, взор орлиный, ежели юноша орленок. Не думаю, чтобы я это говорил в уверенности своего достоинства, но просто хочу попытаться⁴.

Евгений, мне приятно очень известить тебя, что Вячеслав⁵, кажется менее шалит, впрочем, вряд должно ли употреблять коэрзитивные⁶ меры. Больше убеждением, ибо это порок, а не шалость.

Прошу теперь передать Носкову.

Мишка,

Как поживаешь, друг умнейший, в Петербурге. Часто ли вспоминаешь о друге Герцене и о прочих московских друзьях. Не забывай, с этими воспоминаниями связано все высокое, все благородное, если не в наших действиях, то в наших желаниях.

С большим огорчением, ежедневно, Петров⁷ меня спрашивает о Пуансоне⁸ и посему я хочу адресоваться к твоему Дорофею,

Ежели ты здесь увидишь Смирнова, то скажи, что я его не забыл, тем более потому, что на днях от Г. М. Н. мне доставили от него грамотку.

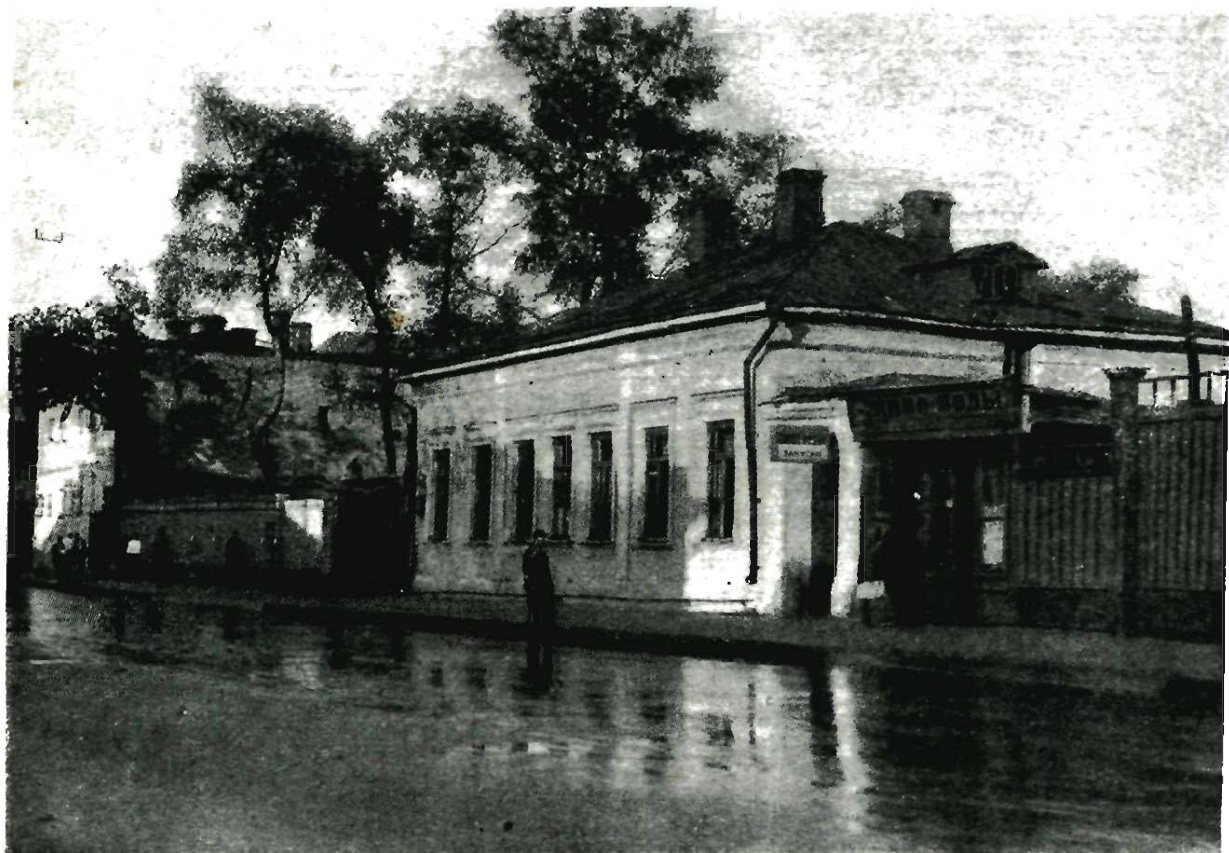
Савич кланяется всем. Прощайте братья и друзья.

Весь Ваш Александр Герцен

8 марта [1833 г.]
Златоглавая Москва

¹ Пассек Екатерина Ивановна — мать братьев Пассеков: Евгения, Диомида, Вадима, Леонида, Помпея и Вячеслава.

² Носков Михаил [Александрович?] — один из первых среди близких Герцену людей увлекся идеей трактовки христианства, как социального учения о справедливости. В письме 1833 г. к Огареву Герцен писал: «Предмет мой хри-



ДОМ ПАССЕКОВ В МОСКВЕ, НА ОСТОЖЕНКЕ

Фотография

Литературный музей, Москва

стианская религия. Носков говорит, что это его поэзия. Мы не умели понимать Носкова».

³ Пассек Диомид Васильевич.

⁴ В первой части своей статьи о Петре I Герцен отвечал на вопрос: «Явился ли сей гигант [Петр I] вопреки всем историческим законам столь самобытный, столь заключенный в самом себе, что, с одной стороны, в нем не было исторической необходимости, с другой, что без него Россия осталась бы в том состоянии, в котором была до него». Вторая часть, замысел которой сообщает Герцен в этом письме, должна была отвечать на следующий вопрос: «после устремления России к европеизму, в чем и как успела она до нашего времени».

⁵ Пассек Вячеслав Васильевич — младший из братьев Пассеков.

⁶ Принудительные.

⁷ Возможно, что имеется в виду Павел Яковлевич Петров, окончивший Московский университет в 1833 г., ставший впоследствии известным ориенталистом, профессором по кафедре санскрита в Казанском, а потом Московском университетах.

⁸ Имеется в виду распространенный тогда учебник по механике французского математика Луи Пуансо «Элементы статики».

3

Диомид!

Когда приедешь в Москву, не забудь привезть мою статью о Петре I, или копию с нее пришли Муравьевым.

Берег, берег, наконец-то он виден после 4-летнего плавания по ручью университета.

Удивляюсь, что Носков не был у вас.

Евгения обнимаю.

Александр Герцен

Отправляются письма к Вам, Диомид и Евгений, и я спешу напомнить вам о том молодом человеке, который совсем растерялся, но, все-таки, ваш неизменный друг и добрый малый.

Ваш Н. Огарев.

Апреля 29 [1833 г.].

Это — приписка к письму Вячеслава Пассека к братьям Евгению и Диомиду. Вячеслав сообщает о благотворном влиянии на него Тани, невесты Вадима Пассека. Сверху, над письмом Вячеслава Пассека, приписка Огарева.

4

Друзья Евгений и Диомид!

Получил я еще 140 рублей, которые все по назначению употребил, что же касается до ежедневных прогулок, то едва ли это может сделаться теперь, ибо дороги ужаснейшие, ни в санях, ни на дрожках, впрочем, по утрам морозы и в это время я советую... [слово не разобр.] гулять пешком.

От Доши каждый день жду письма, но от него, как от козла, ни шерсти, ни молока. Он, говорят, хочет приехать в Москву в мае, ради бога [хоть?] только не в мае и июне. В конце будут экзамены, и я

Милостивые друзья Евгений и Диомид!

Получил я еще 140 рублей, которые все по назначению употребил, что же касается до ежедневных прогулок, то едва ли это может сделаться теперь, ибо дороги ужаснейшие, ни в санях, ни на дрожках, впрочем, по утрам морозы и в это время я советую... гулять пешком.

От Доши каждый день жду письма, но от него, как от козла, ни шерсти, ни молока. Он, говорят, хочет приехать в Москву в мае, ради бога [хоть?] только не в мае и июне. В конце будут экзамены, и я

15 января

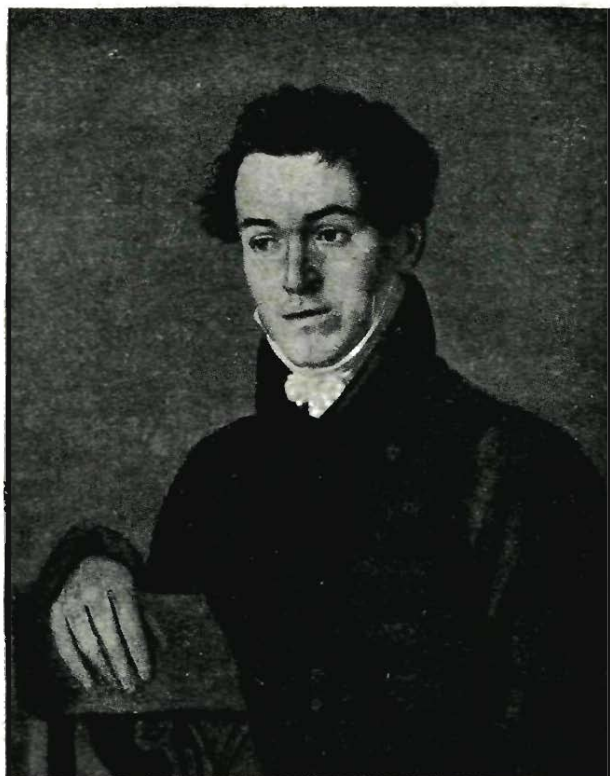
ПИСЬМО ГЕРЦЕНА К
Е. В. и Д. В. ПАССЕКАМ
ОТ 15 ЯНВАРЯ 1833 г.

Архив древних актов,
Харьков

Е. В. ПАСЕК

Портрет маслом неизвестного художника,
1830-е годы

Литературный музей, Москва



не смогу видет[ься] с тобой. Ради дружбы и...[слово не разобр.] не приезжай раньше 28 июня.

Прощайте, остальное все имеет принадлежать Носкову.

Александр Герцен

Душа Носков!

Приближается время выхода из университета. Многим, очень многим обязан я ему; науками, сколько в состоянии был принять и сколько он в состоянии был мне дать. Но главное методу я там приобрел, а метода важнее всякой суммы познаний. Друзья, я вас там приобрел, и это приобретение оживило всю мою душу. Вы поняли меня и ответили дружбой, в то время, как прежде мертвый эгоизм обдавал меня своим холодом. Решительно могу сказать, что все сладкое, что было в моей юности, произошло от друзей и от наук. Словом, благословляю университет.

Мишка! ¹ Теперь на время отлагаю все мечты и планы, я предался двум занятиям: 1) przygotowуюсь к экзаменам, 2) хочу золотой медали. Официально еще не задали, но известно, что задаст Д[митрий] Матв[еевич] ². И о чем же! О Коперниковой системе в философском и астрономическом отношении. Вот предмет, который я надеюсь превосходно обработать. Употребляю все и желаю, либо получить золотую медаль, либо — ничего ³.

(Будь сказано сие не во зло некоторым кавалерам с серебряной медалью).

Прощай, друг, обнимаю тебя.

Александр Герцен

P. S. Ты, может, удивишься, что я не прошу тебя писать к себе. Но я знаю, что это тебе напоминать не нужно.

Огарев всем кланяется.

[Начало мая 1833 г.].

¹ Носков.

² Перевощиков Дмитрий Матвеевич — в период с 1819 по 1851 гг. профессор Московского университета. Читал курсы астрономии и математики.

³ Названная тема действительно была дана на выпускном экзамене, но Герцен за свое сочинение на эту тему (см. Герцен, т. I, стр. 91) получил лишь вторую серебряную медаль. Золотую медаль получил Драшусов, студент посредственных способностей. По этому поводу Герцен писал Огареву: «Обижаться ли мне этим? Нет, это уж что-то слишком глупо. И мне ли состязаться с... Драшусовым» (там же, стр. 114).

5

[25 мая 1833 г.].

Евгений и Диомид, здравствуйте. Вы, как немые, ни строки ко мне, а я грешный, теперь в скуке большой, готовлюсь к экзаменам. Как ты нашел Мур[авьева]? Я мало его знаю, но знаю с хорошей стороны. Что Носков? Его молчание меня удивляет. Забыть друзей он не может. Писать разучиться тоже не может. Не понимаю.

Александр Герцен

Это — приписка к письму матери братьев Пассеков — Екатерины Ивановны Пассек — к сыновьям — Евгению и Диомиду.

6

[Июнь 1833 г.].

Спасибо тебе, Евгений, что наконец вспомнил, что я существую во времени и пространстве. Касательно твоих опасений, насчет моего здоровья, извещаю, что я весьма здоров [слово не разобр.].

А. Герцен

На обороте:

А propos, на небо я еще не взят, но с дня на день дожидаясь лошадей. Вот ты мне не хотел давать доверенности, а тебе [слово не разобр.].

А. Герцен

7

[Конец июня или начало июля 1833 г.].

Благодарю тебя, Доша, за твою критику на мою статью, она очень хороша, но ты напрасно думаешь, что опровергаешь мою мысль о Петре, мы согласны. Жалею очень, что ты не будешь долго сюда. Дружба наша была кратковременной, переписки у нас нет и потому, может случиться, что мы очужнеем. Это горько и обидно [нам?] будет.

Я кандидат и волен от университета, дай знать об этом Носкову, и он не пишет ко мне, и он.

Прощай.

Александр Герцен

P. S. Твоя статья о женщинах не нравится мне, в ней ничего не доказано, это какое-то умственное [слово не разобр.]. За мной пишет Савич от того, что ему нечего писать.

Это — приписка к письму Вячеслава Пассека к братьям Диомиду и Евгению. После текста Герцена приписка Савича следующего содержания:

И в самом деле важных любопытных известий нет у меня, но написать тебе несколько слов, для того, чтоб напомнить о себе, для меня приятно, и потому пишу к тебе. Александр Иванович забыл написать тебе, что ему назначена за диссертацию медаль. Что тебе сказать об университете? Право не знаю. Ученые его записки выйдут в первых числах августа. Я видел, что в ученых этих записках есть много переводных статей. Это ли называется издавать свои записки? Прощай, не забывай преданнейшего тебе

А. Савича

II. ПИСЬМА А. И. ГЕРЦЕНА Т. Н. и Е. Б. ГРАНОВСКИМ

Публикация О. Поповой

1

Если хотите ехать в сад после обеда, то приезжайте или обедать или не позже 6-ти часов. Берите только своего обыкновенного извозчика. Место будет ¹. Дай знать Кетчеру ². Боткин ³ едет и Языков ⁴ с женой.

А. Герцен

29 мая 1843 г.



Е. Б. ГРАНОВСКАЯ
Фотография, 1850-е гг.
Институт литературы, Ленинград

Лизавета Богдановна, через час я зайду за вами и мы пойдем вместе или поедем к Ф[лите?]ровским ⁵.

На обороте рукою Герцена:

Кетчеру, а его прошу переслать Грановскому.

Записка написана, повидимому, в первой половине 1843 г., до отъезда в Петербург Н. Х. Кетчера, выехавшего из Москвы 23 октября 1843 г., и до получения В. П. Боткиным 8 августа 1843 г. заграничного паспорта. В 1844 г. Языков с женой жили в Петербурге, о чем свидетельствуют неоднократные приветствия ему Герцена, передаваемые через Кетчера (см., например, письма Герцена к Кетчеру от 17 января 1844 г., 1 марта 1844 г. и др., — Герцен, т. III, стр. 382, 387).

¹ Речь идет о поездке в один из увеселительных садов Москвы.

² Кетчер Николай Христофорович.

³ Боткин Василий Петрович.

⁴ Языков Михаил Александрович (1811—1885) — был директором императорского стеклянного завода, в 70-х годах управлял акцизной палатой в Калуге, потом в Новгороде, где основал общественные библиотеки. Принимал участие в «Современнике» и был близок к писательским кругам, в особенности — к Белинскому, позднее — к Гончарову.

⁵ Ф[лите?]ровские, — установить не удалось.

2

Сегодня в половине седьмого вечером карета будет ожидать Лизавету Богдановну¹ и Юлию², чтобы препроводить их в назначенное место, в сопровождении сытого кавалера³. Для безопасности просят покорно пригласить еще кого-нибудь с своей стороны, впрочем, до сих пор сытой кавалер еще трезв!

Посылаю сонату в четыре руки и прошу передать мне забытого мною Вашингтона Ирвинга⁴. Ложа — 5 номер. Бенуар.

На обороте:

Ее высокоблагородию Лизавете Богдановне Грановской. На Маросейке, в доме г-на Боткина⁵.

Записка не датирована. С наибольшей вероятностью может быть отнесена к 1843—1844 гг.

¹ Грановская Елизавета Богдановна, урожд. Мюльгаузен (1824—1857) — жена Т. Н. Грановского.

² Мюльгаузен Юлия Богдановна — младшая сестра Е. Б. Грановской, о которой А. В. Щепкина пишет: «В приемные дни помогала Е. Б. младшая сестра ее Юлия Богдановна, всегда с любовью за ней ухаживавшая, разделяя и все хлопоты по хозяйству» («Воспоминания Александры Владимировны Щепкиной», Сергиев Посад, 1915 г., стр. 177).

³ «Сытой кавалер» — сам Герцен.

⁴ Вашингтон Ирвинг (1783—1859) — американский писатель, произведения которого в 20—30-х годах пользовались большим распространением в России и, в частности, оказали некоторое воздействие на литературную манеру самого Герцена в его ранних беллетристических вещах. Факт знакомства Герцена с его произведениями документально устанавливается здесь впервые.

⁵ В своих воспоминаниях А. В. Щепкина пишет, что Грановские квартировали «...в доме Боткиных, на Маросейке, в нижнем этаже очень большого дома отца В. П. Боткина, близкого кружку Грановского. В бельэтаже жила многочисленная семья Боткиных. Все они относились к Грановскому очень радушно. При доме был большой сад, в котором обе семьи встречались на прогулках» (Цит. соч., стр. 169).

3

Елизавете Богдановне¹ от старика² Герцена.

Париж, 6 августа 1848 г.³

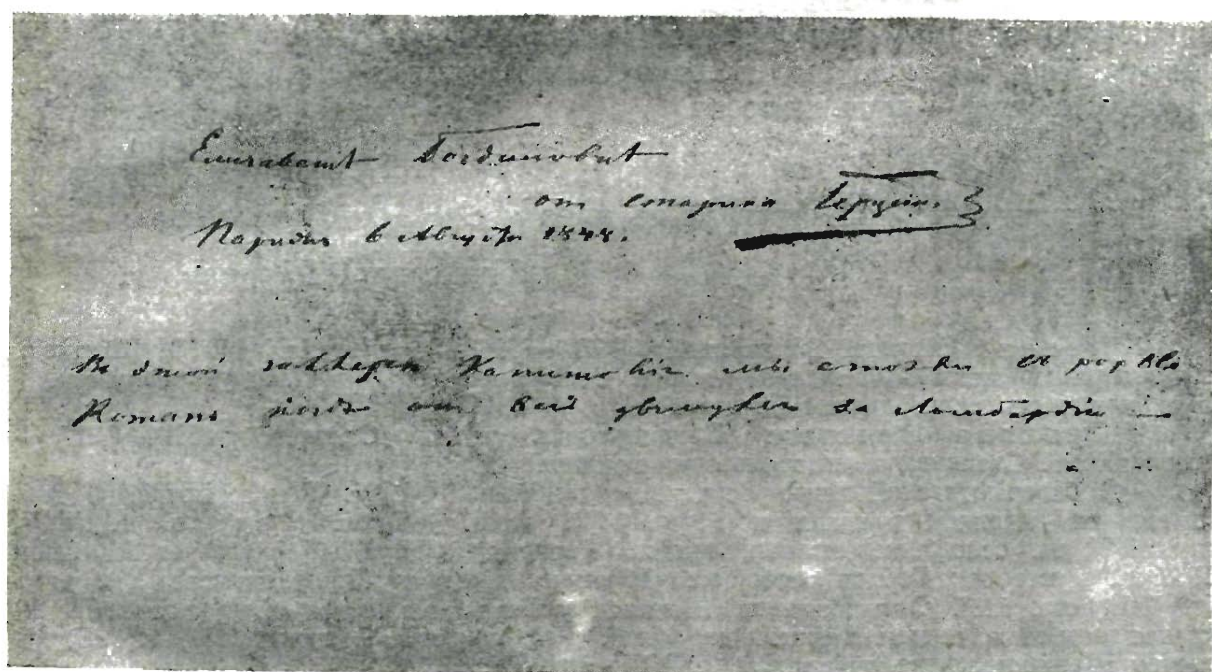
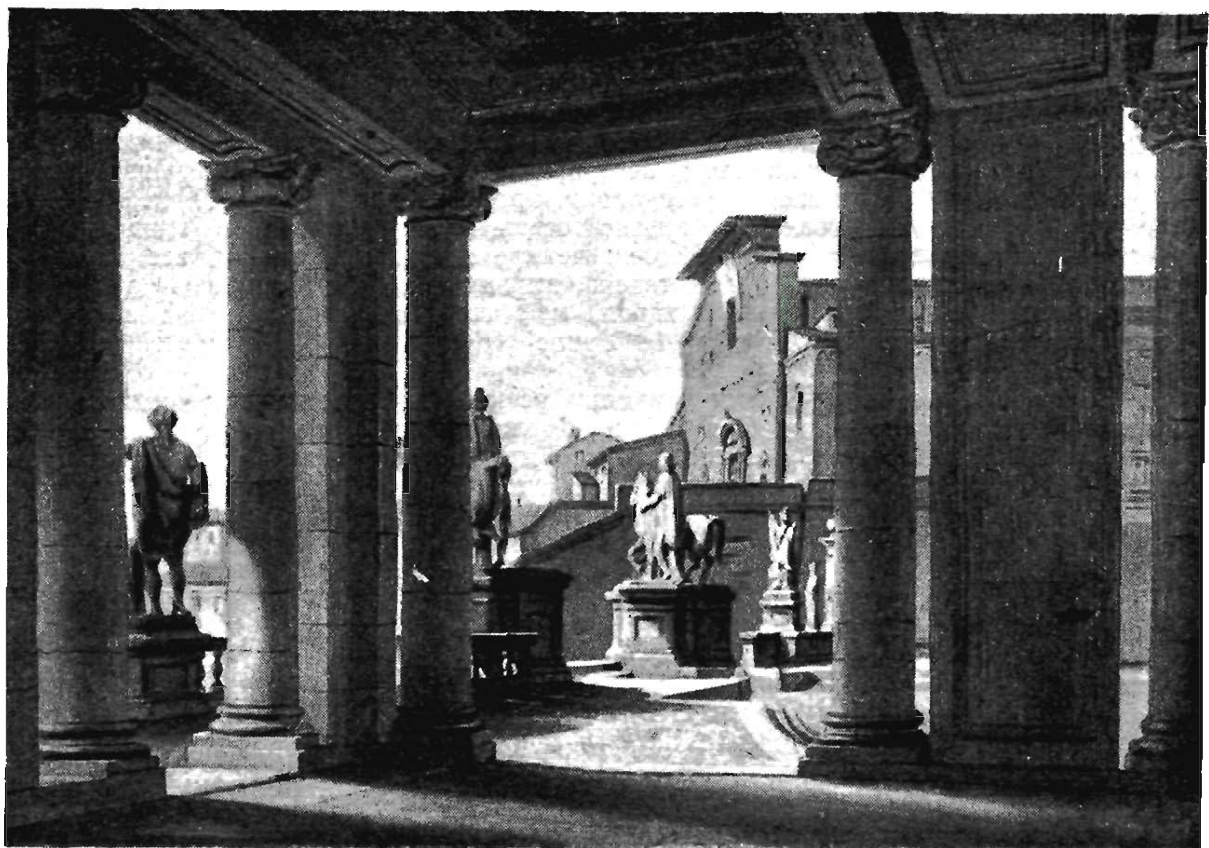
В этой галлерее Капитолия мы⁴ стояли с ророо готано, когда он весь двинулся за Ломбардию⁵.

Эта надпись сделана Герценом на обороте рисунка (маслом), изображающего Капитолий.

¹ С возвращающимися в 1848 г. из Парижа в Россию Н. А. и Е. А. Тучковыми и М. Ф. Корш Герцен послал в подарок своим друзьям несколько своих статей, карикатуры, «чрезвычайно замечательные №№ журналов» и «ворох картин» («Герцен, Новые материалы. К печати подготовил Н. М. Мендельсон. Труды Публичной библиотеки СССР имени В. И. Ленина». М., 1927 г., стр. 48, 49 и 57). Среди них был и рисунок Капитолия, посланный Е. Б. Грановской.

² Герцену в это время было 36 лет; называя себя стариком, он говорит о значительном политическом и жизненном опыте, полученном им с момента отъезда из России.

³ Выехав из Рима 13 апреля, Герцен приехал в Париж 5 мая (см. Герцен, т. XXII, стр. 244).



РИМСКИЙ КАПИТОЛИЙ

Этюд маслом неизвестного художника с дарственной надписью Герцена Е. Б. Грановской на обороте
Исторический музей, Москва

⁴ В конце марта 1848 г. Герцен, вместе с женой Натальей Александровной, М. Ф. Корш и Н. А. и Е. А. Тучковыми был свидетелем народного энтузиазма в Риме при объявлении войны Австрии. В «Западных арабесках» Герцен посвятил этому моменту следующие строки: «Посол явился успокоить народ и подтвердить весть о войне; слова его приняты с иступленной радостью. Чичероваккио (Антонио Брунетти — герой римской республики, расстрелянный в 1849 г. австрийцами. — О. П.) был на балконе, сильно освещенный факелами и канделябрами, а возле него осененные знаменем Италии четыре молодые женщины, все четыре русские — не странно ли? Я, как теперь, их вижу на этой каменной трибуне и внизу колыхающийся бесчисленный народ, мешавший с криками войны и проклятиями иезуитам громкое «*Envviva le donne forestiere*»*. (Герцен, т. XIII, стр. 299—300).

⁵ Война Италии за Ломбардию, в силу реакционной политики неаполитанского короля Фердинанда II, папы Пия IX и Карла-Альберта, возглавлявшего войска Пьемонта, была проиграна. 5 августа 1848 г. Карл-Альберт бежал из столицы Ломбардии — Милана, в которую вошли войска австрийского фельдмаршала Радецкого.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

ПИСЬМО Н. М. ЩЕПКИНА ¹ А. В. ЩЕПКИНОЙ ²

20 июня 1857 г., Лондон ³

Вчера в 11-ть часов ночи я приехал в Putney ⁴ к Герцену, где и поселился. Я жив и совершенно здоров. Герцен с детьми ⁵ и Огаревы тоже здоровы. Ты разумеется можешь представить себе, как я рад видеть Герцена. А какие у него славные дети, какие хорошенькие и милые. От тебя поклон к Нат[алии] Алек[сеевне] ⁶ передал — она жалеет, что ты не приехала. Дети Герцена ждали встретить по крайней мере Володю ⁷ — русского мальчика. Приеду в Париж в четверг к ночи. Будь здорова, поцелуй детей и скажи Коке ⁸, что у Герцена есть девочка Оля, которую бы он непременно полюбил.

Ну прощай — будь здорова.

Приписка рукою Герцена:

Позвольте вам поклониться не имея чести лично вас знать.

А[лександр] Г[ерцен]

¹ Щепкин Николай Михайлович (1820—1886) — сын актера М. С. Щепкина, общественный деятель, издатель, много содействовавший народному образованию. Был, как и его отец, другом Герцена.

² Щепкина Александра Владимировна, урожд. Станкевич (1824—1917) — сестра Н. В. Станкевича, писательница, мемуаристка.

³ В биографической канве Герцена, составленной М. К. Лемке, ошибочно значится, что Щепкин приехал к Герцену 22 июня 1857 г. (Герцен, т. XXII, стр. 286), на основании, видимо, письма Герцена к М. Е. Рейхель от 18 июня 1857 г., в котором Герцен сообщает: «Щепкин пишет, что приедет через три дня» (т. VIII, стр. 523). О пребывании Щепкина у Герцена имеется следующая лаконичная запись в письме Герцена к М. Е. Рейхель от 29 июня 1857 г.: «Здесь гостит Щепкин; завтра он едет...» (т. VIII, стр. 547).

⁴ Putney (Путней) — предместье Лондона на берегу Темзы, где жил Герцен.

⁵ Дети Герцена: сын Александр Александрович (1839—1906) и дочери: Наталья Александровна (1844—1936) и Ольга Александровна (р. 1850).

⁶ Тучкова-Огарева (1829—1913).

⁷ Щепкин Владимир Николаевич (1849—конец 1880-х гг.) — магистр политических наук. В 1875 г. был привлечен по делу 193-х о революционной пропаганде.

⁸ Щепкин Николай Николаевич (1854—1919) — впоследствии городской и земский деятель, член центрального комитета к.-д. партии.

Публикуемые выше материалы хранятся в архиве Государственного Исторического музея, в Москве, в составе собрания Грановских.

* Да здравствуют иностранные дамы.

III. ПИСЬМА А. И. ГЕРЦЕНА Г. И. КЛЮЧАРЕВУ

Публикация М. Клевенского

Печатаемые 35 писем Герцена, не опубликованные до сих пор, все адресованы одному лицу — Григорию Ивановичу Ключареву. Ключарев, мелкий московский чиновник, заведывал денежными делами И. А. Яковлева, отца Герцена, был одним из душеприказчиков его и Л. А. Яковлева, его брата. Свои обязанности поверенного по денежным делам он сохранил и после смерти И. А. Яковлева, когда в права наследства вступил его сын. Уезжая за границу, Герцен поручил ему надзор за своим костромским имением, московским домом и прочими хозяйственными статьями. Когда правительство задумало наложить руку на состояние Герцена, то за всеми сведениями о положении его имущественных дел III Отделение естественно обратилось к Ключареву. После царского объявления о наложении запрещения на имение Герцена и об изгнании его Ключарев прервал с ним сношения, о чем и уведомил его мать, и передал генерал-губернатору Закревскому имевшиеся у него наличные деньги Герцена, в размере 6065 руб. серебром, равно как и все денежные документы Герцена, а также и письма к нему Герцена и его матери. Закревский приказал Ключареву и впредь доставлять ему все письма, получаемые им от Герцена и Л. И. Гага.

Письма Герцена относятся к первым годам его пребывания за границей, охватывая время с марта 1847 г. до февраля 1850 г. Только к концу этого периода для Герцена выяснилась неизбежность перехода на положение эмигранта. До того же времени Герцен постоянно пишет Ключареву о своем намерении вскоре возвратиться в Россию, что, конечно, вполне соответствовало действительности.

Тем положением, в каком стоял относительно Герцена Ключарев, объясняется специальный характер писем Герцена: они касаются, главным образом, имущественных дел Александра Ивановича, выясняют экономическую базу его существования. В этом смысле они драгоценны для будущей полной биографии Герцена. Особенно важны, например, письма №№ 10, 18, 25, где Герцен очень точно говорит о том, из каких статей слагались его доходы, какова была сумма его нормальных доходов и нормальных расходов в год.

Письма к Ключареву хорошо рисуют ту особенность положения Герцена, вследствие которой он, всячески сочувствуя широкому распространению революционного движения в Европе, в то же время не мог не тревожиться за судьбу своих капиталов в процессе развития революции.

Интересно изложенное Герценом его «нравственное правило», на счет своего состояния, которое он дает в письме от 8 сентября 1848 г.: «Я получил почти случайно довольно много, — никогда не имел я ни жажды стяжания, ни любви к безумной роскоши. У меня есть дети — полученное мною я им передаю [подчеркнуто Герценом]. Увеличить состояние я не чувствую ни охоты и, наконец, не вижу необходимости. Доход мой имеет три назначения: доставить мне с семейством прожиток, доставить средства на самое развитое воспитание детей, доставить возможность не отказывать в иных случаях приятелям и знакомым». В дальнейшем Герцен пишет о том, что в тот момент, когда капиталы прячутся вследствие революции, выгоды, приобретаемые на наличные деньги, превосходят вероятные; что «здесь можно делать теперь удивительные спекуляции», что его сильно соблазняют торговые сделки. Совершив при посредстве Ротшильда выгодную операцию с частью своего капитала, Герцен в письме от 15 февраля 1849 г. задает вопрос: «... Для чего я не увеличу его [т. е. доход] там, где это легко, где стоит нагнуться, чтобы поднять? Вот главные правила, от них я не отступаю, и не имею повода раскаиваться. Увеличение средств позволяет в иных случаях протягивать руку с существенной помощью друзьям — а без этого и совесть нечиста».

Герцен не даром часто упоминает о помощи друзьям: письма к Ключареву лишь раз показывают на широкие пределы этой помощи. Через несколько лет Герцен нашел для своих избытков еще и другое употребление: он создал на свои средства русскую заграничную прессу, имевшую громадное общественное значение и сыгравшую громадную историческую роль.

Помимо своей основной темы, письма Герцена к Ключареву дают и еще некоторые детали относительно первых лет его заграничной жизни. В частности, они существенны в том отношении, что позволяют несколько уточнить итеринарий Герцена и пр. Очень ценно то, что одно из писем дает разъяснение по поводу его произведения «На пароходе».

Письма Герцена даются по подлинникам, хранящимся в Рукописном отделе Всесоюзной библиотеки им. Ленина. Там отсутствуют только два письма, обозначенные у нас №№ 28 и 35. Копия письма № 28, которое, очевидно, было приложением к письму № 27, была любезно предоставлена редакции «Литературного Наследства» Н. Л. Бродским. Письмо № 35 печатается по подлиннику, хранящемуся в собрании Г. А. Волкова, которому приносим благодарность за его предоставление.

1

13/1 марта 1847, Кельн

На это и на письмо от 16 марта
ответствовано 3 апреля.

Письмо послано через контору
Ценкера¹ 7-го апреля через Егора Ивановича²

Отложивши такую большую долю нашего пути, почтеннейший Григорий Иванович, я, наконец, исполняю давнишнее желание и пишу к вам, хотя, впрочем, я несколько раз сообщал вам о нашем пути через Егора Ивановича. В Берлине пробыл я три недели³; советовался там с докторами насчет жены и насчет Коли⁴, ей советуют морские ванны и главное пожить в здоровой полосе не очень южной, но теплой; что касается до Коли, я почти не имею надежды, чтобы он излечился, разве сама природа переработает впоследствии, я буду еще в двух местах советоваться — но это в очистку совести. — Из Берлина мы перенеслись в Ганновер по железной дороге в несколько часов, — потом тащились шагом до Елберфельда, от Елберфельда в два часа езды приехали в вагоне сюда. Нельзя ездить удобнее и покойнее, как по железным дорогам, порядок удивительный, вагоны отделаны с роскошью, обширны, светлы и так высоки, что в них ходить можно. Мы брали везде целое купе (6 мест) и были очень довольны. Я нанял себе расторопного и хорошего камердинера в Кенигсберге, и также горничную, которую маменька увезла с собой в Штутгарт, она отправилась еще прежде нас из Берлина по железной дороге и представьте, что мы имели от нее письмо через день из Веймара. Вот все касающееся до нас. Теперь пойдут распросы, на которые надеюсь получить ответ через Ценкера и Турнейсена⁵. Когда возвратился к вам Зоненберг⁶, который был, впрочем, совершенно бесполезен на дороге, а с ним Татьяна — кормилица, если она в Москве и у нас в доме, поручите ей от Наташи 1-ой и 2-ой⁷, а равно и от меня поклониться. Отдан ли дом в наймы, кому и как? — И, вообще, примите на себя труд обо всем меня известить.

Дмитрию Павловичу⁸ не забудьте передать мое почтение и скажите, что я сижу теперь в Belle vue перед самым Рейном и перед кельнским собором.

Егору Ивановичу я сегодня не пишу и, вероятно, отсюда писать не буду, сообщите ему при случае, что дети и мы совершенно здоровы и до Кельна нужды не терпим.

Прошу вас, поклонитесь от меня Прасковье Андреевне⁹ и Вере Артамоновне¹⁰, а потом и всем, да кстати напишите, как себя ведут живущие в доме. Я во всем надеюсь на вас, как на каменную стену, Григорий Иванович. — Как идут денежные поступления, т. е. что Дм[итрий] П[авлович] оставил у себя 10/т[ысяч] или нет?

Жена моя усердно вам кланяется.

Прощайте, будьте здоровы, мы вероятно 15/2 марта будем опять в дороге.

Весь ваш А. Герцен

Я письмо не франкирую, где это можно, потому что нефранкированные письма вернее доходят, а то трактирные слуги и комиссионеры забывают отправлять, когда им даешь деньги при письме.

¹ Ценкер — владелец банковской конторы в Москве.

² Герцен Егор Иванович (1803—1882) — старший брат Герцена от другой матери.

³ В своей «Канве биографии Герцена» М. К. Лемке отводит на пребывание Герцена с семьей в Берлине всего дня 3 (с 27 февраля по 1 марта). Уже Н. М. Мен-



ГЕРЦЕН

Литография Л. Ноэля 1847 г. с дарственной надписью Герцена М. Ф. Корш
Музей Революции, Москва

дельсон (А. И. Герцен. Новые материалы, М., 1927 г., стр. 30—31) указал, что пребывание Герцена в Берлине должно было быть более продолжительным. Это вполне подтверждается прямым указанием Герцена на трехнедельный срок.

⁴ Николай Герцен (1843—1851) — сын А. И. Герцена, глухонемой от рождения. Погиб при кораблекрушении в Средиземном море 16 ноября 1851 г. вместе с матерью Герцена.

⁵ Турнейсен — парижский банкир.

⁶ Зоненберг Карл Иванович (умер после 1862 г.) — бывший гувернер Н. П. Огарева, потом живший при отце Герцена и исполнявший разные его поручения.

⁷ Жена и старшая дочь Герцена.

⁸ Голохвастов Дмитрий Павлович (1796—1849) — двоюродный брат Герцена, автор нескольких исторических статей и издатель материалов по русской истории. Служил в коллегии иностранных дел, был при Строганове помощником попечителя Московского учебного округа, в 1847 г. был назначен попечителем.

⁹ Эри Прасковья Андреевна (ум. 1849 г.) — мать Марии Каспаровны Эри. Познакомилась с Герценом в Вятке в 1835 г. В 1837 г. переехала в Москву и поселилась в доме И. А. Яковлева по предложению последнего. Была как бы членом семьи Герцена.

¹⁰ Вера Артамоновна — бывшая няня Герцена.

2

Париж, 1847, 28/16 марта

Вчера получил ваше письмо, почтеннейший Григорий Иванович, от 19 февраля, оно пришло поздно, потому что я пробыл несколько лишних дней в Бельгии. Теперь позвольте сказать поскорее о делах. 1-е. Всех денег с процентами до марта, принадлежащих костром[ским] кр[естьянам]¹, 3.060 руб. ас[сигнациями]; они имеют полнейшее право на них, но я об одном попрошу вас, отдавая им эти деньги, принять меры, чтобы они достигли своей цели, и обязать Шульца² строгой ответственностью, особенно сына, — он отвечает своим лицом; не мешало бы иметь от них мирской приговор, что они доверяют это дело Шульцову сыну с кем-нибудь еще — если Егор Ив[анович] не отдаст теперь этих денег, то попросите их у Дм[итрия] Павл[овича] в счет будущих процентов; наконец, ежели в случае надобности вы истратите свои деньги, я с благодарностью возвращу их немедленно. 2-е. Неужели Огарев до сих пор не высылал вам доверенности на получение 6 или 7/т[ысяч] ас[сигнациями] в казенной палате? И неужели г. Корш³ не требовал по огаревск[ому] делу для Петерб[урга] 2 500 ас[сигнациями]? мне никто ничего не пишет. Вы пишете, что у вас остается 701 руб. сер[ебром], поберегите эти деньги до объяснения по этому, а я вместе с этим напишу к Огареву и к Коршу, и если и тут случится добавить, до 2 500, я вас попрошу — с тем вместе я напишу к Огареву, чтобы прислал к вам деньги на мой расход, но для этого я подожду вестей от вас.

3. Я всем людям от Таургена выдал особо награждение и каждому на руки деньги на харчи, я им дал так много, что не ожидал новых требований, тем паче явного обмана, а поэтому полнейший отказ. 4. Солдата отпустите, Кузьму оставьте, впрочем, в этих делах, сделайте одолжение, поступайте как вы лучшим найдете. 5. Хотя я верно и не знаю, но по мелкости требований попрошу вас отдать Андрею и Панкрату, а с тем вместе Андрея и отпустить. 6. Татьяны паспорт тогда же отдан в ордонанс-гауз и был заменен дозволением ехать на три месяца — у меня его нет, да нельзя ли ей подать просьбу, что потеряла, во всяком случае помогите ей. Пусть она еще поживет у нас, дайте ей 5 ас[сигнаций] от имени Наташи — которая здорова, а была и больна в Генте⁴. Я слышал, что она что-то не ладит с Праск[овьей] Андреев[ной] — охота им — а, впрочем, я ею остался весьма доволен, — а потому она заслуживает снисхождения.

*6. Относительно дома, хоть я и удивляюсь, что его так обижают, но прошу уменьшить цену — если за этим дело, насколько вам покажется справедливым. А то я рассержусь и уступлю его Егору Ивановичу с руками и ногами.

7. Уведомьте меня, отдал ли Кувшинников⁵ остальные деньги, а если он не отдал, то сообщите ему, что его поступок странен, буде же в этом виноват Захар Серебряков, то я попрошу вас пострадать их, властью Дм[итрия] Павл[овича] над их землею.

Засим прощайте. Все мои кланяются вам, я кланяюсь Карлу Ивановичу — он пишет, что я ему должен 131 р[уб.] 9 к[оп.] ас[сигнациями], а Егор Ив[анович] пишет, что отдал ему 100 руб., стало за мной 31 [руб.] 9 к[оп.] вручите ему. — Далее ни Данила⁶, ни Гаврила⁷, ни кто другой не имеют никаких прав ни на что, жалов[анье] за месяц вперед я им отдал сам.

Простите за все хлопоты, доставляемые вам, Григорий Иванович.

Весь ваш А. Герцен

С боку приписка:

Я полагаю, что осенью буду просить Дм[итрия] Павл[овича] о уплате 10/т[ысяч], напишите пожалуйста, можно ли надеяться.

¹ Крестьяне имения в Чухломском уезде Костромской губ., принадлежавшего Герцену.

² Шульц — вероятно управляющий в костромском имении.

³ Корш Евгений Федорович (1810—1897) — журналист и переводчик, член московского кружка западников, редактор «Московских Ведомостей» (1843—1848) и журнала «Атеней» (1858—1859), в 40-е годы — одно из близких к Герцену лиц в Москве.

⁴ В «Капве биографии Герцена» Лемке не отмечено пребывание Герцена в Генте в марте 1847 г.

⁵ Кувшинников и Захар Серебряков — повидимому, крестьяне.

⁶ Данила — кучер И. А. Яковлева, отца Герцена.

⁷ Найденов Гавриил Семенович — крепостной Яковлева.

3

5 июня 1847 г., Париж

Почтеннейший Григорий Иванович!

Письмо ваше, вложенное в письмо Егора Ивановича, я имел удовольствие получить — и снова должен много и много благодарить вас за ваше участие и помощь в моих делах. Из письма Егора Ив[ановича] я заметил, что оно писано в каком-то состоянии меланхолии и раздражения, а потому не счел нужным на него отвечать. Итак, скончалась и княгиня Мария Алексеевна¹ — нет теперь ни одного представителя старейшин, встретивших нашу жизнь — грозное напоминание нам. Пишу к вам теперь именно с целью. Я просил вас вручить 200 руб. ассиг[нациями] Сергею Ивановичу Астракову², но ныне попрошу вас, буде ему нужно, вручить ему до 1.000 руб асс[сигнациями], т. е. 800 р[уб.] сверх прежних. Этим вы меня премного обяжете.

Если вы находитесь в сношениях с Никол[аем] Платоновичем, то сообщите ему, что я отдал Мар[ье] Касп[аровне]³ проценты за 2.000 сер[ебром] от апреля за год, и за полгода от 6 сентября за билет в 3.000 сер[ебром]. Он может вам прислать эти деньги, если они у него под рукой.

Мы живем здесь тихо и хорошо. Жена моя опять было сильно расхворалась, простудившись в Сен-Дени. Теперь ей лучше, однако, я собираюсь в октябре переехать в Палерму, а оттуда к карнавалу в Рим. Маменька и Мар[ия] Касп[аровна] в Лондоне. Примите на себя

* Так в оригинале.

труд передать от меня и от моей жены усердный поклон Дмитрию Павловичу и Надежде Владимировне⁴ — что б им прогуляться сюда, пространства нынче почти не существует. Маменька вечером поехала отсюда в Лондон, ночевала в Абевиле и утром на другой день была в Лондоне.

От Зоненберга получил грамотку, за которую благодарю — что-то он очень напугал бездной перестроек, построек, переделок и приделок. Впрочем, если все делается с вашего благословения, так лучше и не надо. Когда будете в наших краях, поклонитесь Вере Артамоновне — да напишите мне, что ее здоровье, я твердо жду, что она меня встретит при возвращении. Говорят, Кузьма очень хорошо себя ведет, за что ему очень благодарен. Про Панкратовы деньги должен был знать Лавр[ентий] Журавлев⁵. Я знаю, что часть денег ему отдана, но какая? в этом случае лучше в другой раз отдать. — За сим еще и еще дружески и усердно благодарю вас, остаюсь душевно и искренно преданный А. Герцен.

Я может быть съезжу один в Мадрид⁶ в Августе месяце на недельку — письма постоянно буду просить до зимы адресовать на Турнейсена.

Что Серебряков и украденные им 500 руб.² для меня этот вопрос не столько денежный, как нравственный, если я кому-нибудь в жизни сделал добро, так это его семье, и такой гадкий поступок, хоть бы он для очистки себя старался уплатить.

На 4-й странице настоящего письма приписка другим почерком:

По сему письму тысячу рублей ассигнациями получил кандидат Московского университета Сергей Астраков 1847 г. Июля 7 дня.

¹ Хованская Марья Алексеевна кн., урожд. Яковлева (1755—1847), жена кн. С. Ф. Хованского, сестра И. А. Яковлева. В ее доме воспитывалась Н. А. Захарьина, бежавшая отсюда перед своей свадьбой с Герценом. О Хованской много говорится в «Былом и думах».

² Астраков Сергей Иванович (1817—1867) — преподаватель математики в Москве, приятель Герцена и Огарева.

³ Эрн Мария Каспаровна, в замужестве Рейхель (1823—1916) — одно из самых близких Герцену лиц. Жила в Москве в доме И. А. Яковлева, по переезде Герцена в Москву поселилась у последнего и была воспитательницей его детей и близким другом его семьи. Вместе с Герценом выехала за границу. В 1849 г. вышла замуж за музыканта Адольфа Рейхеля; после этого жила в Париже, Дрездене и Берне. Была советницей Герцена в самых разнообразных делах; оказала ему громадную помощь в деле создания русской заграничной прессы.

⁴ Голохвастова Надежда Владимировна — жена Д. П. Голохвастова.

⁵ Лаврентий Журавлев — бывший крепостной слуга Герцена.

⁶ Эта поездка не состоялась.

Гавр де Грас 26 августа 1847

Давно я не писал к вам, почтеннейший Григорий Иванович, и давно не имел вестей от вас прямо, хоть имел косвенную от Астракова. Усердно благодарю за исполнение моей просьбы.

Мы теперь все в рассыпной. Маменька, Марья Каспар[овна] и Коля в Берне, Наташа маленькая в Париже, жена, я и Саша¹ на берегу моря. Здоровье Саши заставило меня отложить прежде предположенные поездки, жене моей советовали морские ванны, действительно ей здесь было удалось, — но как на зло Саша занемог сначала лихорадкой; потом она заменилась воспалением в кишках, и мы наше пребывание, на чрезвычайно живописных берегах Нормандии, провели самым печальным образом, — теперь Саше гораздо лучше, и я полагаю, что в конце недели или к 1 сентября уедем отсюда. Сюда мы приехали на том самом пароходе (Норманди), на котором везли от Гавра до Руана

наполеоново тело. — Из писем Огарева я вижу, что он сильно и действительно принялся за хозяйство² — с чем от души его поздравляю, он часто беспокоит и вас, позвольте и мне с своей стороны поблагодарить вас за одолжение ему, могу вас уверить, что это человек благороднейший и заслуживающий истинного уважения. — Я ему писал, что он мне задолжал тысячи около четыре асс[игнациями], и напоминал о долге Соф[ьи] Фед[оровны] Каппель³, если она требует уплаты, то потрудитесь сообщить мне, я готов перевести вексель на себя и сбавить в пользу Огар[ева] 2 пр[оцента]. Марье Каспар[овне] я здесь отдал проценты, что ее билет все еще в залоге? Если у вас к новому



ВАНДОМСКАЯ КОЛОННА В ПАРИЖЕ

Гравюра, 1840-е гг.

Музей изобразительных искусств, Москва

году не будет большой суммы, то я все же попрошу перевести тогда всю на дом Турнейсена, мне до февраля (здешнего), вероятно, хватит, но маменьке будет нужно, может быть. Впрочем, мелкие билеты, тысяч в пять, я могу через здешнего банкира в случае нужды разменять.

Что касается до меня, я как всегда здоров, больше занимаюсь глазами, т. е. смотрю, однако, иногда занимаюсь пером. Полагаю, что в Окт[ябрьской] книжке «Современника» вы прочтете письма отсюда⁴.

Передайте усердное почтение Дмитрию Павловичу и Надежде Владимировне. От Егора Ивановича я тоже давно не получал — передайте ему дружеский поклон. Он, кажется, пишет к нам только тогда, когда в дурном расположении духа.

Что делается в доме под бдительным глазом Карла Ивановича? Прасковье Андреевне кланяюсь. Здесь носились слухи о том, что Елена Ал., отданная Алек. Ал.⁵, очень дурно содержится и что даже Вера Артамоновна не пользуется всеми удобствами, которые она, без сомнения, заслужила. Я вполнину верю только — но тем не менее

счел нужным сообщить вам об этом. Вере Артамоновне поклон. Желаю от всей души, чтобы письмо это вас застало и всех ваших близких здоровыми, и в заключение, как всегда, дружески благодарю за все хлопоты и безмерные одолжения.

А. Герцен

Нат[алья] Ал[ександровна] кланяется вам и Саша.

Григорий Иванович, сделайте одолжение, записывайте в расход цену за письма, ибо я их никогда не франкирую из удобств отсылки, но не хочу никого вводить в траты. Также и ко мне не франкируйте.

Р. S. Я сейчас, прогуливаясь по Гавру, нашел в лавке чашки и ложки деревянные, раскрашенные, спрашиваю, откуда, купец мне говорит, что это отличная посуда «архангельская», самая маленькая стоит 50 сантимов. Вот вам и редкость здесь. А зато мы едим здесь удивительные устрицы по 40 сантимов дюжина, в Москве таких вовсе нет, а если бы были, то верно стоили 4 р[уб.] сер[ебром]. — Если бы не болезнь Саши, было бы очень хорошо здесь, перед глазами Ла Манш, сотни кораблей и пароходов, отсюда теперь отправляются пароходы в 12 дней до Нью-Йорка. Железная дорога оживила край — только очень страшные туннели, минуты четыре неслись в полнейшем мраке — под горой или даже под городом, именно под Руаном. — Так думать страшно, а едешь — ничего. Удобства удивительные, везде отели отличные, и, словом, при не очень больших деньгах — можно не заметить, что в дороге. Лето было очень переменчиво, но вообще до сих пор погода мягкая, я купаюсь в море всякий день.

¹ Саша — сын Герцена Александр (1839—1906).

² О хозяйственной деятельности Огарева см. его письма в сборнике «Помощь голодающим» (М., 1892 г.) и в «Звеньях» (сб. 1, 1932 г.), а также статью М. Гершензона об Огареве-помещике в «Истории молодой России».

³ Каппель Софья Федоровна (род. в 1790 г.) — дочь Иоганна-Фридриха Каппеля, бывшего врачом во Владимире. Сестра ее, Юлия Федоровна, была замужем за владимирским губернатором, позже сенатором И. Э. Курутой. Герцен сошелся с Юлией Федоровной и ее сестрой во время своего подневольного пребывания во Владимире. Софье Федоровне был должен по векселю Огарев.

⁴ В октябрьской книге «Современника» напечатаны первые три «Письма из Avenue Marigny» (с подписью «И»).

⁵ Неясное место. Алек. Ал. — Может быть, Алексей Александрович Яковлев («химик», ум. в 1868 г.), брат по отцу Н. А. Захарьиной и двоюродный брат Герцена. Нам неизвестно, кто такая Елена Ал. и не одно ли это лицо с Еленой, о которой идет речь в письме № 30.

16 октября 1847. Париж

Письмо ваше от 11 сентября, почтеннейший Григорий Иванович, я получил давно, благодарю вас за него и поздравляю от души с орденом, тем более поздравляю, что глубоко уверен в истинной и благородной пользе, которую вы приносите вашими занятиями — это не фраза.

Я совершенно готов к отъезду в Италию. Доктора никак не советовали ни Нат[алье] Алекс[андровне], ни Саше, который был очень болен в Гавре, я просто уверен, что у него была холера, — долее здесь оставаться. Мы едем сначала в Ниццу, потом в Рим — так как по этой дороге дилижансы скверные, то я купил коляску подержанную, но со всеми дорожными принадлежностями, и у кого же — у испанского министра Нар... [неразб.] — смешное столкновение одного с севера, другого с юга придает коляске интерес.

Вы пишете, что у вас собралось денег до 6.400 руб., если вы еще не распорядились с ними, то их можно положить на имя маменьки в опекун[ский] совет, вы знаете, что она дала свои деньги для перевода Ценкеру, — а если положено на мое, и то не беда. Уезжая в Италию, я боялся остаться там без денег и без знакомых банкиров, а потому отдал Турнейсену билет Москов[ской] сохр[анной] казны в 5.000 руб. и взял за него кредит на имя Торлонио¹ в Рим — стало быть посылать денег теперь не нужно; у меня остается от прежних тысячи две сереб[ром], а потому до лета будет довольно, жизнь же в Италии дешевле.

Сегодня едет отсюда почтенный и преблагородный негодант наш Николай Петрович Боткин², я просил его свезти вам два портрета — из крхх один позвольте поднести вам, а другой попрошу вас вручить Егору Ивановичу — это не чета прежнему портрету, который бросьте в печку. Если вам угодно будет заехать за ними, то он остановится в собственном доме на Маросейке, через двадцать дней от нынешнего числа он приедет. Сверх того он вручит вам 1.500 франков, взятые им у меня — вы их примите труд приобщить к прошлым. Я очень благодарен Дмитрию Павловичу за уплату, вероятно и проценты по прежним векселям он присылает вам с той истинно удивительной точностью, с которой мне присылал. Кажется еще за Егором Ивановичем была недоимочка. Я очень рад, что дом нанял Аксаков — семейство предпочтенное и преблагородное.

Вероятно, с тех пор вы уже имели случай послать что-нибудь Петруше³.

Прощайте, Григорий Иванович, от души желаю, чтобы письмо мое вас нашло здоровым. — Поклонитесь Егору Ивановичу — я уезжая отомлю ящик с моими портретами в Петербург, а оттуда попрошу контору Языкова переслать Егору Ивановичу, а его попрошу их покамест поберечь у себя, впрочем, предоставлю 10 экземпляров в распоряжение Егора Ивановича сверх того, который ему доставит Боткин; Карлу Ивановичу усердно кланяюсь, Вере Артамоновне тоже.

До 15 ноября ст. ст. вы можете продолжать адресовать письма к Турнейсену, он перешлет в Ниццу. Но с 15 ноября лучше писать такому-то à Rome (Italie). Confiée aux soins de Monsieur Torlonia.

Я еду 20 — сегодня 16, до Буржа по железной дороге, потом в Лион, Авиньон и Ниццу. Сообщите адрес и Егору Ивановичу.

Осень здесь стоит удивительная, теперь по вашему 4 октября, а погода точно в июле, теплые ночи и ясные дни.

Что, как идет домостроительство Егора Ив[ановича].

Жена моя кланяется вам, и Егору Ивановичу напишет, как только приедем в Италию.

¹ Торлонио — римский банкир.

² Боткин Николай Петрович (1813—1869) — брат В. П. и С. П. Боткиных. Герцен был знаком с ним еще в Москве. О нем см. М. К. Рейхель. Отрывки из воспоминаний, М., 1909 г., стр. 46.

³ Захарьин Петр Александрович — брат Н. А. Герцен. Впоследствии был фотографом и работал у С. Л. Львова-Львицкого, двоюродного брата Герцена.

В то время, как я писал к Егору Ивановичу, принесли мне ваше письмо от 2-го ноября, оно несколько опоздало оттого, что съездило прежде в Париж. Весьма благодарен вам, почтеннейший Григорий Иванович, за все сообщения, 1-е. Что касается до билета Марии Каспаровны, то потрудитесь его взять из казенной палаты, этот билет вов-

се не зависит от 2.000 сер[ебром], взятых Н. П. Огаревым у нее, след[овательно] взявши его, записка Огар[ева] останется у вас. 2-е. Билет переключивать не стоит; я отмечу долг на Огар[ева] в 480 сер[ебром] в дополнение к другим. 3-е. Когда проценты от Дм[итрия] Павл[овича] вы получите, то из них на 10/т[ысяч] сереб[ром] от 1 февраля 1847 до уплаты принадлежит маменьке; я просил Егора Иванов[ича] отдать из моих Вере Артам[оновне], да еще следует дрова и Карлу Иванов[ичу], также мам[енька] желает из этих денег поземельные за свою долю отдать и все траты по дому, небольшой подарок к новому году Якову, Егору и пр. 4-е. Я попрошу вас, Григорий Иванович, принять на себя труд некоторой ревизии: Зоненберг еще не совсем надежен в денежных делах, и я опасюсь его сильного желания переправок. По крайней мере, чтобы он вам доставлял все счета. — Я надеюсь, что костромские крестьяне не изменяют своей аккуратности и высылают в срок свой оброк, если же нет, вы примите на себя труд им подтвердить, деньги эти я попрошу также положить в Опекунск[ий] сов[ет] хоть на имя мам[еньки], она не желает или на неизвестного или [как] лучше найдете. — Проценты, когда вы получите от Дм[итрия] Павл[овича] и буде вам напишет из Шацка Аксинья Ивановна¹ насчет выдачи замуж ее дочери, то я вас попрошу препроводить ей 6.000 р[уб.] ассигнац[иями], которые Нат[алья] Ал[ександровна] назначила ей в приданое. Вероятно, послать придется через того же Протопопова. — Буде же письмо от них придет до получения от Дм[итрия] Павл[овича], то вы возьмете у него тогда. — Дело их задерживать я бы не хотел.

Я, кажется, вам писал, что вместо присылки денег я предпочел отдать билет Сохранной казны г. Турнейсену в 5.000 сер[ебром] — этого мне еще станет на несколько месяцев и с мам[енькой].

Дмитрия Павловича поздравляю с дочерью Натальей, нашего полку прибыло, у меня все Натальи да Александры. — Дети здоровы, но Нат[алья] Ал[ександровна], — которая усердно вам кланяется, — была здесь все время больна несмотря на то, что климат удивительный, — теперь цветут на воздухе розы, — оливы и алое совершенно зелены, одни каштаны начинают желтеть. — Мы едем отсюда 22-го, если хорошо будет, т. е. не бурно море, то мы поедем на пароходе в Геную, где пробудем дней 5, отсюда в Ливорно, оттуда по железной дороге через Пизу во Флоренцию — оттуда или сухим путем в Рим или морем в Чивиту-Веккию. В Риме вероятно останемся до июня.

Пишите, пожалуйста, о новостях, обо всем, все нам интересно, особенно, что касается до вас. Я продолжаю время от времени напоминать о себе моим приятелям и через печать. Скажите Дм[итрию] Павл[овичу], что я здесь написал небольшую шутку под заглавием «На пароходе»² — и помянул в ней бычка — полагаю, что «его не возмущу я нрава» этими итальянскими воспоминаниями.

А уж как здесь климат хорош, этого сказать нельзя. Вчера была гроза, сегодня посвежее.

Маменька и Марья Каспаровна вам свидетельствуют свое почтение.

Весь ваш А. Герцен

Потрудитесь переслать прилагаемую записку по адресу — по почте.

К вашему новому году мы в Риме.

Пишите на имя Torlonio. Только вы меня искренно обяжете не франкируя письма и платя за мои из расхода — иначе буду писать на имя Егора Ив[ановича]. — Вероятно, Боткин уж вручил портрет.

ПАРИЖСКИЙ БУРЖУА

Акварель из альбома П. Челищева

Литературный музей, Москва



¹ Захарьина Акимья Ивановна — мать Н. А. Герцен, бывшая крепостная Александра Алексеевича Яковлева. Неизвестно, о какой ее дочери идет здесь речь. Кроме Натальи Александровны, известны три дочери Акимьи Ивановны: Анна Александровна, уже в половине 30-х годов бывшая замужем за Орловым и жившая в Петербурге; Екатерина Александровна, в 1843 г. вышедшая замуж за А. И. Селина, который в 1845 г. занял кафедру словесности в Киевском университете; Софья Александровна, бывшая гувернанткой в помещичьей семье Семичевых и вышедшая замуж за хозяйского сына. Ни к одной из них слова Герцена не могут относиться. Очевидно у А. И. Захарьиной были еще дочери или, по крайней мере, одна дочь, жившая с матерью в Шацком уезде, куда Алексей Александрович Яковлев после смерти отца отвез всех его многочисленных «незаконных» детей.

² Какое свое произведение имел здесь в виду Герцен? В книге «А. И. Герцен. Новые материалы» (М., 1927 г.) покойный Н. М. Мендельсон, комментируя письмо Герцена от 31 декабря 1847 г., дал следующее объяснение: Статейка «На пароходе» — «Перед грозой (Разговор на палубе)». Помечено: Roma, Via del Corso, 31 декабря 1847 г. и вошло в книгу «С того берега» (стр. 44). Это — абсолютно неприемлемое толкование. Прежде всего, что такое упоминаемый Герценом «бычок»? Из «Былого и дум» и «Записок» С. М. Соловьева (стр. 42) видно, что это имя знаменитой в свое время лошади Д. П. Голохвастова, неоднократно бравшей в Москве призы на бегах. В той главе «С того берега», на которую сослался Н. М. Мендельсон, ни словом не упоминается о «Бычке» — да и не может упоминаться: это диалог на философско-исторические темы, с которыми никак не вяжется «Бычок». Кроме того, «Перед грозой» — произведение очень серьезное и даже печальное, а вовсе не «шутка». Дело уясняется, если вспомнить те самые строки из письма Герцена к Боткину от 31 декабря 1847 г., которые комментировал Мендельсон. Там говорится: «Тем не менее я написал 1-е письмо с Via del Corso и доволен им (что значит в твоём переводе, что оно скверное). Статейку «На пароходе» не могу писать. Я ее поправлял, поправлял да и испортил, а сначала было очень смешно, да и черновую имел глупость бросить в Ницце. Может и налажу. Я читал исправленное Ал[ексею] Ал[ексеевичу], он смеется крепко» (стр. 41). Совершенно очевидно, что в книгу «С того берега» Герцен включил очерк «Перед грозой (Разговор на палубе)», который он окончил в Риме 31 декабря 1847 г. и содержанием которого остался доволен. По содержанию этого очерка над ним никак нельзя было «крепко смеяться». Небольшое же произведение «На пароходе», исполненное юмора и упоминавшее как-то о голохвастовском «Бычке», было написано в первоначальном виде в ноябре 1847 г. в Ницце. Герцен потом «испортил» его (по его мнению) поправками, потерял черновик — и в конце концов оставил его незавершенным. Произведение это не увидело света и не дошло до нас.

Рим, 4 декабря 1847

Вот мы и в Риме. Несколько дней провели в Генуе, оттуда на пароходе отправились в Ливурну, там мы пробыли несколько часов, я успел съездить в это время в Пизу по железной дороге и вечером поплыли в Чивиту-Веккию. — Погода была превосходная, теплые летние ночи; в Рим мы приехали 28 ноября¹, на дороге из Чивиты-Веккии застал сильный дождь — результатом этого было то, что на другой день после нашего приезда у нас сделался лазарет, все дети больны, а у Наташи лихорадка. В Ницце я имел от вас письмо — и тогда же отвечал на него через Егора Ивановича. Это письмо вам доставит Н. П. Огарев. Он просит меня дать ему займы 25/т[ысяч] сереб[ром] по 8 пр[оцентов] на два года, для оборота — и под залог пензенского имения. Я нахожу это дело выгодным, лично вполне и безусловно верю Огареву, и для того намерен просить вас принять на себя труд и получить от меня доверенность по размену главного билета моего от 17 июня 1846 № 18.034 сер[ия] 388 в 100.100. Остальные деньги я попрошу переложить на десяти тысячные билеты, даже полагаю лучшим на имя неизвестного. Это удобнее, а № вы сообщите искренно уважаемому мною Данилу Даниловичу Шумахеру², которому при свидании сожмите и за меня покрепче руку. Так как дело такой важности требует все гарантии, то я попрошу вас все акты составить с соблюдением всех форм, расходы все падают на Огарева.

Если даже он не захочет денег, то я попрошу все же разменять билеты на десяти тысячные, — и во всяком случае вы примите на себя труд остальные билеты переслать мне например через Ценкера на Торлониа, я здесь пробуду до вашего 15 апреля, — отсюда поеду во Флоренцию. Адрес мой: Conf[ia]é aux soins de monsieur Torlonia à Rome или еще проще Via del Corso 18. Secundo piano.

Я доверенность пришлю на ваш адрес, а билеты через Ценкера, если найду это нужным. Во всяком случае попрошу вас тотчас меня уведомить в получении.

Все вам кланяются.

Что Дмитрий Павл[ович] не собирается ли платить капитал — или проценты? Да кстати и с 10/т[ысяч] следует (Sic!) проценты, из которых 6 залочены.

За сим от всей души вам кланяюсь и желаю весело встретить новый год. — Здесь лето вполне — прелесть да и только.

¹ В первом письме с Via del Corso Герцен называет днем приезда в Рим 30 ноября (см. Герцен, т. VI, стр. 575). На этом основании и Лемке в «Канве биографии Герцена» поставил 30 ноября.

² Шумахер Даниил Данилович (1819—1908) — чиновник финансового ведомства и общественный деятель, близкий знакомый Герцена, свояк Т. Н. Грановского (был женат на Ю. Б. Мюльгаузен). В 1839 г. окончил юридический факультет Московского университета. Долгое время был управляющим Московской ссудной казны. В 1873—1876 гг. был московским городским головой. В 1876 г. уволен от общественной и государственной службы из-за участия в банковских аферах (дело Струсберга). Был отдан под суд, судом оправдан, но его карьера была навсегда кончена.

Рим, 11 декабря 1847

Вероятно, вы уже получили, почтеннейший Григорий Иванович, письмецо мое, вложенное в письмо г. Огарева. С тех пор я передумал разменивать большой билет и посылаю два в десять тысяч сер[ебром]

каждый, вместе с доверенностью. Огарев занимает, кажется [?], для покупки фабрики, предоставляю совершенно вашим распоряжениям все насчет закладной, пусть она останется у вас. — Снова и снова прошу вас не досадовать на хлопоты, которые я вам доставляю — может в продолжении времени судьба позволит мне чем-нибудь доказать вам истинную признательность. Если Огар[ев] непременно будет просить пополнить сумму до 25 т[ысяч], то вы потрудитесь добавить ему из положенных вами в Восп[итательный] дом 5.000; но если можно обойтись без этого, то я попрошу вас перевести сюда 3.000 р[уб.] серебр[ом через] Ценкера, для маменьки, вы можете перевести их на дом Torlonia и вексель на мое имя переслать ко мне; Torlonia берет дорого, хорошо если бы Ценкер там взял деньги за пересылку или если по расчету выйдет, что три месяца от вручения денег падут не далее, как в конце марта стар[ого] стиля — тогда за перевод они бы взяли проценты; сверх того, если он переведет на скуди, то опасно, чтоб не надули там, а на франки — надуют здесь, а потому все это предоставляю тоже вашему решению. — Я в предпрошлом письме писал к вам насчет 3.000 ассиг[нациями] для невесты в Шацке; если потребуют их, потрудитесь послать. Вам еще придется получить оброк костром[ской], остальные проценты с Дмит[рия] Павлов[ича] и прошлые проценты с Огарева — стало на всякий случай запас будет, сверх того Аксаков. Сделайте одолжение известите меня поскорее о получении билетов, я предупредил Шумахера, но все для спокойствия лучше знать адрес мой: Roma (Italia) такому-то и всего вернее *Confiee aux soins de monsieur Torlonia*.

Семья моя вся без исключения подверглась здесь гриппу, кроме меня, жена (которая дружески напоминает вам о себе) была очень больна, и теперь нездорова, лихорадкой, которая здесь поддерживается климатом. Доселе, т. е. 29 ноября вашего ст[иля], здесь настоящее лето, иногда протапливается камин вечером, но днем дамы гуляют в соломенных шляпах и кисейных платьях. Говорят, что в феврале полная весна — когда же зима?

Не нужно ли на прежних огаревских закладных сделать надписи по иновании года?

Они у меня здесь.

Кланяйтесь Егору Ивановичу: скажите, чтоб через Париж не писал, письма опаздывают пятнадцать днями. — Получили ли вы мои портреты и довольны ли ими?

Маменька и Марья Каспар[овна] кланяются.

Что Вера Артам[оновна] и все наши домашние? Прощайте.

Сделайте одолжение, портовые деньги за это письмо не платите из своих, оно огромно и притом с документ[ами]. Расходы по закладной падают на Огарева.

Письмо ваше, почтеннейший Григорий Иванович, от 23 декабря я получил, оно мне доставило искреннейшее удовольствие не подробным отчетом о делах, за который дружески и много благодарю вас, а каким-то теплым чувством участия, которое я очень дорого ценю в людях, которых привык уважать — впрочем, я дурно выразился, привычка ничего, а которых я хочу уважать, потому что знаю, за что. Я вам очень благодарен за последнее письмо. — Новость, о назначении Дм[итрия] Павлов[ича] попечителем, я узнал прежде, мне захотелось по этому поводу написать к нему письмо — может я это и исполню со временем. Поздравлять ли с этим или нет, не знаю, место это бойкое,

на нем труднее составить имя, нежели потерять¹, — есть общественное мнение, которого прежде не было, образовались нравы, которых оскорблять нельзя. Я уверен не только в полнейшей благонамеренности, но и в способности Дмит[рия] Пав[ловича] — но не уверен, что он попадет на верный тон, а от тона все зависит. Может нигде формализм не бывает так вреден, как в деле ученом — Дм[итрий] Пав[лович] приобрел уважение многих, любви ни от кого²; знаете ли вы, сколько копий я переломал за него — но в иных случаях нечего было делать, что, напр[имер], за цензурный комитет в Москве³. — Графа⁴ мне ужасно жаль, быть его преемником усложняет еще более затруднительное положение — наконец, истинное несчастье, что многие хотят итти в отставку, чтоб не служить с Крыловым⁵. Дай бог, чтоб Дм[итрий] Пав[лович] нашелся, — представьте себе одно издание «Московских Ведомостей», такое, как было при Шаликове⁶ в то время, как теперь вся Россия привыкла читать грамотную газету; представьте какую-нибудь отвратительную тварь — на месте Платона Ст[епановича]⁷ — этого достаточно будет, чтоб нанести страшный удар репутации Дмит[рия] Павл[овича] — Егор Иван[ович] подает в отставку — наконец-то, — любопытно посмотреть, как он отделал свой дворец⁸; что, кстати, исправил он свою бумагу, положенную в Опекунский совет? Проценты я с маменькой разочту, в вашем счете я одного не понял. В приходе записано, что от Огар[ева] получено 328 р[уб.] 60 [коп.] сер[ебром]. А в расходе, что за него истр[ачено] 496 р[уб.] 43 [коп.] сер[ебром] — следует ли вычесть эти 328 или нет из 496?

Рейхель⁹ мне должен ровно 5.000 ассиг[нациями] — возьмите их поскорее, Григорий Иванович, с Эрн¹⁰, потому что они могут у него испариться на треть или половину. — Если же он не будет отдавать, то я попрошу сказать об этом Пр[асковье] Анд[реевне], да сверх того Боткину — который знаком с Рейхелем и может ему написать. Вы видите, я не хочу требовать денег с Рейхеля, но если он сам отдает, то не вижу причины, чтоб их задержал Гав[риил] Касп[арович].

Зоненберг сильно не нужен — потрудитесь при свидании сказать Егору Ивановичу, что я не намерен более платить ему с своей стороны 100 сер[ебром]. — Не желает ли он что дать, а Карлу Ивановичу как ни больно — а могу только предложить от 1 марта 1848 — от меня 50 руб. сер[ебром] в год и от маменьки 50 сер[ебром]; если ему угодно на этом основании остаться — я хоть не рад, но рад, — если же нет, что делать. Впрочем, я уверен, что Егор Иванович согласится — за что же он ничего не будет ему платить? Пошлите, сделайте одолжение 50 руб. сер[ебром] Петру Александровичу в подарок от меня к празднику, зачем он ничего не пишет, я просил ему в Петербург доставить 50 сер[ебром] — до конца марта он может писать ко мне в Рим — пожалуй так: *Via del corso 18* или «*Confîée aux s. de Monsieur Torlonia*». Душевно рад, что вам Боткин понравился, это отличнейший человек и прелестнейший.

Я попрошу вас влагаемое письмо принять на себя труд и отослать поскорее и с верным человеком, даже по адресу; — попрошу также, как это письмо очень вальяжно (*sic!*), записать портовые деньги в расход — вы меня этим обяжете. Об огаревском деле — жду с часа на час от него письма. — Еще и еще раз благодарю вас за тысячу и тысячу одолжений, я без вас был бы как без рук. Моя жена (которая здесь постоянно больна) кланяется вам, а равно маменька. Будьте здоровы и не ленитесь иной раз взять перо в руки, чтоб дать нам вести из Москвы. — Сегодня ровно год, как мы поехали — начнем через несколько месяцев подумывать о возвращении.

Совершенно независимо от всех прочих расчетов, если Огарев, на мои поручения, попросит у вас денег, то я попрошу — вручите ему полученные от Эрн — хоть все, если нужно. Это вовсе не для него. Если получу еще от вас письмо — тотчас буду отвечать.

Прощайте.

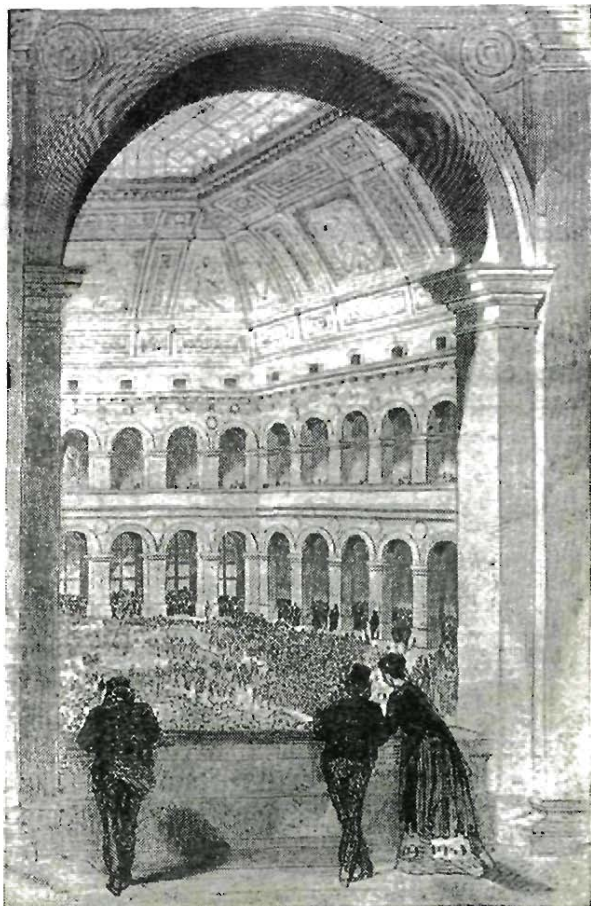
Всем домашним поклон. Вере Артамоновне — два.

Вексели я получил, оно хоть и не совсем ладно со стороны Ценкера, да я привык к банкирским проделкам. Один Турнейсен в Париже поступил без прижимок. Во-первых, он деньги перевел на Париж, а не на Рим (хорошо, что Торлони акцептирует на Турнейсена, но тоже не без магарыча, да и два раза промен[ял] — раз с рублей на франки, да раз с франков на скуди, — а во-вторых, когда векселя дают для получения через три месяца, тогда они ничего не берут за перевод, кроме процентов. Впрочем, Ценкер — в прошедшем году обсчитал меня на курсе, как я после убедился в Париже. — Если Огареву будет особенно нужно на [письмо надорвано], то буде Эрн не отдаст, я попрошу дать сколько случится моих денег, сверх имеющих [заклеено сургучом; может быть: «особое»] назначение.

¹ Герцен был прав в своих опасениях: по словам С. М. Соловьева, Голохвастов на посту попечителя «умел заслужить самое невыгодное о себе мнение в университете и обществе московском» («Записки», стр. 40).

² Об этой стороне личности Голохвастова Соловьев говорит там же: «Это был человек знающий, умный, честный и любивший честность в других, но ум этого человека отличался особенным складом, именно удивительною форменностью». Бездушная, формальная логика Голохвастова делала его совершенно нестерпимым для других.

³ При Строганове Голохвастов был председателем цензурного комитета и проявил себя здесь как крайний реакционер и непримиримый враг сколько-нибудь свободной мысли.



ВНУТРЕННИЙ ВИД ПАРИЖСКОЙ БИРЖИ
Гравюра М. Коста по рисунку М. Морена из
«Paris guides», 1867 г.

⁴ Строганов Сергей Григорьевич (1794—1882) — попечитель московского учебного округа с 1835 г. до 1847 г. На этом посту он заслужил известное сочувствие со стороны московской интеллигенции. Герцен писал о нем в 1842 г.: «Доселе из всех аристократов, известных мне, я в нем одном встретил много человеческого». В 1859 г., когда прошел слух о назначении Строганова на место Ростовцева председателем комиссии по крестьянскому делу, Герцен поместил в «Колоколе» заметку «Ростовцев и Строганов», где писал о Строганове: «Мы не забыли того времени, когда мы вас лично знали. В вас было много благородного, вы любите Россию; покажите, граф, что майорат в сорок тысяч душ не перетянет». Строганов не был назначен на место Ростовцева, но в качестве члена государственного совета проявил себя, как испугавшийся общественного движения богатый помещик, и Герцен в «Колоколе» не раз выступал против него с резкими обличениями. В 70-е годы Строганов был полным сторонником Д. А. Толстого и вполне поддерживал реакционную политику последнего относительно народного просвещения.

⁵ Крылов Никита Иванович (1807—1879) — профессор римского права Московского университета, цензор. Способный и талантливый человек, умевший делать свои лекции очень интересными для студентов, он в то же время отличался большим невежеством вне своей узкой специальности и стоял весьма невысоко в моральном отношении.

В 1847 г. его жена, сестра Е. Ф. Корша, ушла от него вследствие очень жестокого обращения с нею (он тащил ее за волосы по улице); в то же время поднялся вопрос о его взяточничестве. Профессора Корш, Кавелин, Грановский и Редкин подали попечителю университета просьбу об удалении Крылова из университета, заявляя, что иначе они сами уйдут. Грановского министерство не отпустило, так как он еще не отслужил обязательного срока после посылки за границу; остальным трем профессорам была дана отставка.

⁶ Шаликов Петр Иванович, князь (1768—1852) — бездарный поэт ультрасентиментального направления и крайний реакционер, предмет постоянных насмешек для современников, был назначен редактором «Московских Ведомостей» вскоре после 1812 г. и оставался в этой должности 25 лет.

⁷ Нахимов Платон Степанович — брат известного защитника Севастополя адмирала Нахимова, был при Строганове инспектором студентов Московского университета. По своей доброте и человечности он пользовался большой популярностью среди студенчества.

Имя его часто встречается в мемуарной литературе, см., например, воспоминания Б. Н. Чичерина «Москва сороковых годов» (М., 1929 г., стр. 32—33). Выводится Нахимов и в романе Писемского «Взбаламученное море» при описании студенческих годов Бакланова.

⁸ Е. И. Герцен служил в одном из московских архивов и имел по службе казенную квартиру.

⁹ Рейхель Александр Казимирович — приятель Герцена, чиновник Новгородской казенной палаты, художник. Герцен сошелся с ним во время своей новгородской ссылки. Н. А. Герцен писала о нем в ноябре 1841 г. своей приятельнице Ю. Ф. Куруте: «...Рейхель — неоцененный человек, — художник, юноша в 50 лет, неограниченной доброты, путешествовавший лет 20 и неистощимый в рассказах, с большим образованием и познаниями; он посещает нас почти ежедневно, и для бедного Александра это истинный клад» («Русская Мысль», 1889 г., VI, стр. 17).

¹⁰ Эрн Гавриил Каспарович — старший брат М. К. Эрн. Сошелся с Герценом в Вятке, где он состоял при губернаторе чиновником особых поручений. В начале 40-х годов, по рекомендации Герцена, служил в имении Огарева. 17 октября 1848 г. Герцен писал Огареву: «Signor Эрн (хорошего управляющего я тебе рекомендовал!) получил 5.000 моих денег да с ними как в воду канул». (А. И. Герцен. Новые материалы, стр. 63).

Неаполь, 12 февраля 1848 г.

Обращаюсь к вам, почтеннейший Григорий Иванович, с новыми хлопотами и чрезвычайно важными. У меня пропал портфель¹ со всеми моими документами и документами Луизы Ивановны — обронил ли я его или украли — все равно, его нет, в нем билеты и векселя. — Вместе с письмами я отправляю объявление в Опекунский Совет, а вас прошу пожалуйста дайте знать Шумахеру и помогите предупредить всякого рода фальшивую подпись — надписей на билетах решительно нет.

Вот №№, числа и суммы.

- Мои 1) 1846 июнь 17 № 18.034 в 100.000. —
 2) 1847 январь 14 № 25.000 в 10.000. —
 3) — — — № 25.001 в 10.000. —
 4) Заемные письма Дмитрия Павл[овича] — два заемных письма от 10 мая 1840, каждый [Sic!] в 15.000.
 5) Заемное письмо Ник[олая] Пл[атоновича] Огарева в 10.000 от 12 августа 1846.
 6) Его же 28 октяб[ря] 1846 в 5.000.

Луизы Ивановны

1828 августа 1 Моск[овской] сохр[анной] казны № 75986 на имя Ив[ана] Ал[ександровича] — 60.000 ассигнац[иями].

1846 июня 17—№ 18.031 именной, положенный Григор[ием] Ив[ановичем] в 106.000. —

Но всего важнее векселя и кредитив, так как кредитив из Парижа, то это я беру на себя. Векселя же от Ценкера.

1) Присланные вами два в 11.760 на имя Турнейсена.

2) Присланный Ценкером помнится в октябре — на имя Турнейсена в 1.940 франков, посланный г. Мельгуновым.

К Турнейсену я сейчас напишу, но мне необходимы секунды.

Наконец, при всем этом я могу, пока дело приведется в ясность, остаться совершенно без гроша, а потому попрошу вас, как только получите это письмо, переслать из моих денег 12.000 ассигнац[иями] — переведите их на Торлония в Рим. Да, бога ради, тотчас напишите о получении письма и о том, как в воспитательном доме. — Сегодня 12 февраля, т. е. 1-е; почта ходит дней двадцать пять, да 21 день назад — около 28 марта я попрошу вас писать ко мне в Рим, опять на имя Торлония, и для верности застраховать. Пожалуйста потрудитесь как можно скорее дать ход этому делу — я посылаю теперь объявление в Сохранную казну, а вслед за тем пришлю доверенность на получение билетов. — Если, хотя я не жду, документы отыщет полиция здесь, я тотчас напишу. —

Письмо ваше я получил в Риме — но отвечать на него право теперь не могу, голова идет кругом, еду сейчас к префекту полиции. —

Весь ваш Ал. Герцен

В Рим поеду отсюда дней через десять. Я вам пришлю доверенность на получение билетов. Сделайте одолжение справьтесь, получили ли мой пакет в воспит[ательном] доме и предупредите Шумахера и Лазарева. Жду ответа. Ценкер пусть пришлет вторые на все три векселя.

¹ Историю о том, как в Неаполе пропал портфель и как затем вернулось почти все его содержимое, Герцен рассказал в «Письмах из Франции и Италии», письмо 7 (см. Герцен, т. VI, стр. 42—49). Несколько иначе рассказала этот случай М. К. Рейхель («Отрывки из воспоминаний», стр. 58—60). См. еще «Воспоминания Н. А. Огаревой-Тучковой», М., 1903, стр. 47—50.

Я писал к вам, почтеннейший Григорий Иванович, третьего дня о том, что у меня пропали все важные документы, бывшие со мною, как мой, так и маменькины билеты, кредитив и векселя от Ценкера

на Турнейсена: 1) в 1.940 от октября 1847, посланный Мельгуновым, 2) в 5.000 и 3) в 6.760, присланные вами.

Я отправил объявление в воспит[ательный] дом, это важнейшее дело, предупредите пожалуйста, Григорий Иванович, что я никаких надписей не делал, — если нужно, публикуйте в газетах, я, как обдосужусь только, пришлю доверенность на получение новых билетов, да нельзя ли мой капитал весь разбить на десятитысячные билеты.

Векселя Дмит[рия] Павлов[ича] и Огарева тоже пропали — а вместе с ними и вексель Рейхеля; не следует ли написать новые — что для этого нужно? Я напечатал в здешней и в римской газете о потере, предупредив разных банкиров — объявил награду и пр., но не думаю, чтоб было возможно найти. — Пожалуйста сообщите тотчас в Рим, куда я еду дней через десять Адресуйте на Торлонио. Если будут какие-нибудь сильные затруднения, я готов приехать сам. Да дело, впрочем, простое, если бы воспит[ательный] дом ни в коем случае не выдавал по билетам моим и Луизы Ивановны.

Засим прощайте, письмо это назначено только для того, чтоб сообщить вам в случае потери первого письма о несчастном случае и попросить узнать, получено ли мое объявление в Сохранную казну и буде нет, нельзя ли вам сообщить.

Жду ответа с нетерпением.

Еще попрошу съездить к Ценкеру и сказать ему о векселях и о публикации; вы мне пришлите вторые векселя — и во всяком случае пришлите тысяч пятнадцать или двенадцать франков, ибо я совершенно без денег.

Меня этот случай расстроил и раздосадовал, а то здесь было бы превосходно, погода удивительная.

Прощайте, Григорий Иванович, — отдал ли Эрн 5.000 за Рейхеля?

Душевно преданный А. Герцен

Пожалуйста портовые деньги записывайте в мой расход.

19 февраля 1848. Неаполь

Спешу уведомить вас, почтеннейший Григорий Иванович, что вчера лацарони принес мои билеты Моск[овской] сохр[анной] казны в нашу миссию для получения объявленной мною награды, но так как они надеялись получить деньги по иностранным документам — то их не возвратили, — я пострадал лацарони, поехал опять к префекту графу Тофало (порядки у них теперь учреждены препротивные), — и мне доставили в тот же день три векселя Ценкера на Турнейсена; стало быть, недостает — одного кредитива, да и его надеюсь получить. — Гора с плеч долой. А вам доставил я хлопоты — даром и попустому, право надобно иметь всю снисходительность вашу, чтоб терять столько времени, при всех ваших занятиях, — я могу только сказать, что истинно и глубоко благодарен за вашу помощь. — Прилагаю при сем объявление в Сохранную казну, мне кажется оно необходимо. Если вы перевели деньги, беды нет, надобно же когда-нибудь было опять потребовать. Жду теперь, что скажет Торлонио насчет кредитива, кажется, я успел предупредить всех банкиров во время. — В прошлом письме вы спрашивали меня насчет того, посылать ли Петруше деньги и в Шацк — я прошу вас об этом и очень, даже если бы случилось нужно послать и несколько побольше — я вполне буду согласен со всеми вашими распоряжениями.

Все наши здоровы, на дворе тепло, и теперь я пишу к вам перед открытым балконом, под ногами море, вдали Везувий. Мы всходили на него, и, притом, во время небольшого извержения.

Со мною в одном отеле стоит Алексей Ал[ексеевич] Тучков¹, узнав о потере билетов, он тотчас отправил письмо к своему родственнику г. Михайлову, служащему в Воспитательном доме директором; когда вы будете в Сохранной казне, куда препровождаю бумагу — потрудитесь ему дать знать о прекращении действия по делу о потерянных билетах.

Никакому сомнению не подлежит, что бумаги не потеряны, а были украдены — но если бы я здесь стал отыскивать их, как украден-



ПАРИЖСКАЯ БИРЖА

Гравюра, 1860-е гг.

Музей изобразительных искусств, Москва

ные, никогда бы не нашел. — Не могу, впрочем, довольно нахвалиться содействием всех, к кому я обращался с просьбой.

Прощайте, Григорий Иванович, весь ваш А. Герцен.

Егору Ивановичу поклон.

Заемные письма Дм[итрия] Пав[ловича], Огар[ева] и Рейхеля тоже найдены.

¹ Тучков Алексей Алексеевич (род. в 1800, умер около 1879) — помещик Пензенской губ., предводитель дворянства Инсарского уезда, бывший в близких отношениях с Герценом и Огаревым. На одной его дочери женился Огарев, на другой Н. М. Сатин. В декабре 1847 г. Тучков со своими двумя дочерьми, тогда еще девушками, встретился с Герценами в Риме и с тех пор почти не разлучался с ними. Из Рима Тучков уехал несколько раньше Герцена, но потом они опять съехались в Париже и вместе переживали июньские дни. В феврале 1850 г. Тучков был арестован одновременно с Огаревым и Сатиным по подозрению в принадлежности к «секте коммунистов». В результате этого дела по решению Николая I Тучков был лишен звания предводителя дворянства, выслан из Пензенской губ. и отдан под надзор полиции.

6 апреля 1848, Рим

Почтеннейший Григорий Иванович,

Ваше письмо от 4/16 марта я получил вчера. Прежде еще получил от Колли и Редлиха¹ векселя на 13.320 фр[анков]; но вашего письма от 26 февраля я не получал, — если в нем было что-либо важного, примите на себя труд еще раз сообщить; да недурно и в почтамте справиться. Впрочем, оно и здесь могло затеряться — мы были десять дней отрезаны от всякого сухопутного сообщения с Европой войною в Ломбардии. — Много и дружески благодарю за все хлопоты по пустой тревоге насчет портфеля. Деньги, вами присланные, истинное благодеяние — их, т. е. векселя, принял Торлония — а то представьте забавное положение: у меня на кредитиве 8.500 фр[анков] и на векселе от декабря месяца 5.600 фр[анков], в обыкновенное время Торлония не говоря ни слова выплатил бы и взял с Турнейсена деньги. Но теперь банкиры, сконфуженные революцией и упадком кредита, не секонтируют иначе, как по билетам или векселям, которых срок так долог, что они могут быть возвращены к пославшему (т. е. к Колли) — я вступил поэтому в сношения с Турнейсеном и жду его ответа; как дождусь, уеду отсюда (между 20 и 25 апреля). Поеду сначала во Флоренцию, а там, смотря по обстоятельствам, через Милан или через Сардинию в Германию. Подождите нового адреса, но если будет что-нибудь нужное для сообщения, то я попрошу послать письмо все же на имя Торлония, прибавляя *En priant de faire parvenir à M-r Herzen*. — Если Аксаковы захотят нанять дом еще на год, пожалуйста отдайте — или отдайте кому-нибудь другому; возвращение наше я еще так определенно назначить не могу, впрочем, думаю, если не будет особых причин, то все же до конца года я пробуду где-нибудь в умеренном климате. Здоровье жены начало несколько поправляться, очень важно дать ей еще более окрепнуть.

Мне жаль, что Карл Иван[ович] не согласился сам в справедливости уменьшения жалования, тем более имея еще от Егора Ивановича — и не имея особенно важного занятия. — Когда будете в нашей стороне, поклонитесь от меня Прасковье Андреевне — да кстати, что же Гаврил Касп[арович] и 5.000 от Рейхеля? Право их не мешало взять, благо тот отдает. Да, вот что бы мне хотелось еще: нельзя ли узнать, что поступил ли в университет сын нашего власьевского священника, молодой человек, очень застенчивый; если будет случай, передайте ему мой поклон и искреннее желание, чтоб он твердым шагом продолжал избранный путь.

Вы наверное, позволите вам прислать небольшой римский гостинец; здесь гостинцы, как и всё, из камня — я приобрел мозаику хр[ама] св. Петра работы Кав. Барбери, крышкою табатерка. Явится она к стопам вашим при первом случае. Вы ее примите от меня и маменьки, как дружеское внимание.

Говорят, что Погодин назначен помощником попечителя². Жаль, ужасно жаль университет — да жаль и Дмитрия Павловича. Поклонитесь ему от меня. А что 4.000 остав[шихся] по сохранной записке? Да хорошо, если б Дм[итрий] Пав[лович] и капитал большого долга начал уплачивать. Если Огар[ев] адресуется за 5.000 ас[сигнациями], я попрошу вас ему их выдать.

Прощайте. Сегодня мне 36 лет. Старость не радость. При свидании поклонитесь Егору Ив[ановичу] — говорят, он переходит в чертоги свои.

Всегда ваш А. Герцен

Маменька и жена много и много кланяются, равно и Марья Каспаровна.

Сейчас получил от Егора Иван[овича] письмо от 3/15 марта с подробной описью всех умерших в Москве — за письмо я его благодарю, хотя некрологические списки и лишены для меня особого интереса. Он пишет, между прочим, о земле при доме, насчет сего скажите Егору Ив[ановичу] при свидании все, что ему угодно и кажется удобно, я с своей стороны — совершенно согласен, пусть он межует, ставит столбы и разводит сады. Если бы он хотел купить самый дом, я ему бы охотно продал со всею мебелью и со всеми агрементами за 11.000 сер[ебром], и купчая его. — Вероятно, и маменька не постыит за свой. — Спросите его, при каких он мыслях насчет чухломского имения — при тех ли, при каких был, т. е. даст ли 50/т[ысяч], например [?], сереб[ром]. — Прасковья Андреевна пишет о каком-то женихе Елены Андреевны — если это что-нибудь путное, мы готовы помочь несколько. Что Протопоповы просили у вас деньги для шацкой невесты?

Вере Артамоновне поклон.

¹ Колли и Редлих — московский банкирский дом.

² Слух оказался неверен.

25 апреля 1848

Вот я опять с хлопотами, почтеннейший Григорий Иванович, право и совестно и досадно, да делать нечего. Смутные дела во всей Европе поставили меня в прекурьюзное положение относительно денег: 1) Вексель в 5.760 франков, данный Ценкером и Колли на Турнейсена, возвращен мне от Ротшильда с известием, что Турнейсен лопнул, между тем, пока [посылали,] вексель просрочился. Торлони говорит, что Ценкер и Колли, наверное, не воспользуются таким случаем и поступят, как простая честность говорит, то-есть заплотят деньги — которых я не получил. Так как на векселе написано, что деньги посланы вами — то вы имеете полное право требовать возвращения денег. Я посылаю не только вексель с надписями, но и официальный акт, присланный из Парижа: отдавая его Колли, я посоветую, буде он затруднится в уплате — взять с него записку в получении обоих документов. Если же он согласится (на что я думаю есть и закон) заплатить, то через него же надобно будет снова перевести деньги — но об этом после. 2-ое) Торлони принял один из трех векселей, посланных Редлихом и Колли, но два остались на Фульде¹. Фульд не платит, я пошлю к нему векселя и буде он не заплатит, я их возвращу Колли, срок их далеко не пришел. 3-е) О 8.500 сер[ебром], находившихся на кредитивном письме, Турнейсен пишет мне, что он не откается их заплатить — но не теперь, а по приведении к концу всех дел, то-есть, может быть, через год. Результат всего этого, что я при деньгах — без денег. — После завтра оставляю я Рим и еду во Флоренцию, оттуда собираюсь в Турин; маменька собирается через свою родину — Штутгарт — в Париж; там она по доверенности моей будет хлопотать о получении денег. Торлони дает от себя письмо — но при всем этом и она и я, мы можем остаться без денег, а потому: я вот о чем попрошу вас. Если Ценкер и Колли возвратят 5.760 фр[анков] по векселю, то потрудитесь к ним прибавить еще от 6 до 7.000 франков, как будет возможно (кстати, может Дмитрий Павлович отдал остальное по сохранной записке и проценты, а может и Эрн внес рейхелев долг, я писал вам, что не получил одного из ваших писем).

Деньги эти я попрошу вас переслать, во-первых, на ответственность Колли и Редлиха, всего лучше на имя одного из главных лондонских банкиров, или как они знают. Отправьте их в письме, адресуя его на имя маменьки в Париж: à M-me Louise Haag de Wurtemberg à Paris — confiée aux soins de M-rs Rotschild et C^{ie} — а всего лучше пусть Колли и пошлет по этому адресу, — а вам даст секунду. Письмо мое придет к вам около 15/3 мая; стало быть, полагая дней пять на всякие потери, маменька получит ответ в Париже около 2 июня/20 мая — я в это время буду где-нибудь в Пиэмонте, куда посылают доктора Наташу и куда я стремлюсь сам отдохнуть от души. Все, что вам угодно сообщить мне, пишите и маменьке — она мне сообщит письмо. А как я где-нибудь оснуюсь, так напишу еще письмо с адресом, но для перевода денег не ожидайте, пожалуйста, ничего, а то мы попадем на Антониеву пищу. Если вы поручите переслать векселя Колли, то для большей достоверности я попрошу принять труд и сообщить особым письмом, и упомянуть на кого векселя и число, на имя же маменьки — просто à Paris — poste restante.

Простите, простите и дайте вашу руку — что делать, такие обстоятельства в сто лет не случаются. В первый праздник видел я, как Пий девятый благословлял народ с балкона в храме Петра, а потом удивительную иллюминацию — которая делается до сих пор по чертежу и плану Бонаротти. Сегодня должна быть знаменитая Жирандоль с крепости св. ангела, но за дождем отменена. — Итальянская жизнь мне ужасно нравится; лето началось еще в марте, теперь настоящий рай. Жду бездну новых наслаждений во Флоренции, но в жары советуют приблизиться к Альпам; на нас, северных жителей, жары лета действуют, говорят, плохо, особенно при здоровье Наташи и Саши. —

Все кланяются вам. При свиданьи передайте поклон Егору Ивановичу — вот ему доказательство, что дома отстраивать легче, нежели путешествовать и переводить [клочок письма вырван; повидимому: деньги].

Затем много и много кланяюсь вам, жму вашу руку крепко и усердно.

А. Герцен

Понравилась ли вам моя «Сорока-воровка»? Не была ли послана «секунда» векселя в 5.760 в письме, которое пропало? — Впрочем, и по ней нельзя получить, ибо теперь на Турнейсена никто платить не будет, да и виноват окажется тот банкир, который отдаст.

Я переменял адрес и прошу послать письмо на имя Ротшильда в Париж.

¹ Ф у л ь д — банкир.

² Повесть Герцена «Сорока-воровка» напечатана в «Современнике», 1848 г., № 2 (с подписью «Искандер»).

Почтеннейший Григорий Иванович, — сейчас маменька садится на пароход, а я с детьми на паровоз¹ и едем в две разные стороны: она прямо в Марсель — а я поезжу по Тоскане, а потом отправлюсь в Шамбери, где снова съедемся с маменькой. — Я писал к вам на днях — но, боясь неаккуратности почт в Ломбардии, пишу здесь и отдам письмо маменьке, чтоб она его отправила из Марселя. В прошлом письме я послал к вам вексель от Колли на Турнейсена в 5.760 франков, который Ротшильд воротил из Парижа с протом, засвидетельствованным нотариусом. Если Колли порядочный человек, он понимает,

ПАРИЖСКИЕ БЕЗРАБОТНЫЕ
И БЕСПРИЗОРНЫЕГравюра П. Гаварни
Литературный музей, Москва

что ему нельзя не платить вам по векселю, а, впрочем, если следует на него жаловаться и пр., то все сие вполне поручаю вам. Торлони — взял с меня прегнусную расписку, что я отвечаю в случае остановки платежа у Колли даже за те векселя, по которым он прежде мне выдал. Без этого он не хотел меня снабдить 5.000 по одному фулдовскому векселю. — Получили ли вы мое письмо — оно было застраховано и послано дней пять тому назад из Рима. — Вашего письма, о котором вы писали, я все-таки не получал. —

Теперь у меня на кредитиве	8.500 фр[анков]
На двух векселях Колли на Фулда	8.300
	<u>16.800</u>

Если к ним прибавить тысячи две наличных денег, да вексель посланный к вам — этого было бы довольно на окончание путешествия и возвращение в Москву, но, в сущности, я имею только 2.000 фр[анков], ибо Фулд в ликвидации, по его векселям не платят. Торлони адресовал в Париж к какому-то знакомому. Я уговорил маменьку отправиться за деньгами, не заезжая в Штутгарт — ибо под конец мы пришли бы к совершенно затруднительному состоянию. Думаю, что с Турнейсена сантимов 70 или 75 за франк получу по кредитиву.

Если вы не получили, Григорий Иванович, моего прошлого письма с векселем, то примите на себя труд известить об этом долге Колли — который и без векселя имеет все средства убедиться в том, что долг Турнейсена в фальшите², и что я по векселю не получал от других банкиров, иначе бы я ему прислал вексель с надписью — он дан им от (нашего, кажется) 23 февраля. А потому, если он хочет, я ему вышлю копию с прота через Ротшильда; сверх того, я попрошу вас ему сказать, что, как только Фулд откажется платить (Марья

Каспаровна отошлет вам векселя) — я с него потребую деньги, ибо тут и срок не прошел: 26 февраля/9 марта на три месяца.

Если есть возможность с совершенной верностью и на страх Колли и Редлиха перевести 3.000 сер[ебром], вы меня обяжете. Ибо при нынешних обстоятельствах, я не могу надеяться даже на Ротшильда — и если мне по векселям не заплатят, я насижусь без гроша. Все же Ротшильд парижский или кто-нибудь из лондонских банкиров верен — вексель пришлите, как я вам писал в прошлом письме, на имя маменьки — *Madame Louise Haag de Wurtemberg. — Confiee aux soins de Monsieur Rotschild à Paris.* Это гораздо вернее, нежели послать в Шамбери, я же буду делать разные экскурсии. Мария Каспаровна тотчас известит вас о получении письма — а мне его доставит. —

Засим прощайте, Григорий Иванович. Простите за хлопоты, доставляемые вам в таком обилии. Мы все здоровы, насколько кто может; Наташа была сильно больна морской болезнью при переезде из Чивиты-Веккии в Ливурну, ветер был ужасный, мы ехали на большом сардинском пароходе, и несмотря на его величину его бросало на стороны как маленький челнок.

Все желающие ко мне писать пусть пишут на адреса маменьки и Ротшильда, т. е. теперь, ибо через несколько времени я пришлю настоящий адрес. Пусть Зоненберг съездит сказать об этом кому-нибудь из наших близких знакомых. Мне бы очень хотелось знать, когда бедный Грановский повезет свою жену, которая так страдает, в Германию, и куда именно ее посылают доктора; я думаю, любезнейший пастишок Зоненберг все это обделает.

Все наши кланяются вам. — Прощайте еще раз. — С дороги что-то нескладно пишется, до сих пор все еще кажется, что качает на пароходе.

Весь Ваш А. Герцен

¹ Точное обозначение времени пребывания в Ливорно отсутствует в «Канве биографии Герцена» Лемке.

² В ликвидации (французское *faillite* — ликвидация, банкротство).

Париж, 1848 июля 8

Денежные хлопоты и переговоры с Турнейсеном и с Фулдом заставили меня, вопреки моему плану, возвратиться сюда, где я и получил письма ваши, адресованные к маменьке; посланное же от 27 мая получено вчера. Ваш отчет снова заставляет меня самым искренним, самым душевным образом вас благодарить — я очень понимаю, что это больше, нежели я заслуживаю, но думаю, что вы не сомневаетесь в том, что я понимаю и ценю вашу дружескую готовность одолжать всех нас — и что я это говорю и повторяю не потому, что ваша помощь мне теперь необходима — а потому, что я так понимаю умом и сердцем. Теперь и я с своей стороны дам вам отчет. 1-е. Фулд отдал мне по двум векселям Колли и Редлиха 8.000 фр[анков]. 2-е. Вексель, присланный домом Колли через Петербург на 280 фунтов стерл[ингов] на Лондон, Ротшильд послал к акцептированию. 3-е. Вексель на сумму 5.700 фр[анков] возвратил от Турнейсена с протестом, я еще не получал. А по вашему письму я было взял и копию с протеста. — 4. Что касается до 8.500, оставшихся на Турнейсена, — это дело затянулось, он хоть и уверяет меня, что отдаст по расчету — но не знаю, получу ли с него все; в конце июля он должен платить или объявить себя банкротом; я продавал мое право за 7.000 фр[анков] — но у меня не купили, это мне не подает больших надежд. — Колли и

Редких поступили, как благородные и честные люди. Турнейсен на словах не позволяет сомневаться — я буду дожидаться назначенного ему срока.

Доверенность я еще не написал. Но это более дело формы. Скажите Егору Ивановичу, что дом его, деньги пусть он отдаст, когда я пришлю доверенность. Потрудитесь их положить в Опекунс[кий] совет на два билета на неизвестного. — Когда я возвращусь, буду себе искать дом в гористых частях города, напр[имер], на Маросейке, на Покровке и притом такой, который бы давал доход. Егора Ивановича с покупкой поздравляю. Вы пишете, что он посылает письмо — ни маменька ни я письма не получали. Что касается до костромского имения — время терпит, можно в Москве на досуге переговорить, если же придумаю что-нибудь, то напишу Егору Ивановичу. —

Табакерки вы потому не получили, что она у меня в шкапе, я не хотел рискнуть ею при теперешних делах — ее вам доставит один мой знакомый в конце августа. — Мне очень хотелось бы знать, отдал или нет Рейхель деньги, дело в том, что я у него не просил и не торопил его, зная его дела, на нем я могу и подождать — но если он их передал Эрну, то поступок последнего был бы из рук вон страшен. Вероятно, Прасковья Андреевна знает. Кстати, прошу ей и всем домашним передать поклон. Пожалуйста относительно прислуги, если кого надобно поощрить или наградить, распоряжайтесь, как только вам заблагорассудится.

За сим мне остается пожать вашу руку, — так как письма ваши дошли очень исправно, то и не для чего менять адрес. В газетах пишут, что в Москве снова холера — дай бог, чтоб она миновала вас всех. —

Окончивши дела с Турнейсеном, я отправлюсь в Лондон и оттуда уже начну обратный путь — хотя определенно времени назначить не могу. Будьте здоровы и прощайте.

Я полагаю, что еще получим письмо Егора Ив[ановича]. Тогда я и мам[енька] будем писать к нему особо.

Потрудитесь приложенную записку доставить по адресу, хоть через Кузьму или Зоненберга.

Августа 6 1848, Париж

Почтеннейший Григорий Иванович

Я снова пишу к вам о деньгах.

Вы пишете в последнем письме, что у нас осталось 2.640 р[уб.] сер[ебром], я попрошу перевести их сюда на мое имя — но только прошлый перевод был очень не выгоден для меня. Я полагаю, что Колли может прямо послать на Ротшильда парижского — никакого близкого кризиса не ожидают, я, с своей стороны, советую так послать, прошлый раз за 2.000 сер[ебром] — т. е. 8.000 фр[анков] я получил 7.060, след[овательно] 940 фр[анков] стоила пересылка из Москвы в Петербург, перевод из Петербурга на Лондон и из Лондона на Париж. Это ужасно дорого. — С Турнейсеном делать нечего, он объявил, что уплатит в продолжение двух с половиной лет. Я продаю его обязательство, у меня покупают, но хотят, чтоб я уплатил более 25 процентов. Между тем, я уплатил из своих денег маменьке в счет 10.000 сер[ебром], которые я взял отправляясь в путь, 12.000 фр[анков] асс[игнациями] — из этого вы видите, что траты не очень велики; у меня теперь еще цел вексель в 5.000 ф[ранков] — но про запас считаю полезным снова просить вас о присылке 2.500 сер[ебром], а

если у вас теперь более денег, не принадлежащих собственно в капитал (как, напр[имер], с Егора Ив[ановича] за дом я считаю в капитал) — то переведите, чем больше, тем лучше. На днях вы будете иметь живую весть об нас: Марья Федоровна едет прямо в Москву, она вручит вам табакерку, примите ее в знак дружбы и благодарности от маменьки — я признаюсь очень буду рад, если она вам понравится, я ее заказывал на свой вкус.

Доверенность я еще не засвидетельствовал, если не успею сегодня, то пришлю ее с Мар[ией] Фед[оровной].

Я дождусь здесь денег, потом сообщу вам, когда и как мы думаем ехать. Что это у вас холера все шутит шутки нехорошие? Насмотрелись и мы здесь ужасов довольно в июньские дни.

Егор Иванович пишет, что перебрался уже в новый дворец свой. — Прощайте, почтеннейший Григорий Иванович. Жена моя усердно вам кланяется. Маменька также, она собирается по получении денег ехать в Швейцарию. —

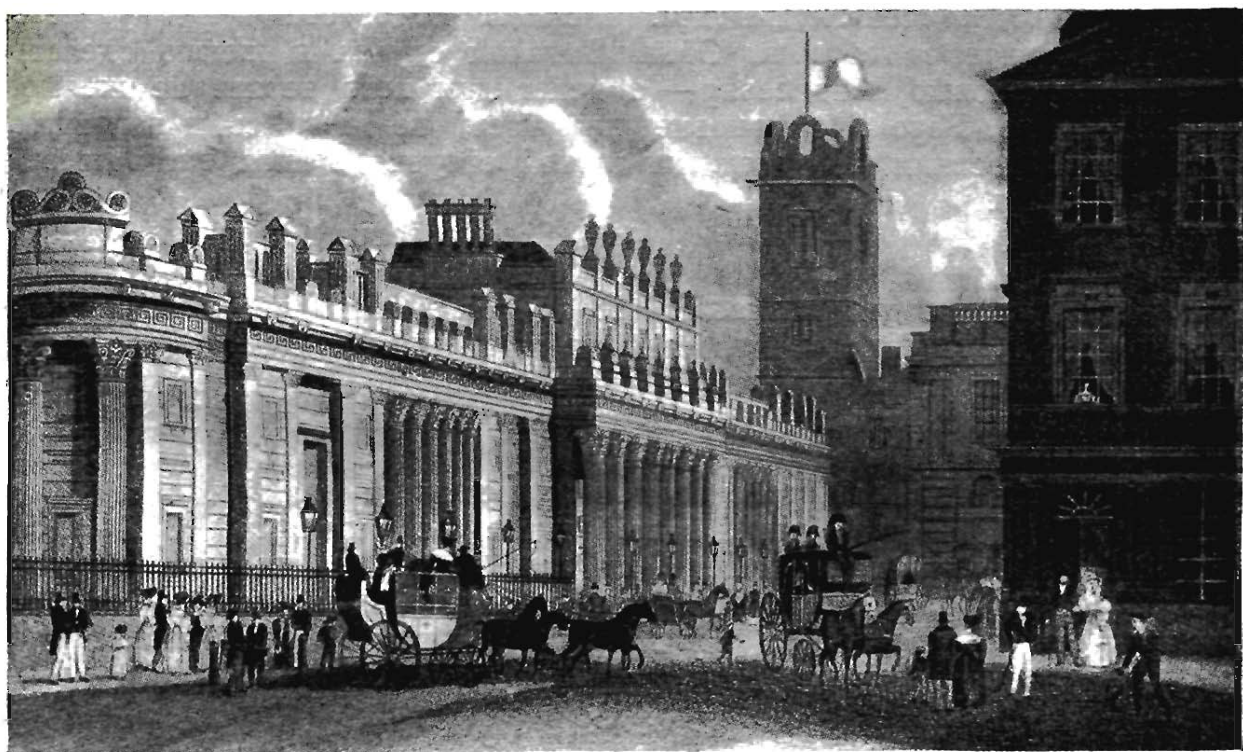
Весь Ваш А. Герцен

18

8 сентября 1848, Париж

Письмо ваше, почтеннейший Григорий Иванович, от 24 ав[густа] я получил и особенно тороплюсь отвечать на него, чтоб доказать вам, вас от всей души поблагодарить за ваши замечания, для меня в их откровенности лежит лучшее доказательство дружеского расположения вашего к нашему семейству. Очень и очень благодарю вас. Может быть, писавши к вам, я по рассеянности написал что-нибудь неверно — теперь, за ваше замечание, я осуждаю вас прочесть целую страницу оправданий. — Во-первых, скажу вам мое нравственное правило насчет состояния. Я получил почти случайно довольно много, — никогда не имел я ни жажды стяжения, ни любви к безумной роскоши. У меня есть дети, — полученное мною я им передам. Увеличить состояние я не чувствую ни охоты, и, наконец, не вижу необходимости. Доход мой имеет три назначения — доставить мне с семейством прожиток, доставить средства на самое развитое воспитание детей, доставить возможность не отказывать в иных случаях приятелям и знакомым. — Капитал, доставшийся мне, состоял без малого из 200.000, доходу по 4 пр[оцента] 8.000, костром[ское] имение доходу 2.000 — вот нормальный доход. — Прошлый год был особенно дорог, путь, переезд в Италию, даже непривычка к путешествиям сделали то, что от 1 января 1847 до 1 янв[аря] 1848 истрачено 12.000. — Это превышает, по крайней мере, 3.000 сер[ебром] мною намеченную смету. Но и тут я не вышел из доходу, ибо на 35 т[ысяч] получались проценты от Дм[итрия] Павл[овича] и на 15/т[ысяч] от Огарева (если он и не платил их, то они только остались в его руках, а не исключились из моего капитала). — Нынешний год я никак не проживу 10/т[ысяч], от 1 января до 1 июля с переездом из Италии издержал я 15.000 франков, да разными переводами и быстрыми понижениями и повышениями курса я потерял сверх того около 1.500 фр[анков]. Не предвижу, чтоб мне было нужно больше до 1 января 1849, что и составит до 33.000 фр[анков], что гораздо меньше 10/т[ысяч]. Но к этому присовокупляется расход в Москве, такие непредвиденные случаи, как напр[имер], приданое, посланное в Шацк (зато я не считал доход с дома) и пр. — При всем этом вас, мне кажется, удивляет, что вы денег посылаете гораздо больше, нежели я издерживаю. — Пожалуйста не забывайте, что я поехал за границу не взявши никаких денег кроме

маменькиных. — Когда она истратила взятые ею 5.000, я стал ей уплачивать из взятых мной у нее 10.000, из них до сего числа я уплатил 4.500 руб. Да из тех, которые получу через Ротшильда, уплачу 1.000. Наконец, не забудьте и того, что Турнейсен в ликвидации и у него моих денег остается более 6 000 фр[анков]. Да в наличности у меня теперь от прежних тоже около 6/т[ысяч] — остальной дефицит в долгах. Он очень, впрочем, не велик и вряд дойдет ли до 1.500 сер[ебром]. — Я вижу беспрестанно перед глазами примеры путешествующих русских, которые пишут о деньгах, когда уже придется худо, и принуждены занимать здесь у ростовщиков — вот причина, по которой я всегда прошу о высылке их заранее. Итак, заключение мое будет,



БРИТАНСКИЙ БАНК В ЛОНДОНЕ

Гравюра, 1860-е гг.

Музей изобразительных искусств, Москва

что я не издерживаю больше дохода. Вы вспомните, что проценты по всем билетам — вознаграждают взятое из капитала. Теперь, когда я получу 3.000, о которых вы пишете, и отдам маменьке 1.000 — у меня будет 13.000 фр[анков] и надежда на Турнейсена, стало быть от 1 сентяб[ря] — если не будет ничего особенного — до 1 января моя жизнь обеспечена, а в декабре я опять прибегну с просьбой о деньгах на 49 год. —

Довольны ли вы, почтеннейший Григорий Иванович, полной ре-ляцией и отчетом, в котором могут быть небольшие ошибки, но сущность которого верна. Цель моя удержать полученное в целости, не откажусь его увеличить — но целью этого увеличения поставить не могу. Думаю, что без особенных несчастий я не утрачу ничего из капитала. — В заключение еще и еще благодарю вас за советы и замечания. Делайте их от души и с тою откровенностью, которую вам дали многие права.

Вероятно, когда вы получите это письмо, вы уже виделись с Марией Федоровной — и она передала вам и поклоны, и вести, и табатерку. — К Огареву я прилагаю записку, потрудитесь, если его нет, ото-

слать ее к нему в Пензу. — Егору Ивановичу усердный поклон; вероятно, дом уже теперь законно принадлежит ему, деньги я просил вас уже принять на себя труд и положить в совет на имя неизвестного. —

В Шацк я попрошу вас посылать по прежнему и Петру Алекс[андровичу] тоже. Если не достанет моих денег, вы меня душевно обяжете ссудив. Я писал, сверх того, о Мар[ии] Фед[оровне] и просил вас в случае необходимости снабдить ее деньгами. Я так много обязан этой женщине за все ее попечения, что с радостью готов для нее сделать все, тем более, что ее поездка с нами не принесла ей никакой выгоды.

Маменька [вырвано] и Марья Каспаровна вам кланяются. Да сделайте одолжение, узнайте от Прасковьи Андреевны, что же наконец Рейхель заплатил деньги или нет. Я сильно подозреваю, что тут есть что-то неладное со стороны Эрна. В таком случае я желаю сделать судьей Праск[овью] Андреевну — а денег для него терять не желаю.

Прощайте, Вере Артамоновне кланяюсь, не ленитесь и напишите письмецо с вестями обо всех, на чужой стороне всякая весть имеет большую цену.

Всегда ваш А. Герцен

Жена моя усердно кланяется, ее здоровье опять чего-то попортилось от всех сует и неприятностей здешней жизни. Дети здоровы. — Думаем, может к зиме перебраться куда-нибудь. Но адрес пока до перемены остается тот же. На мое имя или же маменьки и *Confiée aux soins de Messieurs Rotschild à Paris*.

Огарев мне должен, рассчитывая проценты до октября с разными комиссиями, 2.875 сер[ебром], в том числе не выплачены 328 р[уб.] 60 к[оп.], о которых вы пишете, их надобно стало вычесть. Я ему пишу, если он уехал, положите в пакет записку и потрудитесь ему ее послать — если он желает, можно взять с него новую расписку в должной сумме — впрочем, он мог тратить по моему назначению.

19

13/2 октября 1848. Париж

Ваше письмо, почтеннейший Григорий Иванович, от 18/30 сентября я получил сегодня утром. Чрезвычайно рад, что табатерка вам нравится, работа в самом деле замечательная, особенно мозаика, что делал знаменитый мозаист *Caval. Michelangelo Barberi* в Риме, и у меня есть его руки свидетельство. — Векселя я получил уже давно. Потеря очень большая при переводе — но необходимости надобно покориться. Маменька, кажется, не поедет без нас — а мы, может быть, принуждены будем зимовать здесь (т. е. остаться до конца февраля) — на чем окончательно остановимся, сообщим вам тотчас. — Душевно рад, что мой финансовый отчет принят вами так, как я его писал. Вы очень хорошо сделали, пославши Ак[синье] Ив[ановне] 100 сер[ебром], вообще, в таких случаях я прошу вас поступать совершенно самовластно, я знаю ваши чувства — и знаю, что они никогда не разойдутся с главными моими желаниями. Насчет Эрна я добиваюсь одного — отдал деньги Рейхель или нет. Я не могу представить, чтоб бесстыдство и наглость могли идти до такой степени, в то время, как я для Эрна прежде кой-чем был полезен. Обязанность Праск[овьи] Анд[реевны] была бы ему представить всю гнусность такого поступка. Если г-жа Каппель будет приставать, то я попрошу отдать ей проценты — к Огареву я буду писать сегодня, если еще больше будет приставать, то я попрошу вас написать к Ник[олаю] Пл[атоновичу], чтоб он

прислал вексель на мое имя в сумме должной им Каппель, и переписать мой вексель. Но чего же ей лучше, как получить 8 проц[ентов] с Огарева? — Я буду просить вас переслать прилагаемое письмо через верного человека Мар[ье] Федор[овне], она мне забыла написать свой адрес, да сверх того, не франкированные письма доходят гораздо аккуратнее, а мне не хочется ее вводить в траты, вы будете, верно, так добры, что запишете в мой расход это тяжелейшее письмо. — В случае, если бы Мар[ия] Фед[оровна] после обратилась к вам за деньгами, я попрошу сколько возможно, напр[имер], с 300 сер[ебром] ей предложить — я ею бесконечно обязан.

О Сергее Львовиче¹ знаю только, что он здесь и здоров.

При свидании кланяйтесь Егору Ив[ановичу], которому я уже писал. Пусть он перестраивает и устраивает.

К зиме не худо бы было от Дм[итрия] Павл[овича] взять 4.000 сер[ебром] остальные. Кажется, он не должен затрудняться в таких случаях.

¹ Львов-Львицкий Сергей Львович — двоюродный брат Герцена, фотограф.

20

26 октября 1848. Париж

Письмо ваше, почтеннейший Григорий Иванович, от 14 октября я получил очень скоро, а именно 25, и спешу отвечать на него.

Хотя я никак не считаю действительно выгодным давать деньги взаймы, тем не менее, этот случай составляет полное исключение. Огарев принадлежит к самым близким людям, мы с ним росли вместе, и не только материально вместе — но и душевно. В нем я совершенно уверен. Если я затруднялся и приискивал обеспечение в такой значительной сумме — это единственно в одном несчастном предположении смерти Огарева, ибо его наследнику я не верю, племянники несовершеннолетни, а Плаутин¹ сам не может, я думаю, внушить доверие даже своей жене. — Видя теперь и из вашего письма и из письма Огарева, что деньги ему необходимы на оборот, я решаюсь их ему дать. Пусть Маршев^{*2} с своей стороны подпишет (как вы лучшим найдете), пусть будут соблюдены все возможные формы — кроме залога имения, что оказывается невозможным. — Я очень желал бы, чтоб вы приняли на себя труд заметить Огареву, что мне очень хотелось бы на всякий случай, чтоб он особенно поручил этот долг и прежний во внимание своих наследников.

У вас доверенность на получение денег есть, но, кажется, она была недостаточна — для того, впрочем, чтоб это не могло вас остановить, попросите Егора Ивановича взять из его денег — и отдайте ему пока мои билеты, я усердно Егора Ивановича об этом прошу, при том он ни процентами и ничем не потеряет ни одной копейки — билеты мои останутся у него, я умру, наследников моих он знает.

Разумеется, чем меньше, тем лучше. Лучше 20/т[ысяч], нежели 25 — но если им непременно нужно 25, я согласен, проценты за один год вперед, по прошествии года можно будет вексель протестовать и тогда он пойдет еще на год. — Не лучше ли заемное письмо совершить от крепостных дел? —

Если можно по старой доверенности, то не сможет ли Данила Данилович, ведь сомнения истинного у них быть не может. — Дело все в том, что я писал под «залог имения», я вижу сам, что это

* Вы может знаете, что это побочный сын Платона Богдановича.

глупо, мне следовало бы просто писать «на известное вам употребление». Но я полагаю, Егор Иванович не затруднится. Кстати, чтоб не писать ему особого об этом письма, я попрошу вас передать ему, что мне нет никакой крайности, чтоб он тотчас, по совершении купчей, заплатил деньги, пусть купчая совершится, а он вам вручит заемное письмо, или что хочет и как хочет; но только мне бы не хотелось ни дома брать назад — ни платить поправки.

Теперь о прежних счетах с Огаревым, я действительно писал ему о разных важных тратах — ему стоит только сказать, сколько потрачено им за меня. Всего за ним было к 1 янв[арю] 1848—1.975 руб. сер[ебром], сверх того, по заемному письму одному от августа, другому от октября следовало за год 900 руб. сер[ебром]. — Да от август[а] нынеш[него] год[а] и октября за год вперед опять 900. — Это составляет 3.775 сер[ебром]. Если же Н[иколай] Пл[атонович] не отдал деньги Мар[ье] Касп[аровне], не по билету, а взятые в апреле 46 года — то я отдам ей еще 160 сер[ебром], что и составит 3.935 руб., из которых пусть Огар[ев] вычтет уплаченное за меня — остальное, если не встретите особых препятствий, можно вычесть с процентами. — Я прилагаю, между прочим, письмецо к нему (оно не готово, и я посылаю без него). Мне, право, совестно, что я доставляю вам такое множество хлопот, но делать нечего, кроме благодарить судьбу, что она меня сблизила с таким человеком, как вы, почтеннейший Григорий Иванович, на которого содействие, дружеский совет и теплую готовность помочь я считаю как на каменную гору. —

По окончании этого дела вы, верно, будете так добры, что напишете мне — и если все окончите, то недурно разом прислать тысячи три денег серебр[ом]. Денег у нас до февраля довольно и с маменькой, но так как векселя пишутся на три месяца, то потеря очень велика, когда берешь до срока. —

Все, что найдете полезным в этом деле — приказывайте и делайте и требуйте — хотел сказать — так, как я сам бы делал, но вспомнил, что вы все это сделаете гораздо лучше.

Дружески жму вашу руку.

Жена благодарит, что вы вспомнили 22 октября³.

¹ Плаутин Сергей Федорович — полковник, муж сестры Огарева — Анны Платоновны.

² Маршев Иван Иванович — побочный брат Н. П. Огарева, сын его отца и крепостной крестьянки, купец второй гильдии. В конце 1848 г. стал компаньоном Огарева по приобретению Тальской писчебумажной фабрики в Симбирской губ. Вел себя в этом деле совершенно недобросовестно относительно Огарева.

³ 22 октября — день рождения Н. А. Герцен (род. в 1817 г.).

Париж. Ноября 24 1848

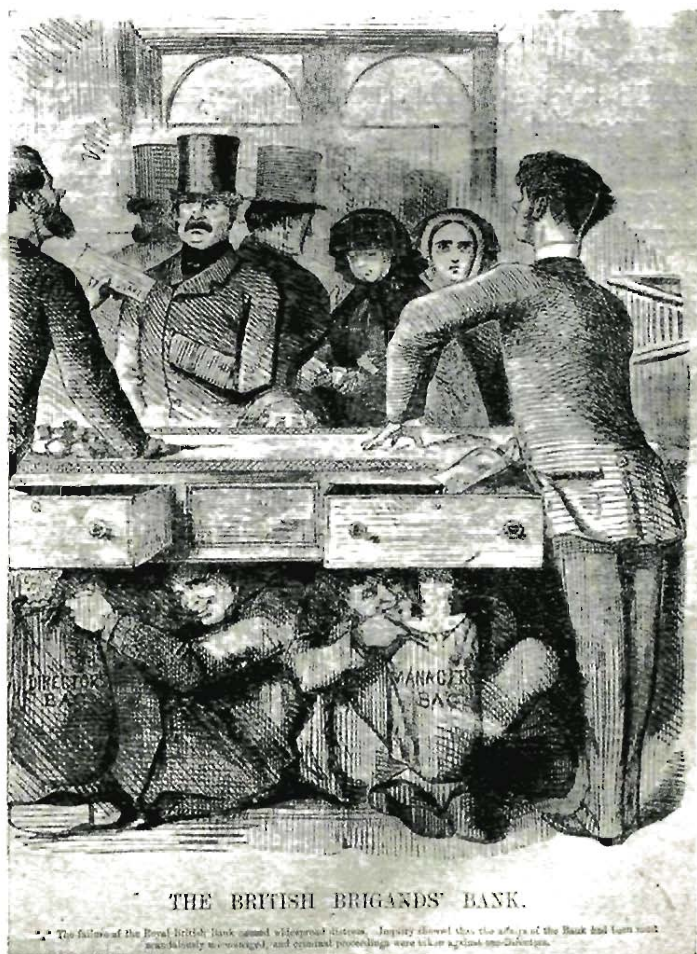
Ожидая от вас, почтеннейший Григорий Иванович, ответа на мое последнее письмо насчет ссуды Николаю Платоновичу (о которой он писал опять ко мне из Саранска), я вздумал — вот уже наверное не догадаетесь — сам вступить в небольшое торговое дело. Выгоды, приобретаемые теперь здесь на наличные деньги, превосходят вероятие. Я отдал чрез посредство дома Ротшильда, и с его гарантией в отношении к фонду, 10/т[ысяч] билетами Сохранной казны — риск не велик, все, что я могу потерять, это рублей 700 невыгодного промена, да рублей 100 за перевод. — Я тороплюсь потому уведомить вас об этом, чтобы вы не удивились, когда билет представится, и не считали бы, что я издержал эти деньги или взял их на расход. Мне очень хо-

чается быть под вашим контролем — и, след[овательно], давать вам отчет во всех финансовых делах.

Если Егор Иванович отдал за меня Ник[олаю] Пл[атоновичу] своих 20/т[ысяч], я тотчас ему пришлю доверенность на билеты, находящиеся у вас. Жду только вашего сообщения. Вероятно, костромские крестьяне и нынешний год пришлют так же исправно оброк, как всегда, — деньги на прожиток становятся нам нужны, жду присылки от вас, чем больше, тем лучше, потому что менее хлопот, а расход от этого не увеличивается. Наша жизнь идет теперь так правильно в отношении к расходам, что все вертится около одних и тех же цифр. Мы издерживаем от 2.300 фр[анков] до 2.500 в месяц, редко переходим фр[анков] 100 эту сумму. Маменьке я остался должен 14.000 франк[ов] и выплачиваю по 1.500 фр[анков] в месяц (она из этих денег посылает иногда своим родным в Штутгард), стало быть, очень легко нас и усчитать и определить, на сколько станет денег, к здешнему новому году останется у нас обоих около 3.000 фр[анков], а поэтому я попрошу, если вы не посылали еще денег, послать их. Данные же Ротшильду совсем не надобно вводить в счет, они через год снова воротятся в Московскую Сохранную казну — которая представляет теперь единственный верный банк в Европе. Из Петербурга мне пишут, что Петруша что-то хил и очень нуждается, если вы сочтете нужным, то я попрошу вас послать ему рублей 30 сер[ебром] к новому году без всяких отношений к получаемым им деньгам. Ну, что Егор Иванович с моим домом, он обещает давненько описать, но ничего не пишет.

Прощайте, почтеннейший Григорий Иванович. Душевно желаю, чтоб письмо застало вас в добром здравьи.

Маменька, жена моя и дети усердно кланяются.



«БАНДИТЫ БРИТАНСКОГО БАНКА»

Карикатура из журнала «Punch»

От Эрна, вероятно, не добились ответа, он имеет свои причины проходить молчанием дело рейхелевых денег. Если мое подозрение справедливо, то это свидетельствует о глубочайшем разврате — я не знаю, чему тут больше дивиться, гнусной неблагодарности или краже. Но до окончательного осуждения надобно знать, так ли. Хотя уже и то худо, что можно подозревать.

22

4 декабря 1848. Париж

Почтеннейший Григорий Иванович, пишу к вам небольшое письмо, главная цель его просьба принять на себя труд вручить Марии Федоровне Корш 200 руб. сереб[ром] из моих денег, если же вы их все отправили ко мне, то ссудите мне до получения от Дмит[рия] Павл[овича]. — Но это еще не все, я попрошу вас заставить ее взять эти деньги, если она будет отказываться. Я знаю, что они в крайности, — я знаю, как я был обязан ей, и это какая-то ходячая гордость.

Последнее время я провел очень тревожно. У Наташи (маленькой) было воспаление в мозгу, ноябрь месяц страшным образом несчастен для меня. Помните в 46 году, именно в день моих именин занемогла Лиза¹; в 45 в тот же день сделался у Саши коклюш; в 47 — моя жена была в горячке (в Риме). Нынче этот случай. Кажется, можно достоверно сказать, что опасность прошла, но лихорадка продолжается. Все это вместе, разумеется, расстроило опять здоровье Наташи. Я вас попрошу при свидании прочесть письмо это и Егору Ивановичу — особо писать некогда, он из него узнает все, что было.

Ваше письмо я получил — или, кажется, я вам уже об этом писал — если Огареву деньги не нужны, то всего лучше мои билеты оставить у Егора Ив[ановича], а его деньги в ту же сумму положить на мелкие билеты (напр[имер], на 4) на имя неизвестного для легости. То же попросил бы я вас сделать и с деньгами, которые отдает Дми[трий] Павл[ович]. Нумера будущие известны Дан[илу] Дан[иловичу]. — Егор Ив[анович] очень благодарен за его готовность. Об доме все как он хочет, деньги я жду, теперь у нас еще есть и до половины января может станет (с маменькой), чем больше вы пришлете, тем более не будет хлопот. Расходы у меня идут так правильно, что я не жду ни особых трат — ни особой экономии.

Позвольте вас еще раз попросить деньги за письма. Взять из расходов моих, поэтому я и позволяю вкладывать еще письмо.

Если бы для Мар[ии] Фед[оровны] было нужно сверх этих денег до 1.000 ас[сигнациями], вы меня одолжите, давши ей.

Меня сильно соблазняют торговые сделки, о которых я вам писал в прошлом письме. Богатеть я особенного желания не имею — но иметь больше средств и помочь и обязать иной раз — дело важное. —

Я, разумеется, был бы очень рад, если б Дми[трий] Павл[ович] отдал долг. — Во всяком случае, вероятно, остальные по сохранной записке он отдаст, я вам тогда ее пришлю, написав, что получил.

Прощайте. Дружески и с искренней благодарностью жму вашу руку.

Жена и все наши вам кланяются. —

Здесь погода стоит удивительная, настоящее лето.

Приписка в конце письма, написанная другой рукой:

По сему письму получила 200 руб. серебром.

Марья Корш

¹ Лиза — дочь Герцена. Родилась 30 декабря 1845 г., умерла 27 ноября 1846 г.

21/9 декабря 1848. Париж

Ваше письмо, почтеннейший Григорий Иванович, от 26 нояб[ря] 16 дек[абря] я получил вчера, а прежде еще вексель от Ценкера на Ружмона. Все, что вы сделали с займом Огарева, очень хорошо, только я думаю, что мне не приходилось получить с него сполна 3.935 — впрочем, в этом беды нет, я писал к нему, чтоб он вас известил, что он считает за мной, но он видно не написал. Мы с ним сочтемся. — Вы спрашиваете насчет 25 сер[ебром], данных вами Фролову, мне остается вас дружески благодарить, подобными вещами вы показываете не только доверие ко мне, но то, что вы сочувствуете и разделяете мой взгляд на предметы этого рода. Всегда, во всех случаях, где ваше прекрасное сердце вам посоветует сделать снова что-нибудь подобное — нисколько не задумываясь, исполните и будьте вперед уверены, что я дружески сожму вашу руку. Меня беспокоит Петруша, он хочет в Москву, не мог ли бы ему на время дать приют Егор Иванович? Я пишу к нему с этой же почтой и попрошу г. Панаева ему доставить рублей 200 асс[игнациями]. Насчет костромского оброка — конечно, лучше его перевести сюда, вероятно, и курс поправится, так, по крайней мере, ждут — денег у нас теперь к 1 января до 12/т[ысяч] фр[анков] — да у Турнейсена 5/т[ысяч], которые неизвестно когда он отдаст; стало быть, на три месяца мы обеспечены с маменькой — но так как банкиры векселя переводят тоже на три месяца, то полагаю лучше их прислать, особенно же воспользоваться курсом, здесь последний курс идет так: рубль сер[ебром] — 3 фр[анка] 84 сантима.

Если по делу о билетах для возврата Егору Ив[ановичу] что нужно будет, я тотчас пришлю. — Касательно уплаты Дм[итрия] Павл[овича] я писал в прошлом письме, — положить их покамест на имя неизвестного в Опекунский совет. Здесь можно делать теперь удивительные спекуляции. Я писал к Огареву насчет того, чтоб переписать векселя не протестованные, если вы будете иметь какое-нибудь с ним сношение, напомните ему.

Портрет Веры Артамоновны очень желаю видеть — хотя надеюсь в будущем году увидеть и оригинал.

Поздравляю вас с новым годом, истекающий не был беден всякого рода событиями. Очень радуюсь, что вы весело попирали 25 нояб[ря], я в самый этот день получил письмо от Егора Ив[ановича], но оно нас застало в страшной тревоге, у маленькой Таты была тифозная горячка, были минуты, в которые мы отчаивались — это чрезвычайно расстроило нас. Теперь она оправляется. Если увидите, почтеннейший Григорий Иванович, Марию Федоровну, то сообщите ей эту весть. Много похлопотали мы, и я думаю это обстоятельство имело опять дурное влияние на здоровье жены. —

Сегодня 21. Первый морозец, градуса полтора, до 20 было так тепло, как у нас в начале сентября. —

Кланяйтесь Егору Ивановичу — и всем нашим. Прасковье Андреевне и Карлу Ивановичу.

Прощайте и будьте здоровы.

Жена и все кланяются вам и поздравляют с новым годом.

Я просил вас, Григорий Иванович, и опять прошу, если вы еще не сделали, вручить 200 сер[ебром] Марии Федоровне, кстати, если по болезни Петруши что будет очень нужно, помогите ему. Да нельзя ли ему у маменьки в доме остановиться, верно есть комнатка — в ее дозволении я не сомневаюсь.

Прощайте, мой адрес тот же: *Confiée aux soins de Messieurs de Rotschild à Paris.*

12 февраля 1849. Париж

Давно я не писал к вам, почтеннейший Григорий Иванович, между прочим потому, что я через Егора Иванов[ича] уведомлял вас о получении вашего письма. — Я знаю, что вы имеете ко мне много дружбы, но теперь я попрошу вас прибавить несколько доверия. Могли ли вы только подумать, что я пущусь в такие обороты, как Сергей Львович? Я до такой степени неповоротлив в этом отношении, что без полного обсуждения дела, без взвешивания всех шансов за и против, я не стал бы рисковать долей капитала — который считаю, как писал вам, достоянием детей. Опыт на первый случай подтвердил мои соображения, весь капитал, употребленный мною, уже возвратился и третьего дня Ротшильд сообщил мне, что капитал к моим услугам, но только вместо 20/т[ысяч] возвратились 25/— из Нью-Йорка. Этот капитал я отправлю впоследствии через Колли и Редлиха в Московскую сохранную казну. Будьте же уверены, Григорий Иванович, что я только в том случае предпринимаю что-нибудь финансовое, когда просто совестно не понять выгоду. Дело все в том, что здесь именно теперь наличные капиталы спрятались или на время увязли. Такие люди, как Ротшильд, не занимаются мелкими (с их точки зрения) оборотами — а те, которые занимались ими — у тех капиталы компрометированы.

Теперь попрошу вас насчет векселей Дмитрия Павловича. Вы писали мне, что он весною намерен уплатить их, потрудитесь спросить Дм[итрия] Пав[ловича], не позволит ли он в том случае, если он не заплатит до мая месяца (и это положительно), передать вексель Егору Ивановичу, разумеется, если Егор Иванович согласится тотчас выплатить, о чем я попрошу вас и у него спросить, выгода для него очевидная в увеличении процентов. Мне хочется иметь в распоряжении эти деньги, если Егор Ив[анович] не согласится, я передам маменьке, просто можно бы переписать векселя, скоро будет им десять лет. Скажите Егору Ивановичу, что я сочту за истинное одолжение, если он это сделает, — с его стороны, а равно и со стороны Дмитрия Павловича. Жду от вас ответа на это предложение и прошу не очень медлить, ибо у меня еще есть разные проекты.

Егор Иванович все покупает дома. Я очень был бы не прочь купить в Москве — вместо моего бывшего дома — новый. На всякий случай, если что-нибудь представится, то отметьте пожалуйста. Я полагаю непременно, если не к началу, то к концу лета, пуститься в обратный путь. Главное условие, во-первых, что я дороже 25/т[ысяч] серебр[ом] дома не куплю — и это уже самая высокая цена, второе, дом должен быть непременно на высоком месте, с садом. Я помню возле дома Боткина на Маросейке удивительные дома. Кстати, что Егор Иван[ович] чинит с моим домом, попросите его кончить купчую; маменька желает теперь уступить ему и Тучковский — не лучше ли было бы процесс об земле вести Егору Ив[ановичу] от своего имени, потом какая же перемена для дела, кому принадлежит дом. Я бы очень желал покончить это. Что отвечает вам департамент внешних сношений насчет доверенности из Рима? Если есть затруднение, пришлите билеты сюда, застрахованные и на имя Ротшильда с передачей мне. Кстати, скажите Данилу Даниловичу при свидании, что Рот[шильд] мне говорил, что у них затрудняются второй (французской) надписью, но она необходима, без нее билет если б пропал, то его предъявили бы как неизвестный, а потому им невозможно не гарантировать себя.

Кстати, попрошу вас, Григорий Иванович, прислать денег, т. е. идущих в расход. Вероятно, аккуратнейшие костромские крестьяне выслали сполна оброк, да и с Дмит[рия] Пав[ловича] следует уже теперь довольно получить. Чем больше, тем лучше. Когда вам случится писать в Кострому, потрудитесь прибавить, что я крестьянам и Шульцену¹ кланяюсь и желаю, чтоб их бог попрежнему миловал.

Если случится нужной помощь Петру Алекс[еевичу] или кому-нибудь из них, пожалуйста поступайте так, как ваше преблагороднейшее чувство вам подскажет.



ХРАМ СВ. ПЕТРА В РИМЕ
Акварель из альбома Ховринных
Литературный музей, Москва

Прощайте, Григорий Иванович, буду ожидать ответа. Если вы будете посылать билеты, то уже вместе приложите и заемное письмецо Огарева.

Жена моя вам дружески кланяется, а равно маменька и Мария Каспаровна. На сию минуту дети здоровы. Зимы здесь совсем не было, и мы в генваре ходили в одном пальто; вторую зиму я не вижу снегу.

Жму дружески вашу руку А. Герцен

Примите на себя труд отправить прилагаемую записку к Мар[ии] Фед[оровне].

¹ Очевидно — Шульц, управляющий костромским имением (см. прим. к письму 2).

15 февраля 1849. Париж

Я писал к вам, почтеннейший Григорий Иванович, дня четыре тому назад, но снова берусь за перо, получив ваше письмо от 2 фев[раля] — и перед тем вексель от Редлиха и Колли в 300 фун[тов] стерлингов. Оставляя в стороне всякого рода фразы, я не знаю, как мне благодарить вас за ваше дружеское внимание, за вашу аккуратность, я знаю, как много вы заняты и притом успели составить и мой отчет — и с такой подробностью, что я бы сам не составил за год. — Благодарю и душевно благодарю вас. Что касается до моих расходов (ибо я считаю себя повинным доносить вам и о своих издержках) — они идут совершенно правильно — т. е. я издерживаю с семьей 2.500 фр[анков] в месяц и плачу маменьке в уплату занятых 10/т[ысяч] сер[ебром] 1.500 фр[анков], иногда у меня остается фр[анков] 200, иногда передерживается, а к концу года все-таки вышло так.

Пожалуйста не беспокойтесь насчет того капитала, который я взял, вы знаете очень хорошо, я не спекулятор, не мот и не игрок; вы знаете тоже очень, что очертя голову я бы не поступил. Кажется, многим, которые судят по наружности, что я поверхностно занимаюсь финансовыми делами — но ведь это неправда, и вы сами, я уверен, в своем сердце найдете доверие ко мне и в этом отношении. Я только не придаю этим делам той важности и не так много об них говорю, да и по совести, должен сказать — что я их и не считаю первой и существенной статьей в жизни. — Таким образом, я мог бы уэкономить что-нибудь из проживаемых мною 30/т[ысяч] фр[анков]; но я думаю, теперь живется еще, семейная жизнь моя идет так покойно и так счастливо, как десять лет тому назад, когда я венчался, дети — когда здоровы — приносят с своей стороны что-то благодатное и покойное — я не хочу стеснять, стягивать эту жизнь, я не хочу из нее делать прилавка, конторы, я иногда думаю, кто знает, что будет впереди, для чего я буду копить; но для чего, с другой стороны, я выйду из пределов дохода, для чего не увеличу его там — где это легко, где стоит нагнуться, чтоб поднять. Вот главные правила, от них я не отступаю, и не имею повода раскаиваться. Увеличение средств позволяет в иных случаях протягивать руку с существенной помощью друзьям — а без этого и совесть нечиста.

Итак, об уплате от Дм[итрия] Павл[овича] и думать нечего теперь, потрудитесь ему сказать, что я бы желал или чтоб он переписал заемные письма на Егора Ив[ановича], если он заплатит, или на маменьку, которая согласна заплатить, если ему это покажется удобнейшим, то я здесь сделаю надпись и засвидетельствую у консула. Егору Ив[ановичу] было бы всего удобнее — оно же ему представляет значительное приращение дохода. Если он желает купить тучковский дом за ту цену, в которой он тогда пошел — то я вас попрошу мне опять прислать форму доверенности. Маменька соглашается.

Относительно Петра Александ[ровича] и Шацка я попрошу вас, Григорий Иванович, без каких-нибудь особенных случаев на 49 год Петру Александ[ровичу] переслать до будущего января не более 150 руб. сер[ебром] и столько же Акс[инье] Ив[ановне] — в случае крайности можно Ак[синье] Ив[ановне] прибавить еще 50 сер[ебром]. Я потому упоминаю об этом, что я Петру Ал[ександровичу] сверх того раза три имел случай посылать денежные гостинцы. — Костромские крестьяне опять отличились своей аккуратностью. Я было писал к Егору Ив[ановичу] насчет продажи их, но решительно передумал. Это именье я ни за что не продам — я имею насчет его совсем иные виды. — Маменька позволяет Петру Ал[ександровичу] жить

в ее доме (пока он ее), да нельзя ли сладить, чтоб он был на хлебах у Праск[овьи] Андреевны, — все это в предположении, что ему действительно нужно для здоровья жить в Москве.

Вере Артамоновне потрудитесь от меня подарить 5 руб. сер[ебром] на чай. А маменька просит, буде ей что нужно (да, кажется, она получает какой-то оклад), записать в ее счет.

Я недавно купил здесь очень хорошие виды Москвы. Здания напомнили многих — между прочим, и вид Девичьего монастыря и ворота, в которые мы с вами тогда шли за покойником¹ — и так живо припомнилась прошлая жизнь, со всеми подробностями и с Верой Артамоновной... время идет, идет.

Прощайте, почтеннейший Григорий Иванович, жму дружески вашу руку.

Весь ваш А. Герцен

Егору Ивановичу передайте поклон. — Я не помню, что при продаже дома картину Айвазовского и несколько вещей из мебели, выговоренной прежде из огаревской — на каком основании оставил. Потрудитесь мне написать несколько слов на этот счет. Я даже не знаю (это оттого, что в прошлом году в Неаполе при потере портфеля у меня пропали записки), за все ли Егор Иванович мне заплатил — т. е. всю ли сумму за купленные им при моем отъезде вещи — мебель, карету и пр., или нет. Все-то вместе (?) это не очень важно — но для порядка. В заключение примите (и вы меня глубоко оскорбите, если не примете в подарок такой безделицы, в сравнении с тем, что вы для меня делаете) от меня ящик с серебром, который стоит в железном сундуке, там дюжина приборов, разливательная ложка и чайные ложечки, кажется, они в ящике — примите этот незначительный подарок, как дружеское внимание от нас. Маменька и жена много кланяются.

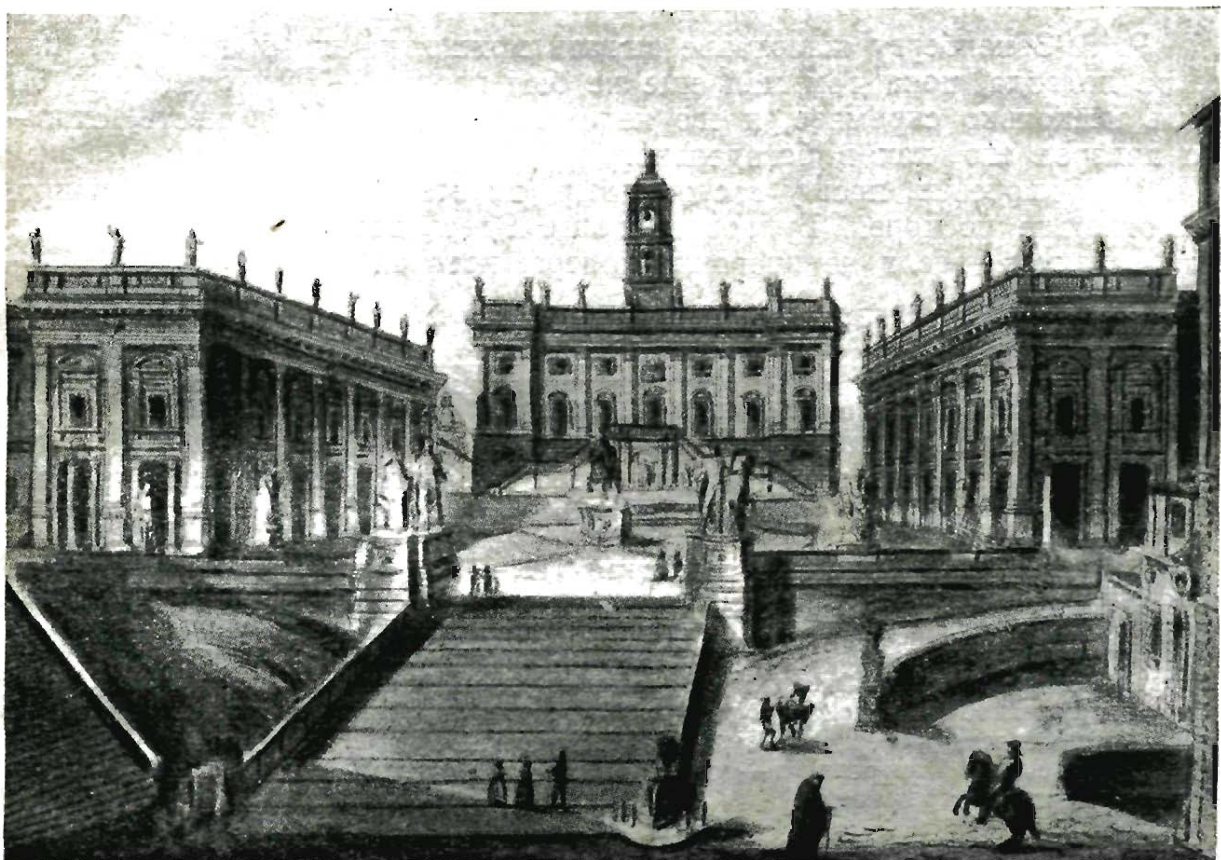
¹ Герцен имеет в виду похороны своего отца. И. А. Яковлев умер 6 мая 1846 г., похоронен 8 мая.

Письмо ваше от 22 февраля, почтеннейший Григорий Иванович, я получил и по обыкновению тотчас принимаюсь за ответ.

Первое, с чего начну, это с замечания Дмитрия Павловича — мне было больно его прочесть, не потому только, что оно основано на недоразумении, а потому, что показывает не полную доверенность ко мне, доверенность, которая очень естественно мне принадлежит по всем действиям предшествующим. Дм[итрий] Пав[лович] не хотел вникнуть, что я говорил о форме, что мне не уплата нужна, а свободный капитал для оборота. Передавая Луизе Ивановне заемные письма, ничего не изменяется, я предлагал и Егор Ив[ановичу] точно с такою же мыслью; но не хотел этого сделать не предупредивши Дм[итрия] Пав[ловича]. Вопрос мой чрезвычайно ясен: заемные письма писаны в 1840 и протестованы в 1841 — я желал знать (основываясь на прежних ваших письмах), что лучше для Дм[итрия] Пав[ловича] — заплатить капитал теперь мне или оставить его за собой на имя Луизы Ив[ановны] или Егора Ив[ановича]. — Из ответа видно, что Дм[итрий] Пав[лович] предпочитает остаться должным, я передам вексель — возьму у Луизы Ив[ановны] деньги, и, в сущности, все останется как было. Но вот главный вопрос. По прошествии десятилетия — следует переписать, и что для этого нужно, прислать ли вам заемные письма и доверенность от Луизы Ивановны — напишите об этом строчку. —

Сохранную записку посылаю. — При всем этом, пожалуйста, удостоверьте Дмитрия Павловича в моем искреннем уважении и в том, что я прошу его считать во всяком случае, на меня — хоть в половину столько, сколько я считаю на него. Я уверен, что нам не придется раскаиваться. Впоследствии я еще яснее докажу необходимость мной предложенных мер.

Прилагаю доверенность на дом. Скажите Егору Ивановичу, что хотя маменька и согласна, и я также на его цену 11.500 ас[сигнациями], — но что я не могу не заметить, что уменьшение это не совсем справедливо, Егор Ив[анович] не считает сделанных поправок. Впрочем, я считаю это дело конченным и прошу вас полученные деньги положить в Воспит[ательный] дом — на неизвест[ного].



РИМСКИЙ КАПИТОЛИЙ

Цветная литография

Музей изобразительных искусств, Москва

Я попросил бы вас принять на себя труд спросить у Егора Ив[ановича], сколько именно всего дано было Вере Арт[амоновне] из денег, которые он мне был должен. Ибо это делается на счет маменьки. Остальные деньги 2.900 ас[сигнациями] все равно пусть останутся у Егора Ивановича до особенной в них нужды. — Об картине, я совсем забыл и потому спрашивал, пусть она останется пока у г-жи Аст-раковой¹.

Маменька желает знать насчет новой мебели в тучковском доме, берет ли ее Егор Иванович. — Да кажется и в моем бывшем доме кое-что оставалось из мебели — Егор Ив[анович] может взять по собственной оценке и по соглашению с вами все, что угодно.

Отпускную племяннице Савелия Гаврилова² потрудитесь велеть написать, разумеется, безденежно. Это ему будет последняя награда за прежнюю службу. Да вот еще важная просьба — потрудитесь мне

прислать, на всякий случай, форму доверенности для заклада костромского имения в Опекун[ский] совет. — Не забудьте, пожалуйста.

Насчет новобрачной Елиз[аветы] Ив[ановны] я считаю, что я все сделал, что можно было из внимания к ее положению — но далее я решительно отказываюсь мешаться в их хозяйственные дела. Зачем они истратили деньги, — я сдержал свое обещание. —

Если Петр Алекс[андрович] не пишет — то, мне кажется, можно так и оставить. —

Прощайте, почтеннейший Григорий Иванович, много и много благодарю вас за все одолжения и дружески жму руку. —

Все наши кланяются вам.

А. Герцен

Р. S. Зоненбергу жалованье выдать можно, но никак не более, как за те полгода, пока дом мой еще не был продан. — Ему следовало бы быть несколько скромнее, я его не столько оставил при месте, сколько призрел его, как в богадельне.

В заключение, прошу вас написать, на все мои докучливые вопросы ответьте поскорей. Будьте здоровы. Здесь весна удивительная, до мая останусь — если не прогонит холера, которая показалась.

Приписка рукой Герцена, но другими чернилами:

Сейчас спрашивал я у посольских, говорят, что тысячу раз проще переписать векселя на имя Луизы Ив[ановны], о чем и прошу Дм[итрия] Пав[ловича], все расходы на мой счет — только, сделайте одолжение, не откладывая дела в долгий ящик. Если надпись сделана не по форме, то просто уничтожить эти, и написать другие.

¹ Астракова Татьяна Алексеевна (1814—1892) — вдова Н. И. Астракова, приятельница Герцена и Огарева. Несколько занималась литературной деятельностью, сотрудничая в «Москвитянине», «Современнике», «Русских Ведомостях». Оказывала Герцену помощь при увозе им в 1838 г. Н. А. Захарьиной из дома княгини Хованской. Одна, из очень немногих бывших московских друзей Герцена, сохранила к нему неизменное дружеское расположение до самой его смерти. См. ниже упоминания о ней в письмах Огарева к Герцену (стр. 395, 433).

² Савелий Гаврилов — крепостной отца Герцена, староста в его подмосковном имении Покровском.

21 апреля 1849, Париж

Письмо ваше, почтеннейший Григорий Иванович, я получил третьего дня вечером, вчера написал доверенность и в ожидании ее возвращения от консула принимаюсь за ответ. Насчет мебели большого дома — я совершенно согласен все отдать Егору Ив[ановичу] — как было писано; но там оставались две-три вещи, которые когда-то выговаривал из своей мебели Огар[ев] (кажется, письменный стол, кресла — вообще очень немного), об них я спишусь с ним. Остальное, разумеется, не считая книг и каких-нибудь вещей — все к услугам, вечному и потомственному владению Егора Ив[ановича]. Он писал мне насчет мебели Галахова¹, я полагаю, что ее можно оценить, а так как Галахов живет в Ницце, я напишу к нему, вероятно, он будет даже благодарен за продажу; к его мебели принадлежит большой шкаф с стеклами, который, я думаю, дорого ему стоил и который стоял наверху у нас. Портрет его матери — я попрошу Егора Ивановича где-нибудь велеть прибрать. — Мне кажется, что цена, назначенная за дом, 2.000 руб. сер[ебром] в год, очень высока. Я нанял здесь на лето небольшой отель с садом за 2.000 фр[анков] в полгода — он на краю

Елисейских полей, но в центре Парижа можно найти великолепную квартиру за 6.000 фр[анков], если же заплатить 8.000 фр[анков] равному (sic!) нашим 2.000 сер[ебром], то она будет меблирована, покрыта коврами, зеркалами и пр. Притом надобно знать, что здесь называется меблировать, — сервиз, хрусталь, туалеты, кухонная посуда, постели, шелковые занавески, одеяла. — Правда, что цены в последнее время на все понизились, жить здесь для привычного дешево, потому же почти никакой прислуги не надобно.

Мои дела и финансовые обороты до сих пор идут превосходно — посмотрите, я к вам явлюсь банкиром, хотя и не думаю, что это так скоро будет, как я предполагал: впрочем, мне без нужды торопиться не для чего, до тех пор пока вы сохраните прежнюю дружбу и готовность меня обязывать; я часто с искренней благодарностью говорю с женой о всех трудах ваших в нашу пользу. Я могу повторить в десятый раз, что вы можете быть уверены в моей полной, искренней признательности. Мы с вами странным образом во многом сочувствуем, хотя может и не из одних начал — вы, мне кажется, имеете доверие ко мне, как к человеку, который всю жизнь постоянно шел одним путем — сохраните его. Это будет еще дар от вас, и мне легче будет принимать ваши одолжения, знаю это. —

Я вас попрошу, что касается до доверенности, начать действовать поскорее, мне помнится, что в Костроме служил в удельном ведомстве Голубев, женатый на дочери Александра Лаврентьевича (кстати, напишите мне, что его дела и его семьи), еще есть капитан Клыков, знакомый Кетчеру, не могут ли они ускорить ход дела в гражданской палате.

Доверенность от маменьки я пришлю. Так, Егор Ив[анович] и тучковский дом перестраивает. Да уж не у себя ли он и зимний сад собирается сделать? Я собираюсь ему послать план и фасад, с первым парходом через Гавр.

Здесь сильная холера. — Прощайте, будьте здоровы. Все наши вам кланяются. Марья Каспаровна, вероятно, на распев, потому что она сделалась такой кантатрисой, что учитель не нарадуется.

21 апреля². Письмо залежалось целый день. Прибавлю одно, что консул сказал, что они копию и доверенность пошлют прямо в министерство иностр[анных] дел, а потому если Опекунс[кому] совету нужно, то он должен сам обратиться в канц[елярию] министр[а].

Прощайте.

¹ Галахов Иван Павлович (1809—1849) — член кружка Герцена и Огарева, очень любимый ими обоими.

В 1847 г. виделся с Герценом в Париже и в Италии. Свою беседу с ним Герцен положил в основу очерка-диалога «Перед грозой (Разговор на палубе)», вошедшего в книгу «С того берега», где он датирован 31 декабря 1847 г.

² Повидимому — описка вместо: «22 апреля».

Милостивый Государь

Григорий Иванович!

Действительный статский советник и кавалер Дмитрий Павлович Голохвастов состоит должен из нас Герцену по двум заемным письмам, писанным 1840 года мая 10 дня, по каждому 15.000 сер[ебром], а по обоим серебром тридцать тысяч рублей, по коим расчет в процентах учинен по 10 января сего года. Ныне я Герцен право получения по тем заемным письмам капитала и с 10 января сего года процентов передал из нас г-же Гаак. Я же Гаак желаю, чтоб те заемные письма

были от г. Голохвастова написаны на мое имя прошу вас на означенных заемных письмах, которые уже доставлены к вам, сделав надпись, что по оным платеж получен сполна мною, Гаак, и возвратив оные г. Голохвастову с надданием взять от него, г. Голохвастова, вновь в ту же сумму тридцать тысяч рублей сер[ебром] — три заемных письма по десяти тысяч рублей сер[ебром] — каждое, сроком на один год с засвидетельствованием у маклера, которые и оставить вам у себя вперед до моего востребования, и в известные вам сроки получая проценты употреблять по моему назначению. Во всем оном мы вам вполне верим и что вы по сему законно учините, впредь спорить и прекословить не будем. Остаемся с истинным почтением и преданностью

Милостивый государь

вашими

Покорными слугами

Рукой Л. Гаак:

Рукой А. И. Герцена:

Париж апреля 9/21. 1849

Другой рукой:

Луиза Гаак

Александр Иванович Герцен,
надворный советник

Что сие верящее письмо собственноручно подписали г-жа Луиза Гаак и надворный советник Александр Иванов сын Герцен в том свидетельствует Российско-императорское генеральное консульство в Париже апреля 9/21 дня 1849 года.

Генеральный консул Шпис

№ 4877

Приложена печать
Российско-императорского
генерального консульства
во Франции

Между подписью генерального консула и печатью приписка рукой Герцена:

Сие верящее письмо принадлежит надворному советнику и кавалеру Григорию Ивановичу Ключареву.

29

12 июля 1849. Женева

Вероятно, почтеннейший Григорий Иванович, вам Егор Ив[анович] сообщил, что мы оставили Париж, зараженный страшной холерой, и хотим провести несколько времени в Швейцарии. В Цюрихе есть доктор, особенно занимающийся глухонемыми, мы хотим сделать опыт и полечить Колю, ему шестой год, это, говорят, время самое удобное. Перед отъездом денег у нас было немного, а так как надобно было снабдить маменьку и взять про запас, то Ротшильд мне дал 15.000 фр[анков] (с такой предупредительностью и без всяких условий), что самое и заставляет меня желать как можно скорее с ним расплатиться. Я ожидал от вас присылки, да, вероятно, вы уже и отправили мне или маменьке что-нибудь. Как получу, я извещу вас. Но притом все же попрошу переслать на имя братьев Ротшильд через Колли деньги по двум небольшим билетам в 2 и 6/т[ысяч] — пусть они пошлют прямо к Ротшильду в открытый счет мой с ним. — Это удобнее даже, нежели послать сюда, я с ними в сношениях, а здешних банкиров не знаю. Впрочем, если вы прежде что-нибудь послали, то это всё равно. — Все денежные обороты до сих пор принесли мне самые хорошие результаты, доход, полученный мною, я снова употребил в оборот.

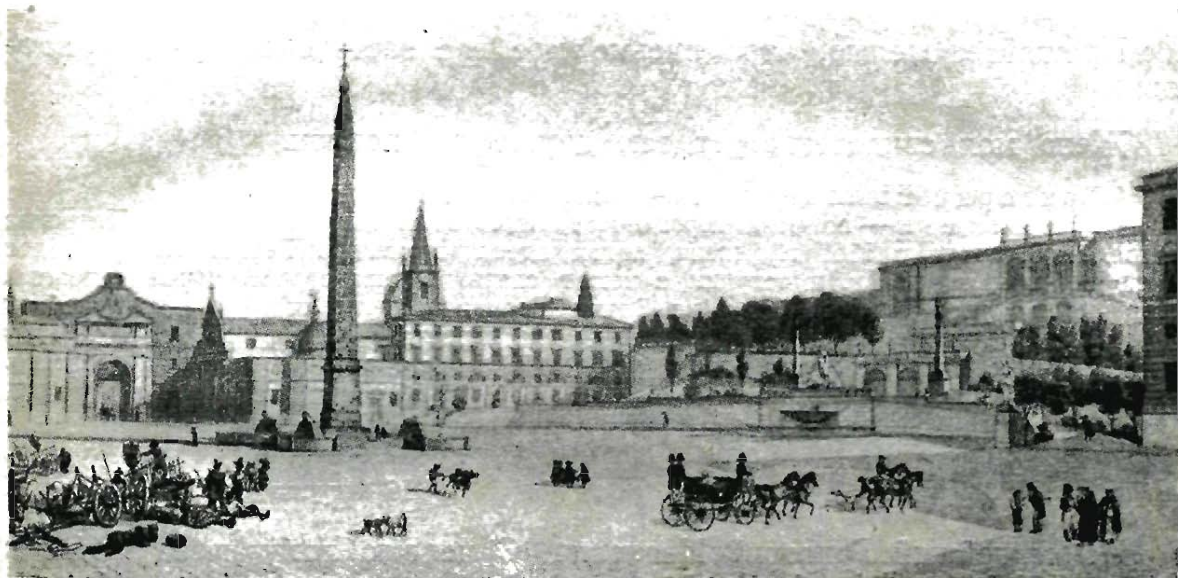
Я здесь на родине всевозможных часов, при первом случае вы мне позволите прислать вам образчик или если скоро соберемся, привезть с собою.

Прощайте, почтеннейший Григорий Иванович, пишите пожалуйста, адрес мой:

A Genève (en Suisse), hôtel des Bergers.

Ежели бы я и уехал куда-нибудь в горы, то все же возвращусь в Женеву. — Егору Ив[ановичу] пришлю отсюда коллекцию швейцарских видов.

Что продажа имения Дмитрий Павл[овича], я почти уверен, что он не продаст — а будет дорожиться. —



ПЬЯЦЦО ДЕЛЬ ПОПОЛИ В РИМЕ

Акварель Раделя

Эрмитаж, Ленинград

Потрудитесь доставить приложенное письмо Мар[ье] Фед[оровне], я обременяю вас этой просьбой, потому что не имею понятия о их адресе. —

Жена моя много кланяется вам. —

30

17 июля 1849. Женева

Спешу уведомить вас, почтеннейший Григорий Иванович, что я вчера получил ваше письмо от 18/30 июня, вексель получен маменькой в Париже, — и стало все дело будет в исправности, я очень рад, что мог так скоро заплатить Ротшильду деньги, данные им вперед. Впрочем, если вы переведете еще денег на Рот[шильда], это будет скорее хорошо, нежели нет, у меня же с ним открытый счет (Compte [неразб.]) и разные дела. Деньги, переведенные по последнему векселю, должны идти 1) на уплату мам[еньке] за долги 3/т[ысячи], 2) на уплату Ротш[ильду], данных им вперед 8/т[ысяч] фр[анков], да 3) к оборотам у него, чтоб не брать из капитала 7/т[ысяч] фр[анков], затем, мне останется тысячи три франков. Маменьке я уплатил теперь сполна 10/т[ысяч], взятых на дорогу. Вообще, я делами больше доволен, нежели нет. Очень благодарен вам за окончание переписки векселей — их можно прислать тогда на мое имя, застраховавши письмо. Нат[аша] сама пишет в Шацк, я никак не намерен Гри[горию] Емельян[овичу] ¹

еще платить, тут нет здравого смысла — я не верю, чтобы он истратил свои деньги, но если бы — кто же поручал, позволял ему или прочим? Моя жена писала ему, что мы даем 3.000 — их он или молодые и получили. До нас доходят часто слухи — о том что Медведевы² очень теснят Елену — гадко с их стороны, жаль, что Егор Иванович допускает, вот почему я всегда был против всех полувоспитаний, полуисправлений быта и пр. Егор Ив[анович] ее выписал, он вступил в ее положение — для того, чтобы сделать горничную Медведевых или отдать им в кабалу. Право, не знаю, как помочь этому, разве вы посоветуетесь с Егор Ив[ановичем] и придумаете что-нибудь.

Здесь жить чрезвычайно привольно, климат и природа изящны, нравы простые, чистые — Париж под конец мне был скучен.

Прощайте, желаю, чтоб письмо мое вас застало в лучшем здорье.

Жена моя свидетельствует вам дружеский поклон.

¹ Григорий Емельянович — неизвестное нам лицо.

² Медведевы — по всей вероятности, имеется в виду Прасковья Петровна Медведева (умерла в 1860 г.), жена, потом вдова чиновника. Герцен познакомился с нею в Вятке в 1835 г. и вступил с нею в связь. В январе 1836 г. она овдовела, оставшись с тремя детьми. Уехав из Вятки, Герцен нашел для Медведевой работу сначала во Владимире, затем в Москве, куда она переехала осенью 1839 г. Кто такая Елена, которую Егор Иванович Герцен устроил в семье Медведевых, нам неизвестно.

16 августа 1849. Женева

Почтеннейший Григорий Иванович! С неделю тому назад писал я к Егору Ив[ановичу] об одной денежной и притом очень легкой операции, если он послал деньги, то не проще ли всего дать ему доверенность получить от вас костромские деньги? Между тем, так как мне было необходимо доставить деньги Ротшильду, я просил Луизу Ивановну внести за меня билет (именной, на имя покойника Ивана Алексеевича) — билет этот был раз посылаем в Опекунс[кий] совет, но он отказал в уплате, говоря, что в завещании были условия — условия вам известны: два года не брать капитал от 9 мая 1846 — примите на себя труд предупредить, что если Ротшильд пришлет билет, то чтоб не делали второй раз затруднений. Если бы можно было ускорить костромское дело, очень бы было хорошо. Я, впрочем, Луизе Ивановне дал заемное письмо в сумме, внесенной за меня Ротшильду. Нельзя без дальних хлопот передать право на получ[ение] денег из совета поверенному Лу[изы] Ив[ановны] в Москве? Напишите, пожалуйста, поскорее. Кстати, из прежних денег, я вручил маменьке 3.075 р[уб.] и отдам оставшиеся на мне по прежнему займу 700 р[уб.]. Таким образом, уплатил все 10.000 р[уб.], полученные при отъезде. Вообще, что касается до финансовых дел, они идут так себе, кругом меня теряют люди беспрерывно, потому что непременно хотят, чтоб каждый рубль им приносил бог знает какие проценты. — Пример опасности представляет Серг[ей] Льв[ович], он был у мамен[ьки] перед ее отъездом из Парижа, едет домой, заводит какую-то фабрику новоизобретенных свеч, на которую уже имеет привилегию.

Прощайте, пожалуйста пишите, да нельзя ли как-нибудь ускорить костр[омское] дельце, — вероятно, заем[ные] письма Дм[итрия] Пав[ловича] давно переписаны и скреплены. —

Я писал в прошлом письме насчет наличных денег (или тех, которые в маленьких билетах) — и теперь думаю, что если курс мало-маль-



ГЕРЦЕН

Рисунок карандашом Н. Ге, по литографии Л. Ноэля, 1850-е гг.
Третьяковская галерея, Москва

ски поднимется, то всего лучше их переслать к Ротшильду, с которым у меня открытый счет. Лишь бы только я знал, сколько и когда послано.

Адрес мой до перемены: à Genève (Suisse) Hôtel des Bergers.

P. S. Я слышал, что Дм[итрий] Пав[лович] идет в отставку¹.

Прилагаю две записочки от Наташи, которые она просит, усердно вам кланяясь, переслать одну в Шацк, а другую Мар[ье] Фед[оровне].

¹ Голохвастов вышел в отставку по болезни в сентябре 1849 г.

32

15 сентября 1849. Женева

Если я уже не уведомлял вас, почтеннейший Григорий Иванович, в прошлом письме о получении векселей от Колли — то уведомляю теперь, Ротшильд мне переслал их сюда. — Мы продолжаем здесь жить довольно хорошо, делаем разные путешествия по Швейцарии, погода стояла удивительная, и для здоровья моей жены горный воздух много сделал пользы. Я всходил в Нижнем Валлисе на одну из самых высоких гор и встретился там с нашей русской зимой. — Маменька и Марья Каспар[овна] уехали в Цюрих, там есть знаменитый доктор по части глухоты, мы, вероятно, на днях тоже побываем там, но так как мы ездим, а маменька постоянно остается в Цюрихе, то я советую адресовать письма на ее имя: à Zürich (Suisse) Poste-rest.

Если Петруша настолько здоров, то я попрошу его сыскать в моей библиотеке сочинения Пушкина все томы, соч[инения] Лермонтова, 1 и 2 части и Кольцова, Мертвые души Гоголя и все его сочинения, сделать из этого тюк, свозить в таможенную и отправить в Цюрих к маменьке. Или нельзя ли отправить через книгопродавца?

Я очень бы желал, чтобы эта комиссия обошлась без больших хлопот. Петрушу (или кто за это возьмется) попрошу только потом оставить книги также в заколоченных ящиках. — Кроме детских, которые все без исключения пусть Петруша пошлет — Марье Федор[овне]. Если ему или вам что нужно из книг, прошу взять. Я полагаю, ящики мои не теснят Егора Ивановича.

Мы ожидаем от вас скорого уведомления насчет костромского дела. Я имею разные хозяйственные проекты в голове, о которых напишу к вам подробно по получении от вас письма.

Кстати, попросите Егора Ивановича как-нибудь похлопотать насчет моего портрета; он засел года полтора тому назад у таможенного начальника Языкова¹ потому что я надписал «в контору г. Языкова», т. е. в контору агентства в Петерб[урге]. — Нельзя ли это кому-нибудь поручить?

Засим прощайте, почтеннейший Григорий Иванович, моя жена писала к Прасковье Андреевне, которой усердно кланяюсь, чтоб она продала ее шубу и деньги вручила бы Петруше, я полагаю, что это ему будет достаточно на очень долгое время, а потому я не думаю, чтоб нужна была еще помощь.

Я давно что-то не слыхал о Вере Артамоновне.

Душевно желаю, чтоб письмо мое вас нашло в добром здравии.

Нат[алья] Ал[ександровна] и дети кланяются.

Примите на себя труд переслать прилагаемое письмецо.

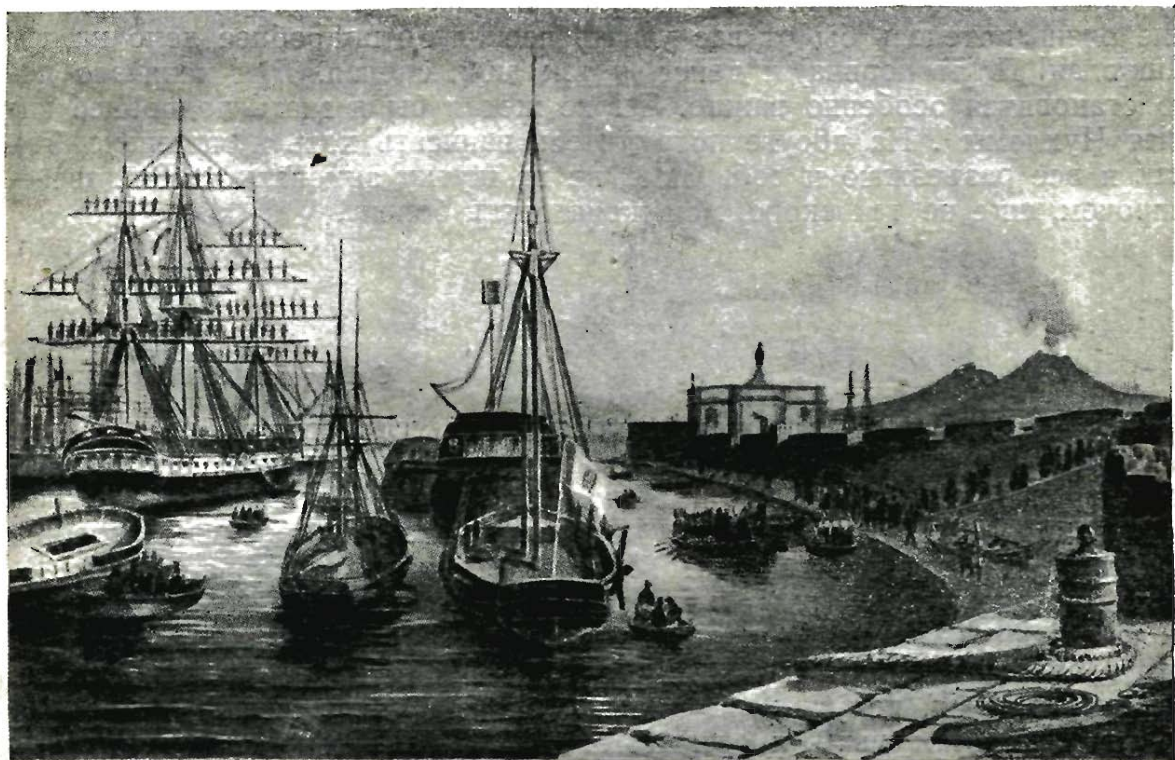
P. S. Если нет в моих книгах последней части Лерм[онтова], то я попрошу купить.

¹ Языков Михаил Александрович — близкий со многими членами кружка западников 40-х годов; в 1847 г. вместе с Н. Н. Тютчевым открыл в Петербурге комиссионную контору, о которой здесь и упоминается.

12 ноября 1849 г.

Спешу по просьбе банкира, пересылавшего мне деньги, отправить к вам, почтеннейший Григорий Иванович, два заемных письма г. Огарева — я прилагаю расписку, ибо третьего заемного письма у меня нет, оно в моих бумагах в Москве. Успокойте их и извините меня небрежностью. Пожалуйста устройте все это к лучшему.

Все, посланное вами через Ротшильда, я получил и за все усердно благодарю. Я думаю и еще вас беспокоить насчет моего долга, который вы знаете, Луизе Ивановне, она желает непременно уплаты, но уплатить такой суммы не легко, не продав что-нибудь из недвижимого имущества. Мне кажется, что заемные письма мои уже не представлены ли — об этом вы меня пожалуйста уведомьте.



ПОРТ В НЕАПОЛЕ

Акварель Ульриха

Эрмитаж, Ленинград

Марья Каспар[овна] спрашивает о своих 2.000 сер[ебром], пусть бы кто-нибудь написал ей об этом, узнавши от Ник[олая] Пл[атоновича], напр[имер], Тимоф[ея] Ник[олаевич]¹ — который, вообще, я думаю с большой готовностью сделает все нужное по этим делам. Вы меня очень обяжете, написавши ответ. Проценты маменьке и костромские 2.000 сер[ебром] пришлите на имя парижского Ротшильда, я с ним в постоянных сношениях по акциям и разным делам. Письма адресуйте к нему или в Цюрих. Только пожалуйста не медлите с ответом.

Егору Иванов[ичу] поклон и даже много. Мне очень досадно, что он тогда не исполнил моей просьбы, дело было бы проще. —

Жена моя и дети кланяются вам, я истинно не знаю, как еще вас благодарить за все одолжения ваши.

Прощайте. Будьте здоровы.

А. Герцен

¹ Тимофей Николаевич — Грановский.

21 ноября 1849

Вчера получил я письмо от Егора Ивановича, в котором он, между прочим, извещает о кончине вашей матушки. Я знаю, почтенный Григорий Иванович, всю пошлость утешений, я знаю, что лета вашей матушки, ее долгая болезнь вас приготовили к несчастью, — но я непременно хотел написать вам несколько строк. Я по себе знаю, как приятно в минуты невзгоды, в горькие минуты жизни слышать тотчас голос друзей и близких нам. В эти минуты им именно и надобно отзываться так, как солдаты отзываются на перекличке — дозвоьте вы и мне сказать мое «здесь» и дайте вашу руку.

Так как я очень недавно писал к вам об делах, то, собственно, делового ничего сообщить не могу. Я послал вам векселя и расписку, мне очень хотелось бы от вас узнать несколько подробнее дело насчет Ник[олая] Пл[атоновича] и денег, и так ли я сделал. Для меня это дело становится особенно важно. Также желал бы я знать подробнее насчет Чухломы¹. На досуге потрудитесь написать хоть к маменьке, так как я все разъезжаю и собираюсь не на шутку зимовать в Лондоне — впрочем, еще не так скоро, моя жена опять больна.

6 февраля 1850. Париж

На днях я был поражен новостью, которую никак не ожидал. «Север[ная] Пчела» говорит о кончине Дмитрия Павловича¹. Все уходит и уходит преждевременно, сколько здоровья и сил было в нем в начале 1847. Что Надежда Владимировна и, наконец, вообще сообщите мне несколько подробностей о его кончине и о его детях. — Я сам начинаю сильно хворать и теперь приехал месяца на два сюда, чтоб полечиться у Андраля², ничтожная сначала болезнь в почках приняла вдруг такие размеры и к тому же с нервными болями, что я испугался, теперь, кажется, получше, но все эти болезни убийственны продолжительностью. Мам[еньку] я оставил здоровой, она беспокоится об своих делах, между прочим, и о векселе Дмитрия Павловича. Напишите ей строчку, сделайте одолжение, да, кстати, будьте так добры и справьтесь у Данила Даниловича, посланы ли деньги от них по требованию Ротшильда и Гассера³ и если нет, то за чем дело. Письмо послано еще в конце декабря, — и деньги Ротшильдом отданы вперед. Если же нет, то что нужно сделать. Вообще, она, да и мы все, теперь не при больших деньгах, ждем кое-какие присылки из Чухломы, от Павлова⁴, от Дм[итрия] Пав[ловича] и очень были бы рады их видеть поскорее — а то придется должать, Ценкер или Колли могут прямо перевести на Ротшильда (на его имя можно и писать), у меня с ним разные счета по торговым делам.

Одну приятную новость я могу вам сообщить, Коля начинает говорить и очень явственно, хотя слуху нет и следа, он меня обрадовал до слез при свидании.

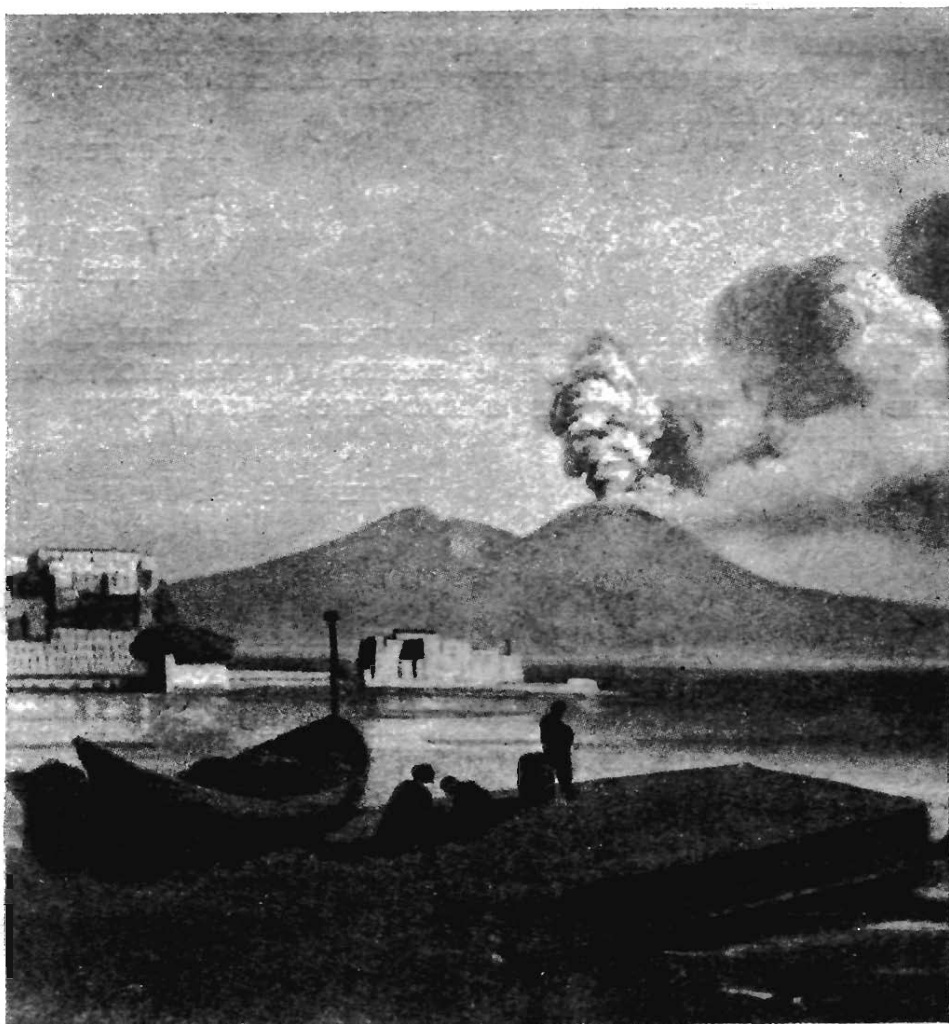
За сим прощайте. Будьте добры ко мне, как всегда, наконец, нас, старых знакомых, становится так мало, так мало, что надобно беречь те дружеские связи, которые проводили через всю жизнь. Если подумать о всех потерях с кончины Льва Алексеевича⁵ — то становится жутко.

Жена моя дружески кланяется вам. Пожалуйста Григорий Иванович, не медлите очень с ответом. Кстати, что Ог[аревское] дело.

Мам[енька] с своей стороны, я думаю, сделала бы много уступок Над[ежде] Вл[адимировне], если бы можно было воротить капитал — поговорите с нею.

Еще раз прощайте. Что Егор Иванович? Он тоже собирался прислать 200 руб. за картину Айвазовского, [если она] продана.

Пишите к маменьке или к Ротш[ильду], он перешлет, если я и уеду.



НЕАПОЛИТАНСКИЙ ЗАЛИВ

Акварель из альбома Ховриных

Литературный музей, Москва

¹ Д. П. Голохвастов умер 28 декабря 1849 г.

² Андра́ль, Габриэль (1797—1876) — известный врач в Париже, профессор общей патологии и терапии.

³ Карл Гассер — банкир в Петербурге, был представителем фирмы Ротшильда. В качестве такового он требовал выдачи ему из Опекунского совета 106 тыс. руб. серебром, принадлежавших матери Герцена. Царское правительство очень хотело конфисковать этот капитал, но в виду заявления министра юстиции, что законных оснований к задержанию денег не имеется, а главное в виду того, что приходилось иметь дело с такой могущественной силой, как Ротшильд, — пришлось выдать деньги Гассеру. Свою борьбу за этот капитал Герцен рассказал в XXXIX главе «Былого и дум».

⁴ Павлов Николай Филиппович (1805—1864) — известный журналист и беллетрист, близкий знакомый Белинского, Грановского, Герцена, Огарева, Сатина и др. В 1849 г. он вместе с Сатиным принял участие в фиктивной покупке у Огарева его имения «Старое Акшино». В связи с этим он принял на себя обязательство выплачивать ежегодно определенную сумму Герцену, снабдившему Огарева своими деньгами. Павлов, страстный картежный игрок, очень плохо выполнял свое обязательство.

⁵ Яковлев Лев Алексеевич — брат отца Герцена, умер 19 января 1839 г.

IV. ПИСЬМА А. И. ГЕРЦЕНА М. И. ЖИХАРЕВУ

Публикация О. Шереметевой

1

5 мая [1860 г.]

Очень жаль, что вы не застали меня вчера. Завтра в воскресенье, я с 5 часов дома и буду рад вас видеть и с вами обедать и потолковать. С нашими переездами и отъездами — мы все в хлопотах. Пишу вам от Тхоржевского.

А. Герцен

2

7 мая [1860 г.]

Parkhouse. Fulham

Никак не думаю, чтобы удалось урваться к вам. Итак, прощайте, — благодарю вас за доброе посещение, желаю, однако, чтобы вы на будущее наше посветлее взглянули, а настоящее я вам отдаю с руками, Паниными и ногами.

Прощайте. А. Герцен

3

8 марта 1863 г.

Orsett house, Westbourne terrace

Благодарю вас от всей души за присылку рисунка. Кн[язь] и отец Гагарин книгу мне прислал. В «Русском Вестнике» была (кажется в декабрьской книжке) статья о П. Я. Чаадаеве — Лонгинова, так себе, статья почтительная, но хорошо, что позволяют говорить. Какие события! Раскачивается трон и тает ледяной дом на Неве. Получаете ли вы в Риме «Колокол» и не прислать ли вам. Усердно кланяюсь

Ваш А. Герцен

Огарев благодарит за память.

Эти письма связаны с изданием литературного наследства П. Я. Чаадаева. Последний, как известно, не выступал в печати с 1836 г. Но мысль о напечатании своих сочинений не покидала его и после катастрофы «Телескопа». Есть сведения, что в 1849—1850 г. Чаадаев пытался поместить в «Москвитянине» свою «Проповедь сельского священника», причем давал ее не под своим именем, а от имени брата, Михаила Яковлевича Чаадаева, так как сам не решался нарушить тяготевшее над ним запрещение. Однако и эта попытка не имела успеха и он невольно обращался мыслью к изданию своих сочинений за границей. Еще в 1839 г., в последний приезд в Москву кн. И. С. Гагарина, Чаадаев передал ему часть своих сочинений, в числе которых были философические письма и копия письма к Шеллингу. Возможно, что впоследствии он переслал ему еще что-либо из изданного потом в Париже, через своих друзей А. И. Тургенева, С. С. Хлюстина или семьи Сиркур. Поручения такого рода бывали и раньше; так в письме Жюльвекура от 1834—1835 г., хранящемся в архиве Чаадаева в Рукописном отделе Публичной библиотеки им. Ленина, говорится о посылке такого рода. Хлюстин же сам собирался печатать сочинения Чаадаева еще в 1834 г.¹ Однако вопрос о печатании сочинений Чаадаева за границей при жизни Чаадаева остался открытым. Печатать — значило нарушить обязательства и стать в оппозицию с правительственными кругами. Этого боялся Чаадаев, откровенно заявивший Жихареву, возмущенному письмом Чаадаева к А. Ф. Орлову — «*Mon cher on tient à sa peau*». Поэтому-то выполнение этой заветной мысли Чаадаева, несомненно внушенной самим Чаадаевым, пало после смерти последнего на долю его племянника и наследника его рукописей М. И. Жихарева.

Михаил Иванович Жихарев, издатель и один из первых биографов Чаадаева, родился в 1820 г. Он был сыном тамбовского помещика Ивана Матвеевича Жихарева и Софьи Матвеевны Спиридовой, сестры декабриста Михаила Матвееви-

ча Спиридова, и внуком Ирины Михайловны Щербатовой, старшей сестры матери Чаадаева.

Детство Жихарев провел в деревне, затем поступил в Московский университетский пансион. В 1838 г. он был на первом курсе юридического факультета Московского университета. В 1843 г. он на четвертом курсе, но университета он, повидимому, не окончил. По крайней мере, в его архиве нет никаких данных, подтверждающих окончание его; напротив, в письме этого времени его товарища А. С. Коренева имеется указание на то, что высшее образование его не было закончено. Как бы то ни было, но в 1845 г. М. И. Жихарев в чине губернского секретаря состоит «при делах московского гражданского губернатора». С начала 1840-х гг. Жихарев постоянный посетитель понеделльников, а потом и сред Чаадаева и один из самых близких к нему людей. Перед смертью Чаадаев завещал ему свою библиотеку и свои рукописи. После кончины Чаадаева в апреле 1856 г., Жихарев начинает энергично хлопотать об издании сочинений дяди. В 1859 г. он предлагал редактору журнала «Современник» И. И. Панаеву сочинения Чаадаева, но переговоры эти, как мы видим



П. Я. ЧААДАЕВ В СВОЕМ КАБИНЕТЕ

Акварель Ш. Болри

Всесоюзная библиотека им. Ленина, Москва

из письма Панаева от 2 апреля 1859 г., не привели ни к чему. Потерпев неудачу в России, Жихарев отправился в 1860 г. за границу. Поездка эта имела две определенные цели: увидеться в Париже с И. С. Гагариным, передать ему материалы и договориться об издании их, и в Лондоне — с Герценом, которого Жихарев знал еще по Москве.

Отношения Чаадаева и Герцена известны. В 40-х годах, во время пребывания Герцена в Москве, он был очень близок с Чаадаевым. Доказательства этой близости мы находим и в «Былом и думах», и в постоянно полных симпатии отзывах Герцена в других его сочинениях, и в свидетельствах его современников в письмах того времени. Но если Герцен относился к Чаадаеву всегда с чувством горячей привязанности, «...Я его [Чаадаева] всегда любил и уважал и был любим им...» говорит Герцен в «Былом и думах», — то отношение Чаадаева к Герцену очень двойственное. С одной стороны в письме от 26 июля 1851 г. Чаадаев заверяет Герцена в своей любви, которая сохранится в нем даже в загробном мире, с другой стороны, в письме того же лета 1851 г. к А. Ф. Орлову, он называет Герцена «наглым беглецом, гнусным образом искажающим истину и кидаящим на наше имя свой собственный позор». (Сочинения и письма Чаадаева, изд. под ред. Гершензона, 1913 г., т. I, стр. 299).

Письмо это производит на читателя чрезвычайно тяжелое впечатление и хорошо охарактеризовано словами Жихарева, что оно — *est une bassesse gratuite*. Но Герцен ничего не знал об этом письме, так как Жихарев ничего не сказал ему о нем².

Путешествия Жихарева легко проследить по хранящимся в его архиве заграничным паспортам этих лет.

В конце марта 1860 г. Жихарев был в Париже, где встретился с Гагариным, а 4 мая он в Лондоне посещает Герцена, но не застаёт его дома. В связи с этим Герцен пишет ему первое письмо (от 5 мая). 6 мая состоялось свидание Жихарева с Герценом, о чем есть несколько заметок в написанной Жихаревым биографии Чаадаева. 7 мая Жихарев уезжает обратно в Париж, а оттуда — в Россию.

Прощаясь с Жихаревым, Герцен пишет ему второе письмо. По этому письму мы можем судить, о чем еще говорили накануне Герцен и Жихарев. Из биографии Жихарева мы знаем, что разговор, главным образом, касался Чаадаева; из письма же видим, что помимо этого говорили и о предполагаемой крестьянской реформе, и о разочаровании, вызванном в русском обществе, а особенно в самом Герцене, назначением на место недавно умершего Я. И. Ростовцева гр. В. Н. Панина, пользовавшегося определенной репутацией реакционера.

В 1862 г. Жихарев опять поехал за границу. На этот раз он побывал во Франции и Италии. Как раз в начале 1862 г. Гагарин выпустил в Париже «*Oeuvres Pierre Tchaadaïef*». Вероятно, поездка Жихарева и была вызвана появлением на свет этой книги. Тотчас же после ее выхода Гагарин, по поручению Жихарева, послал экземпляр Герцену. О получении этой книги Герцен сообщает Огареву 14 апреля 1862 г. из Ventnог: «Князь и иезуит Гагарин прислал письмо с большими симпатиями и пишет, что отправил ко мне Чаадаева избранные сочинения. Это Жихаревские бумаги вероятно. Получил ли ты?» (Герцен, т. XV, стр. 210).

Приехав за границу, уже в 1863 г. Жихарев послал Герцену, повидимому, копию с картины Бодри «Кабинет Чаадаева» и одновременно осведомился, получил ли он «*Oeuvres choisies*» от Гагарина. Ответом на это послание и служит последнее письмо. Герцен упоминает в нем о первой биографии Чаадаева, написанной М. Н. Лонгиновым («Русский Вестник», т. 42, 1862 г.)³.

В то время, как Герцен писал последние письма, вся Европа, а особенно Герцен, лихорадочно следил за все разраставшимся еще, бывшим в апогее, польским восстанием. Герцену казалось, что самодержавие начало сдавать и повеяло новой русской весной. Эти надежды и проскальзывают в последних фразах письма. Мы не знаем, что ответил на это Жихарев. Повидимому, он просил прислать «Колокол». По крайней мере, 6 апреля 1863 г. Герцен пишет дочери: «Вот что ты можешь сделать: отошли «Кол[окол]» 64, Via della Vita; у Signora Diotallevi живет племянник Чаадаева, Жихарев, он просил меня прислать, но Тхорж[евский] говорит, что не доходят» (Герцен, т. XVI, стр. 203).

Любопытна судьба этих писем в рукописном отделе Ленинской библиотеки до разбора архива Жихарева в 1937 г. Письма хранились в архиве Жихарева среди писем неустановленных лиц. Повидимому, так хотел сам Жихарев, так как при передаче в 1869 г. первой части своего архива в Публичный румянцевский музей, он в описи, составленной довольно наскоро, упоминает почти всех адресатов, но не называет Герцена. Письма Герцена было, повидимому, неудобно давать на хранение в музей, так как имя Герцена было одиозно, а сохранить письма Жихареву хотелось, и он прибег к этой мере. Письма пролежали среди неустановленных без малого 70 лет. Находятся они в папке 1033а архива Жихарева.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. в письме А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому от 24 октября 1834 г. «Скажи ей [Анастасии Семеновне Сиркур, рожденной Хлюстиной], что брат ее, Хлюстин, здесь служит при Блудове и смотрит вдаль, но еще несколько педантоват, хотя умен и не без европейского просвещения. Собирается печатать мистику московского графа Мейстера...» (Остафьевский архив, т. I, стр. 162).

² «После его [Чаадаева] смерти, мне очень хотелось письмо показать Герцену. Случайное и может быть предопределенное обстоятельство тому помешало: как не заботился я, уезжая из России, взять его с собой, однако же забыл у себя под замком в деревне. Сказывать же про него Герцену, не имея неопровержимого доказательства, не посмел, будучи уверен, что он отнесся бы ко мне с презрительным недоверием и, судя по всему вероятно, заподозрил бы в низкой клевете. Таким образом, Герцен и умер не испытав этого разочарования, может быть не самого легкого из всех бесчисленных его постигших» («Вестник Европы», 1871 г.).

³ Эта биография вызвала впоследствии жихаревскую биографию Чаадаева, написанную в 1865 г. и напечатанную только в 1871 г. в «Вестнике Европы».

V. ПИСЬМА А. И. ГЕРЦЕНА РАЗНЫМ ЛИЦАМ

Публикация В. Головчинер, П. Дьяконова, Б. Козьмина *

1. ПИСЬМО А. И. ГЕРЦЕНА Б. И. ОРДЫНСКОМУ

Душевно рад быть посредником между вами и «Современником». Присылайте статьи об Аристофане, переводы и разборы. — Я все отправлю и по мере напечатания вы будете получать от меня от 150 до 175 [рублей] ассиг[нациями] с печатного листа (несравненно меньшего против «Отечественных Записок»).

Главная мысль ваша чрезвычайно важна, именно: трагическое столкновение гениально развитой натуры, которая вместо деяния, вместо свободного развития, борется внутри с предрассудками; тут источник и отчаяния и злейшей иронии.

Вероятно, Краевский оттого не поместил вашей статьи, что он из нее впервые узнал об Аристофане, об Афинах и т. д.

Я на днях приехал из Петербурга, где видел новую редакцию «Современника». Она дает большие надежды.

Душевно уважающий вас А. Герцен

11 ноября 1846 г.
Москва. Сивцев вражек.

Настоящее письмо было впервые опубликовано более 35 лет тому назад, но в собрании сочинений Герцена под ред. М. Лемке оно оказалось пропущенным и, таким образом, до сих пор оставалось неучтенным никем из занимавшихся изучением биографии и литературного наследия Герцена.

Письмо это адресовано Борису Ивановичу Ордынскому (1823—1861). Адресат письма в 1840—1844 гг. был студентом словесного отделения философского факультета Московского университета и специализировался по греческому языку и литературе. В 1844—1847 гг. он состоял преподавателем греческого языка в гимназии в Ярославле, а с 1847 г. — в 3-й гимназии в Москве. В 1854 г. защитил магистерскую диссертацию о «Поэтике» Аристотеля и был назначен адъюнктом римской словесности Казанского университета. В 1861 г. он был избран профессором Харьковского университета, но извещение об этом избрании было получено им за несколько дней до смерти.

Кроме специальных филологических изданий, Ордынский сотрудничал в ряде общелитературных журналов: «Отечественные Записки», «Современник», «Москвитин» и др. Его перу принадлежит ряд статей по истории греческой литературы, рецензий на книги по тому же предмету, а также неудачный перевод на русский язык «Илиады» Гомера.

В бытность учителем в Ярославле, Ордынский написал свою первую статью, посвященную Аристофану, и послал ее в «Отечественные Записки». Однако, Краевский вернул эту статью автору, пояснив, что ранее напечатания ее, необходимо было бы в ряде статей ознакомить читателей с домашней жизнью древних греков, а также с древнегреческим театром. Тогда, зная, что Герцен собирает статьи для «Современника», издание которого с начала 1847 г. переходило в руки Н. А. Некрасова и И. И. Панаева, Ордынский обратился по поводу своей статьи к Герцену, — возможно, при посредничестве Т. Н. Грановского, который в то время протезировал Ордынскому.

Ответом Герцена на это обращение и было настоящее письмо.

Была ли послана Ордынским его статья в «Современник», неизвестно. Однако, в этом журнале она не появлялась и была напечатана лишь в 1849 г. в тех же «Отечественных Записках» (т. LXII), которые отвергли ее в 1846 г. Это объяснялось тем, что с 1847 г. Ордынский становится постоянным сотрудником журнала Краевского.

Письмо Герцена было впервые опубликовано проф. Е. А. Бобровым, в написанной им биографии Ордынского («Варшавские Университетские Известия», 1903 г., № 8, стр. 14—15). Автограф хранился в бумагах Б. И. Ордынского в Казани. Местонахождение оригинала этого письма в настоящее время неизвестно.

* Комментарии к письму № 2 принадлежат В. Головчинер, к письму № 5 — П. Дьяконову, к письмам №№ 1, 3, 4, 6 и 7 — Б. Козьмину.

2. ПИСЬМО А. И. ГЕРЦЕНА М.-Р. ЛЕВЕРСОНУ

3 Mars [1858]. Putney.
Laurelhouse

Mon cher Monsieur Leverson,

Un Monsieur que je connais beaucoup s'offre à faire l'essai de m'injecter la langue anglaise — en conséquence je vous prierai de ne plus vous occuper de la recherche.

Pensez-vous qu'on poursuivra le pauvre Thorjevski (le libraire de 39 Rupent Str.) — dans ce cas je voudrais savoir ce qu'il doit faire. Mais quelle rage de persécution s'est donc emparée de vos gouverneurs?

Derby proposera donc la «murder» — illégalité et avez-vous vu le honteux fait d'un Belge amené ici pour témoigner contre Bernard — qui n'a pas le droit de lire le Times. Mais Palmerston a très bien préparé l'inauguration de l'Empire.

Il y a un article dans le Times qui demande de confondre dans une seule proscription les réfugiés et les filles publiques.

Est-ce que la Daily-News — ou une autre feuille — voudrait répondre.

Adieu. Tout à vous

A. Herzen

Перевод:

3 марта [1858] Путней.
Лорельхаус

Любезный г. Леверсон,

Один господин, с которым я хорошо знаком, предлагает свои услуги, чтобы попробовать привить мне английский язык — поэтому я попрошу вас не заниматься более поисками.

Думаете ли вы, что бедного Тхоржевского — книготорговца с улицы Рупент 39 — будут преследовать? В таком случае я хотел бы знать, как ему поступить. Но что за страсть преследований овладела вашими правителями?

Итак Дерби предложит считать это за «Murder» * и обратили ли вы внимание на позорный факт доставления сюда одного бельгийца для показаний против Бернара, которому не разрешено читать «Times». Однако Пальмерстон прекрасно подготовил торжественное открытие Империи.

В «Times» есть статья, требующая объединить в одном проскрипционном списке эмигрантов и публичных женщин.

Не захочет ли «Daily News» или какая-нибудь другая газета отозваться?

Прощайте. Весь Ваш А. Герцен

Настоящее письмо Герцена, оригинал которого хранится у автора публикации, печатается впервые.

Письмо адресовано английскому журналисту Леверсону, сотруднику газеты «Daily News» в пятидесятых годах прошлого века. О нем упоминает Герцен в письмах к М. Мейзенбуг из Putney от 7 января 1858 г.: «Статья лондонского «Daily News» написана Леверсоном» (Герцен, т. IX, стр. 113). Не имея возможности ознакомиться с этой статьей за отсутствием полного комплекта газеты в доступных нам хранилищах, трудно утверждать, что написана она именно о Герцене, но во всяком случае, судя по тону письма к Мейзенбуг, несомненно, что она была благоприятна для него.

По данным каталога библиотеки Конгресса Соединенных Штатов в Вашингтоне видно, что, кроме газетных статей, Монтенгью-Ричард Леверсон (род. в 1830 г.) является также автором ряда брошюр по вопросам права, политической экономии и народного образования, изданных в период с пятидесятых до девяностых годов в Лондоне и в Нью-Йорке. Одна из его работ публицистического характера («Билль реформатора о реформах») издана в 1866 г. Трюбнером, издателем сочинений Герцена в Лондоне.

Можно предположить, что в шестидесятых годах Леверсон переселился из Лондона в Америку, о чем говорит место издания его книг. Подробных сведений о

* Убийство.

работе Лаверсона в Лондоне разыскать не удалось; как корреспондент Герцена, он нигде пока не учтен, да и фамилия его в обширной переписке Герцена, опубликованной до сегодняшнего дня, упоминается лишь в указанном случае.

Правда, в письме к той же М. Мейзенбург от 27 марта 1858 г. есть такая фраза: «Бойля я не дам, можно получить у Трюбнера и Левессона» (Герцен, т. IX, стр. 175). Принимая во внимание, что буквы г и с в скорописи Герцена почти совпадают, можно предположить, что и здесь речь идет о том же журналисте Лаверсоне; если считать это вероятным, то упоминание его имени рядом с Трюбнером и по такому поводу наводит на мысль, что Лаверсон довольно часто общался с Герценом в Лондоне.

Письмо послано Герценом из Putney, предместья Лондона, где он жил в Laurelhouse со своей семьей и с приехавшими к нему в Лондон Огаревыми с 10 сентября 1856 г. до 24 ноября 1858 г. (Герцен, т. XXII, стр. 282; т. IX, стр. 395).

В начале письма речь идет о поисках преподавателя английского языка для Герцена. Живя в Лондоне с 1852 года, Герцен, хотя и с перерывами, но упорно занимался изучением английского языка (см. Герцен, т. IX, стр. 172, 526).

Центральной темой письма являются высказывания Герцена о реакционных мероприятиях, проведенных и вновь намечавшихся английским правительством в связи с покушением Орсини.

Непосредственно после ареста Орсини, который, по выражению Герцена, «на английской почве обдумывал свои гранаты» («Былое и думы», гл. LV), премьер-министр Пальмерстон под давлением Наполеона III внес в парламент билль о тайных обществах (Conspiracy Bill), направленный против эмигрантов и фактически ставивший их под угрозу расправы со стороны заинтересованных правительств. (Подробно о Bill'e см. в письме Маркса к Энгельсу от 7 мая 1870 г. в т. XXIV сочинений, стр. 331—332).

Подготавливавшийся грандиозный митинг рабочих в Hyde Park'e заставил большинство членов парламента вотировать против билля Пальмерстона — и 19 февраля 1858 г. он вынужден был подать в отставку. Надо заметить, что к этому моменту по его распоряжению был уже арестован ряд лиц, заподозренных по делу Орсини, в том числе французский эмигрант С. Бернар, о котором Герцен говорит в письме и о процессе которого Герцен подробно рассказал в «Былом и думах», в главе LV.

Преемник Пальмерстона на посту премьер-министра, Дерби не только не ослабил пальмерстоновского сервилизма по отношению к Наполеону III, но еще усилил его. Он применил на практике отвергнутый парламентом билль своего предшественника и выступил с требованием рассматривать участие эмигрантов в заговорах, как убийство («murder») и измену («felony»), т. е. как уголовное преступление.

Еще более усилились его репрессии против эмигрантов с того момента, когда в Лондоне распространилась выпущенная от имени Революционной коммуны брошюра Феликса Пиа, в которой оправдывался поступок Орсини.

Хотя брошюра эта не представляла собой ничего значительного, а тем более опасного (о ней именно в таком смысле отзываются Маркс в письме к Энгельсу от 2 марта 1858 г., — Сочинения, т. XXII, стр. 312 — и Герцен в письме к М. Мейзенбург, — т. IX, стр. 171), однако Дерби в палате лордов торжественно заявил, что коронным адвокатам поручено начать против виновных судебный процесс. Вслед за правительством травлю эмигрантов начала и официозная пресса, причем особенно разнузданностью отличались статьи «Times» и бельгийской газеты «Le Nord» (см. № 8 «Колокола» от 1 февраля 1858 г.).

Именно эти факты, связанные с моментом усиленных репрессий со стороны правительства Дерби, и нашли отражение в письме Герцена к Лаверсону — вот почему оно безошибочно должно быть отнесено к 1858 г. (в подлиннике указаны только месяц и число — 3 марта).

Герцена беспокоила не только судьба Бернара, сидевшего в то время в тюрьме, но и возможность ареста близкого и преданного ему человека — эмигранта Тхоржевского, который издал брошюру Пиа. Действительно, Тхоржевский 25 марта 1858 г. был арестован и предан суду. Процесс Тхоржевского описан Герценом в вышеуказанной главе «Былого и дум».

Заключительная фраза письма может быть понята, как обращение к содействию Лаверсона в деле активизации лондонской прессы для протеста против репрессий, стеснивших свободу печати и личности.

Письмо, несмотря на лаконичность, очень интересно своей экспрессивностью, тонкостью политического чутья и меткостью прогноза. Это один из тех трепещущих живой мыслью листков Герцена, которыми он обменивался со своими единомышленниками на ходу, откликаясь на волнующие его факты сегодняшнего дня, один из тех документов, которых так мало еще собрано за период его жизни в эмиграции.

3. ПИСЬМО А. И. ГЕРЦЕНА И. С. АКСАКОВУ

День № 2

Помочь, помочь! а если помощи нашей принять не захотят? Раздумье меня взяло и о предыдущих посланиях (ведь до дюжины набралось), и об отзывах о Дне — если они соверш[енно] беспомощны, то не лучше ли опять отстраниться и отклониться?..

Однако, 2-й № неожиданно во многом меня утешил, и я делаю еще попытку.

(Очень уважаю я ту pietas, которая заставила вас поместить и пр., но спеша тогда, я не успел достаточно мотивировать мой отзыв. Его бы не было, если бы это был частный случай, без связи с предыд[ущим] и — боже избавь — послед[ующим].

В 1858 году я писал вам¹, что в течение царствования Николая, тогда как другие восстали против него (чем заслужили любовь, уважение ничем не изгладимое и известность даже у запад[ных] славян), славянофилы проповедывали (по кр[айней] мере печатно, за исключением весьма немногих) смирение и покорность (помните «копырность»); мало того, подчинение всех славян могуществу и влиянию российского орла (не говоря уж о православии и русс[ком] языке, см. передов[ую] статью Погодина. «Москв[итянин]» 51, сентябрь)².

Вы мне отвечали тогда, что это яко бы клевета, пущенная в ход западниками.

Потому-то чрезвычайно горько было встретить все это в I №, первом № Дня... И горько, и даже странно после... Потому-то и не мог я пройти молчанием.

Далее желательно было бы знать, сколько именно подписчиков у Дня из упомянутых рыбинских и др. купцов (а также и из духовенства)? И сколько из западных славян примкнули к под[обному] направлению?.. И что если бы вы попробовали сказать им, что ваше христианство не поповское, что вообще оно не окаменело, а способно к развитию *..... пониманию и толкованию св. писания мы можем идти вперед сравнит[ельно] с прежними толкователями? Они бы отплюнулись... Верно потому-то вы этого и не говорите в ущерб истине и неформальной вере?.. Нет, уж если робеть, то пусть лучше невежество робеет пред знанием, пред стремлением к истине, чем наоборот!

Я ведь только на этом и настаивал.

«Поклонение богу как кумиру, силой божьего слова служение своей кор[ыстной] цели, грубое презрение к науке, любовь немоты и мрака...»³ прекрасно!.. Это трудно понять иначе, как намеком на касту клерикалов. Он отчасти прилагается и к другой касте. Но ведь вы не ограничитесь намеками? Ведь вы честно желаете разорвать с ними?.. О, если бы!.. (то что она названа «иноземной» я не без гордости, совсем, впрочем, не личной, себе приписываю...) Но сказать все-народно слово «покайтесь», ведь, еще не пришло время?⁴ Зачем же подражать клерикалам, безвременно и понапрасну приводящим тексты.

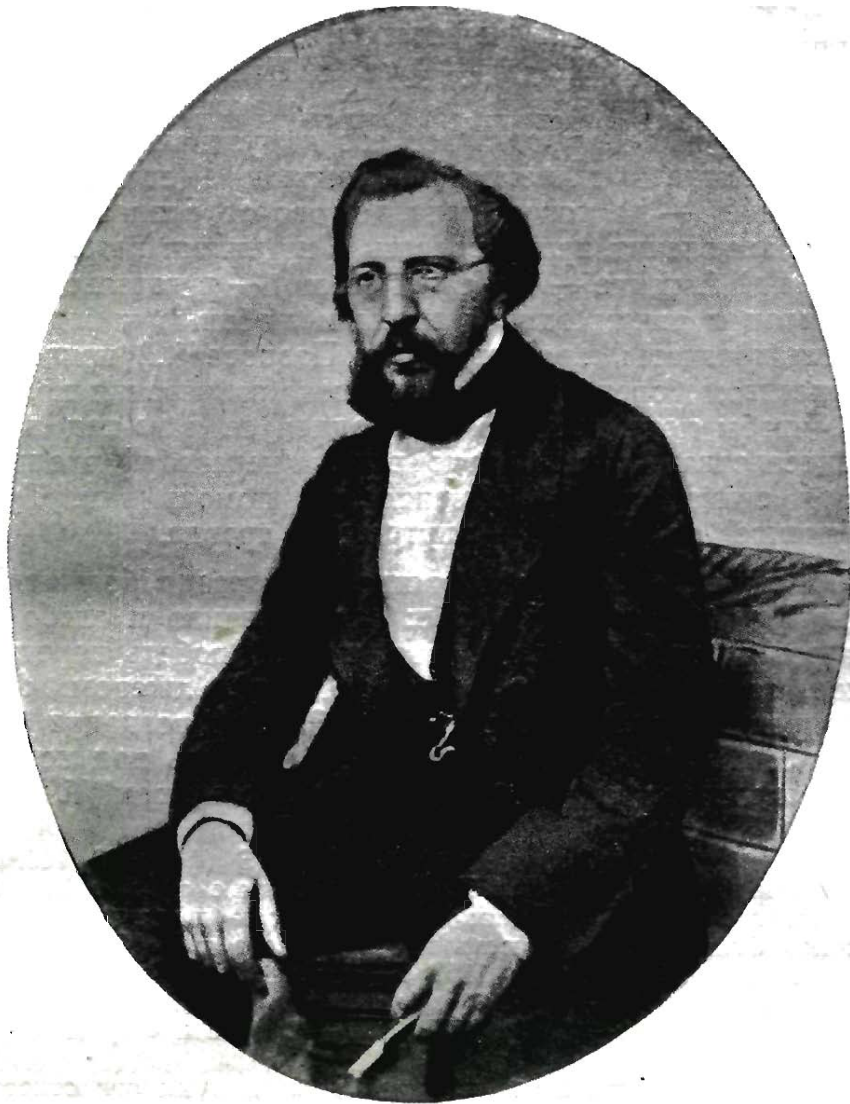
Вяземский за свою служебно-цензурную ревность и т. п. не нашел бы себе нигде приюта⁵ — кроме, к сожалению, славянофильского органа. Вот это-то и есть ошибка, вроде той, что вы сечь не хотели, а дали приют розгам и т. п.⁶, впрочем, сами увидите. (Ради бога только Крылова⁷ опять не допустите, да еще в самую подписку...)

Статья Ю. Самарина произвела на меня такое же впечатление, как ст[атья] Хомякова⁸. Если бы и другими с[лавяно]филами это было

* Далее вырвано.

выдержано, то служило бы ответом тем, кот[орые] уверяют, что попадись власть в руки с[лавяно]филов, то у них была бы драконовская, или лучше — монашеская цензура.

Да, невежество просто остается во мраке и лжи, а знание, хоть кривым иногда путем, должно вывести к истине. В том-то его вечное преимущество, потому-то оно имеет право на свободу. Почаще о свободе науки!..



И. С. АКСАКОВ

Фотография, 1860-е гг.

Исторический музей, Москва

Из Каширы — может быть дельнее; а для начала, жаль, общие места слабо выраженные⁹. Зато из Хар[ьковской] губ[ернии] — соверш[енно] дельно, живо и интересно. Подобно и из Макарьева.

Но что особенно меня утешило — так это ваше «от редакции»¹⁰ (...«Апология взяток...») к Чернигову. Это будет иметь заслуженный успех, будет перепечатано. Если бы во всех вопросах веры был у с[лавяно]филов этот же тон ненавязыванья и свободы, которому нельзя достаточно сочувствовать... (Но чуть коснется запад[ных] славян — они тотчас его теряют! Отчего?)

Слав[янский] отдел хорош, по кр[айней] мере, для начала. Система, полнота и др. усовершенствования, однако, желательны и возможны. Но ваше «от редакции» к Бельзу¹¹ (написанное энергически и

страстно — вы кажется против страстности?) удивит, и удивит весьма неприятно, не меня одного. Назвать всех поляков трижды безумными (безмозглыми?) почти презренными (в* оправдания (!!)), но и его недостойными) — как это — необдуманно... как по-братски, по-славянски!... И это в Дне, наследнике Паруса¹², и по несчастью чуть не в 1 №!...

Разве все поляки думают? Вот вам факт: даже г-н Падалица положительно говорит, Спб. Вед[омости] № 170, стр. 965, окончание 5-го столбца: «с удивлением спрашиваем в своем кружке друг друга, кто же посреди нас обращает — Русь в Польшу и снимает с нее ее родовое название? Отнюдь не мы!» и еще «такое притязание вымышленно, никто из нас не простирает его к русинам¹³».

Да, идея владеть полякам Смоленском, Черн[иговом], Киевом, Волынью, Галицией — до того нелепа, до того смешна**, что страстно воевать против нее значит, право, воевать с крыльями ветряной мельницы. Ее — осмеять! А такие — *tranchons le mot* — ругательства, в то время, как весь народ с таким единодушием и любовью к родине (вы сами должны были признать: ...разговор при Павлове¹⁴...) приносит жертвы, с таким мужеством борется не для нелепого завоевания поляками Руси, а для того, чтобы хоть немного освободить себя из-под лапы Спбургского правительства — удивительно всему [неразобр.] вредны...

И тут я считаю своей обязанностью помочь вам. Тут доказать ваше слав[янское] сочувствие — внутренняя правда.

Р. S. От статьи Ламанского ожидал я гораздо большего¹⁵. Столько повторений и противоречий себе: так сбивчиво и слабо ничего доказывать невозможно. И недобросовестно так робеть перед «Основой» за то самое, за что называет «Совр[еменник]» лжецом, обманщиком! Зачем и допускать такие ругательства? За них воздадут семирицею...

(Р. S. Р. S. Как жаль, что Пушкин, сближаясь под конец с народностью, в то же время сближался и с правительством!)¹⁶.

Печатается по оригиналу, хранящемуся в ГАФКЭ (фонд № 199, № 10).

Еженедельник «День» издавался И. С. Аксаковым с октября 1861 г. в Москве. № 2 «Дня» вышел 21 октября. Таким образом, письмо датируется ноябрем 1861 г.

До сих пор были известны восемь писем Герцена к И. С. Аксакову. Три из них относятся к 1858 г., одно — к 1859 г. и четыре (из которых одно написано совместно с Н. П. Огаревым) — к 1860 г. (см. т. IX, стр. 122—123, т. X, стр. 42—43 и 202—203, т. XXII, стр. 114—115, 120—122, 126—127, 128 и «Мурановский Сборник», в. I, 1928 г., стр. 202).

Уже из этих писем было ясно, что в годы, к которым они относятся, взаимоотношения Герцена с И. С. Аксаковым, несмотря на серьезные теоретические расхождения, существовавшие между ними, были весьма дружественными, более дружественными, чем со многими бывшими товарищами Герцена по кружку западников 40-х годов. Герцен был даже склонен преувеличивать степень своей близости к славянофилам. В письме от 31 января 1860 г. он писал И. С. Аксакову: «Если теперь славяне не видят, что мы представляем разное, но родственное с ними направление, а с западниками — разное и враждебное, — не наша вина» (Герцен, т. X, стр. 202).

Публикуемое нами письмо Герцена, написанное в форме отзыва о № 2 «Дня», показывает, что его переписка с И. С. Аксаковым была более оживленной, чем можно было думать по ранее известным нам его письмам, и что она не закончилась в 1860 г., а продолжалась и в следующем. Обращаясь к Аксакову, Герцен мечтал добиться того, чтобы славянофилы отказались от наиболее неприемлемых для Герцена сторон своего мирозерцания: узкого национализма, преклонения перед официальной церковью и склонности поддерживать абсолютизм. Аксаков, как показывает публикуемое нами письмо Герцена, со своей стороны, в какой-то мере рассчитывал на помощь и поддержку своего лондонского корреспондента. Нет сомнения в том, что свой отзыв о «Дне» Герцен писал по просьбе Аксакова. Было ли публикуемое нами письмо последним письмом Герцена к Аксакову или же вслед за

* Далее вырвано.

** Это слово в оригинале подчеркнуто дважды.

Sept 2

Now, now! a new marriage scene against my interest?
 Cordelia, my daughter, a new husband, now now! (All go to great confusion),
 it is impossible, for then our father, my father, was the father of
 my father-in-law. A new husband!

[illegible][illegible][illegible][illegible]

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ПИСЬМА ГЕРЦЕНА К И. С. АКСАКОВУ ОТ НОЯБРЯ 1861 г.
Государственный архив феодально-крепостнической эпохи, Москва

ним последовали и другие, нам до сих пор неизвестные? Ответить на этот вопрос мы не имеем возможности. Однако нельзя не вспомнить, что, когда в 1862 г. «День», одновременно с «Современником» и «Русским словом», был приостановлен правительством, Герцен на страницах «Колокола» предложил редакции этой газеты (как и редакции «Современника») перенести издание его в Лондон, обещая свою поддержку на этот случай. Аксаков, конечно, не пошел на это предложение. Он предпсчел добиваться у правительства досрочного разрешения на возобновление выхода своей газеты. Враждебная полякам позиция, занятая «Днем» во время польского восстания 1863 г., воочию обнаружила перед Герценом ту пропасть, которая отделяла его, революционного демократа, от славянофилов, и убедила в наивности каких бы то ни было надежд на союз с Аксаковым и его газетой.

Однако, и в 1861 г., когда Герцен писал публикуемое нами письмо, твердой веры в возможность воздействовать на Аксакова у него не было. Это и заставляло его колебаться, прежде чем взяться за перо. Уже в передовице № 1 «Дня» И. С. Аксаков совершенно отчетливо наметил знамя, под которое станет основанная им газета. Это — «знамя русской народности, понятой и определенной Киреевскими, Хомяковым, Аксаковым Константином и всей, так называемой, славянофильской школой». Таким образом, у Герцена не могло быть сомнений в том, что газета Аксакова будет ортодоксальным славянофильским органом. Особенное же впечатление на Герцена произвела, как видно из печатаемого нами письма, панславистская программа, развернутая Аксаковым в «Славянском отделе» № 1 «Дня». «Освободить из-под материального и духовного гнета народы славянские и даровать им дар самостоятельного духовного и, пожалуй, политического бытия под сенью могущественных крыл русского орла — вот историческое призвание, нравственное право и обязанность России», — писал Аксаков. Странная противоречивость такой постановки вопроса («самостоятельность» — с одной стороны, «под сенью» царского орла — с другой) не могла не вызвать возражений со стороны Герцена. Он понимал, что неясность аксаковской формулировки открывала широкие двери захватническим поползновениям русского правительства. Этим и объясняются те сомнения в целесообразности продолжать переписку с Аксаковым, о которых говорит Герцен.

¹ Это письмо Герцена И. С. Аксакову до сих пор не опубликовано.

² Герцен имеет в виду статью «Об общеславянском литературном языке», напечатанную Погодиным в № 18 «Москвитянина» за 1851 г. В этой статье Погодин отстаивал необходимость принятия славянскими народами русского языка, в качестве общелитературного, и православия, в качестве объединяющей всех славян религии.

³ Слова, заключенные Герценом в кавычки, не являются дословной цитатой из «Дня». В передовой статье № 2 Аксаков писал: «Что видим мы хоть в нашей литературе?.. С одной стороны — ложь разрушения, с другой — ложь созидания, с одной стороны — неверие, поклоняющееся как богам людским временным кумирам, с другой — мнимая вера, поклоняющаяся богу как кумиру и силою божьего имени служащая своим корыстным целям и выгодам! Тут раболепство перед каждым последним словом науки; там грубое презрение к науке, к мысли, к подвигам разума и духа! Тут злоупотребление, нечестное обращение со словом; там преследование слова, любовь немоты и мрака».

⁴ Передовая статья Аксакова в № 2 «Дня» заканчивалась словами: «Но еще не наступила пора [пробуждения русского народного сознания]. И хотя мы почти уверены, что голос наш раздастся напрасно, но применяясь к предмету настоящей речи нашей, скажем мы: «Глас вопиющего в пустыне, уготовайте путь господень... Покайтесь!» (подчеркнуто Аксаковым).

⁵ В № 2 «Дня» было напечатано стихотворение П. А. Вяземского «Вечер».

⁶ Намек на напечатание в славянофильском «Сельском Благоустройстве» (№ 9 за 1858 г.) статьи кн. В. А. Черкасского «Некоторые общие черты будущего сельского управления», в которой он высказывался за оставление за дворянами, после отмены крепостного права, права подвергать крестьян телесным наказаниям. Эта статья вызвала большой литературный скандал. И. С. Аксаков считал напечатание этой статьи нетактичностью и ошибкой редакции «Сельского Благоустройства».

⁷ Н. И. Крылов — профессор римского права Московского университета, человек талантливый и, в то же время, лишенный нравственных устоев, а к концу жизни совершенно отставший от науки и опустившийся. В №№ 1 и 2 славянофильского журнала «Русская Беседа» за 1857 г. он поместил «Критические замечания» на диссертацию Б. Н. Чичерина «Областные учреждения в России в XVII в.», в которых упрекал автора диссертации в том, что он взглянул на древнюю Россию с чисто отрицательной точки зрения и игнорировал положительные стороны ее жизни. Эта статья Крылова вызвала оживленную полемику в прессе того времени. Оппоненты Крылова установили не только его невежество в области русской истории, но и незнание им ряда фактов из истории Рима, бывшей его специальностью.

⁸ Герцен имеет в виду статьи А. С. Хомякова «Об общественном воспитании в России» (№ 1 «Дня») и Ю. Ф. Самарина «Письма о материализме к Н. П. Гилярову-Платонову» (№ 2 «Дня»). Авторы этих статей высказывались за свободу

слова, мысли и критики. Хомяков писал о необходимости «свободы преподавания наук», хотя бы их выводы находились в противоречии с библией. Самарин же, отмежевываясь от материализма, высказывался, однако, против преследования его. «Безрассудно и грешно, — писал он, — убивать мысль, потому что через это мы мешаем ей совершить над собою самоубийство, predeterminedенное всякой лжи».

⁹ Герцен имеет в виду корреспонденцию из Каширы, подписанную Н. Б. Эта корреспонденция, автором которой был Н. М. Павлов, действительно не содержала в себе почти никакого конкретного материала и сводилась к общим рассуждениям славянофильского типа.

¹⁰ В корреспонденции из Чернигова сообщалось, что местное губернское по крестьянским делам присутствие разослало сельским крестьянским властям распоряжение «наблюдать за строгим соблюдением крестьянами ежегодной исповеди и причащения св. тайн». В заметке «От редакции» Аксаков выразил возмущение этим распоряжением, находя недопустимым вмешательство органов администрации в дела религии. При этом Аксаков писал: «Если бы полицейскими мерами заставлять веровать в бога и каким бы то ни было принудительным способом гонять людей в церковь, не было ли бы это только поводом к незаконным денежным поборам». Вслед за этим Аксаков указывал, что «если сельское «начальство»... на беду будет так бескорыстно, что и деньгами от него не откупиться», то посещение церкви превратится в пустую формальность. Эти слова Аксакова и дали повод Герцену иронически упомянуть об «апологии взяток».

¹¹ Герцен имеет в виду корреспонденцию «Из Бельза», помещенную в № 2 «Дня» и сопровождавшуюся заметкой «От редакции». В корреспонденции и заметке речь шла об организованных поляками митинге и демонстрации в Городле в память польско-литовской унии. Собравшимися была принята резолюция, требовавшая включения в пределы будущей свободной Польши воеводств Киевского, Черниговского, Смоленского, Галицкого и др. Отзываясь на эту резолюцию, Аксаков писал: «Киев, Волынь, Чернигов, Смоленск!!! Безумные поляки! Как спешите вы проиграть ваше дело... Неужели вы так глухи, так слепы, неужели вы думаете, что в пространной русской земле... найдется хоть один русский, который бы не загорелся весь самым жгучим огнем негодования при таких лживых и наглых ваших притязаниях!.. Несчастные, несчастные, безумнее как божьей карой пораженные поляки!»

¹² «Парус» — еженедельная славянофильская газета, выходившая в Москве, в 1859 г. под редакцией И. С. Аксакова. Уже передовая статья № 1-го этой газеты, написанная самим Аксаковым, привлекла внимание цензуры. Главное управление цензуры констатировало, что редактор «Паруса» «обнаружил предосудительное направление, издеваясь над цензурой, возбуждая открыто, ей сопротивление и доказывая необходимость свободного обсуждения существующих у нас учреждений, недопускаемого нашими законами». По выходе № 2-го, «Парус» был закрыт правительством за напечатание статьи М. П. Погодина «Прошедший год в русской истории», содержащей в себе, по мнению цензурного ведомства, «едкое унижение нашей иностранной политики и неоправданное вмешательство частного лица в виды и соображения правительства» (См. Н. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. XVI, стр. 305—361).

¹³ В № 170 «С.-Петербургских Ведомостей» за 1861 г. была перепечатана из «Виленского Вестника» статья Тадеуша Падалицы (псевдоним Фиша Зенона-Леонарда, польского писателя), автор которой доказывал добровольность присоединения Литвы к Польше на Люблинском сейме 1596 г. и защищал «исторические права» Польши на Киевскую и Волынскую область. В № 1 «Дня» были напечатаны возражения М. Кояловича на эту статью Падалицы.

¹⁴ Трудно определить с точностью, о каком именно Павлове говорит Герцен. Вероятно это — Платон Васильевич Павлов, профессор Петербургского университета, в 1862 г. высланный за речь по поводу тысячелетия России. Во время своих поездок за границу Павлов посещал Герцена и мог встретиться у него с Аксаковым.

¹⁵ Герцен имеет в виду критический разбор статьи Н. Г. Чернышевского «Национальная бестактность» («Современник», 1861 г., № 7), напечатанный известным славистом В. И. Ламанским в № 2 «Дня». Спор между Ламанским и Чернышевским сводился к тому, какой язык надлежит принять галицийским русинам в качестве литературного: украинский, как это полагал Чернышевский, или ту фальшивую подделку под русский литературный язык, на которой в 1861 г. начал печататься выходивший во Львове русинский журнал «Слово» и которую отстаивал Ламанский. Полемику с Чернышевским, Ламанский допустил ряд грубых выпадов по отношению к своему противнику, обвиняя его во «лжи и обмане» и заявляя, что его статья представляет собою «любопытный пример сочетания слабости мышления с крайним самодовольством и самомнением». В то же самое время Ламанский выражал свое «сочувствие и уважение» украинскому журналу «Основа», выходившему в то время в Петербурге, несмотря на то, что в вопросе об языке русинов этот журнал стоял на той же точке зрения, что и Чернышевский.

¹⁶ В № 2 «Дня» П. И. Бартенев опубликовал, полученный им от С. А. Соболевского, набросок программы журнала, составленный А. С. Пушкиным в 1832 г. Учитывая невозможность организовать в России того времени независимый политический журнал, Пушкин ввел в свою программу пункт, гласивший: «Журнал мой предлагаю правительству — как орудие его действия на общее мнение». К этому пункту Аксаков сделал примечание: «Странно!.. Это требовало бы объяснения...».

4. ПИСЬМО А. И. ГЕРЦЕНА В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «LE NORD»

Orsetthouse, Westbourne terrace

London [декабрь 1861 г.]

Monsieur le rédacteur

.....
 Cette dame (M-me Bernov) affirme que les fragments des mémoires de son père A. Mikhaïlovski-Danilevski sont faux. Ici je n'ai que ma parole d'honneur que le texte imprimé est exactement conforme au texte que nous avons reçu de Saint-Pétersbourg. Reste à faire une enquête sur les sources. Nous la ferons, et, quel qu'en soit le résultat, nous ne doutons pas un instant que vous mettez, M. le rédacteur, autant d'empressement à le publier que vous en avez montré, en insertant la lettre de M-me Bernov.

Recevez, M. le rédacteur, etc.

Al. Herzen.

P. S. Je vous prie d'insérer cette lettre dans votre prochain numéro.

A. H.

Перевод:

Орсетхаус, Уетборн-Террас, Лондон
 [Декабрь 1861 г.]

Господин редактор...

Особа эта (г-жа Бернова) утверждает, что воспоминания ее отца, А. Михайловского-Данилевского подложны. В настоящее время я могу лишь дать слово, что напечатанный текст в точности соответствует тексту, полученному нами из С.-Петербурга. Остается только расследовать источники получения рукописи. Мы это расследуем и ни минуты не сомневаемся, что, какой бы ни был результат, вы, г. редактор, опубликуете его столь же охотно, как опубликовали письмо г-жи Берновой.

Примите, г. редактор, и пр.

Ал. Герцен

P. S. Прошу вас напечатать это письмо в ближайшем номере вашей газеты.

A. G.

Настоящее письмо Герцена, не вошедшее в полное собрание его сочинений, было опубликовано в субсидируемой русским правительством брюссельской газете «Le Nord» в № 343 от 9 декабря 1861 г. Поводом к написанию его послужили следующие обстоятельства.

Во второй книжке, издававшегося Герценом «Исторического сборника вольной русской типографии», вышедшей в 1861 г., были напечатаны «Некоторые выписки из бумаг» А. И. Михайловского-Данилевского (1790—1848), известного военного деятеля и историка, автора ряда работ по истории русско-французских войн во времена Наполеона I, в которых Михайловский-Данилевский принимал личное участие. Опубликование этих выписок вызвало протест со стороны дочери Михайловского-Данилевского, А. А. Берновой, направившей в редакцию «Le Nord» следующее письмо, опубликованное в № 336 этой газеты от 2 декабря 1861 г.:

«Одно из изданий г. Герцена («Исторический сборник», № 2) содержит в себе статью, приписываемую генералу Михайловскому-Данилевскому.

Как дочери и единственной наследнице рукописей генерала Михайловского-Данилевского, мне принадлежит исключительное право распоряжаться ими. До сих пор я этим правом не пользовалась. Я отрицаю, чтобы эти возмутительные страницы вышли из-под пера моего отца.

Считаю долгом, во имя истины и чести уважаемого имени, протестовать против этой публикации, на которую я указываю, как на подложную и оскорбительную для памяти верного и преданного слуги своего повелителя.

Антонина Бернова, урожденная Михайловская-Данилевская».

Герцен счел нужным ответить Берновой. При публикации его письма, редакция «Le Nord», к сожалению, выпустила начало, заменив его двумя строками точек, и сопроводила ответ Герцена заметкой от редакции, гласившей:

«Г-жа Бернова, дочь генерала Михайловского-Данилевского, обратилась к нам, чтобы отвергнуть принадлежность ее отцу, единственной наследницей рукописей которого она себя называет, статьи, приписанной в одном из изданий г. Герцена покойному генералу; мы не нашли лучшего ответа на ее обращение, как опубликование ее письма. Это письмо было напечатано в номере нашей газеты от 2 декабря. Мы получили сегодня ответ г. Герцена с просьбой напечатать его. Мы не откажем в этом, как не отказали г-же Берновой. Однако, г. Герцен, без сомнения, поймет, что если мы всегда готовы открыть столбцы нашей газеты для оправдания и защиты, мы никогда не откроем их для атаки и нападения. Он не должен быть в претензии на нас, если мы опубликуем его письмо только в части, относящейся к инкриминируемому факту».

Эпизод с протестом Берновой нашел отражение в переписке Герцена с его корреспондентами. Герцен был убежден в том, что опубликованные им записки Михайловского-Данилевского не подложны. «Видел в «Норде», как дочь Михайловского обругала за отца? а записки то настоящие», — писал Герцен 2 декабря 1861 г. И. С. Тургеневу (Герцен, т. XI, стр. 355). Тем не менее он считал нужным расследовать вопрос об авторстве Михайловского и для этой цели воспользовался возвращением в Россию, бывшего в то время в служебной командировке в Лондоне, Н. М. Владимирова, позднее привлекавшегося по делу Н. А. Серно-Соловьевича и приговоренного к ссылке в Сибирь на поселение (пользуемся случаем указать неизвестную до сих пор дату смерти Н. М. Владимирова: он умер в 1914 г. в Риме). В письме от 5 декабря, давая Владимирову различные поручения в Россию, Герцен между прочим писал: «Нельзя ли узнать достоверно: отрывки из записок Мих[айловского]-Данилев[ского], бывшие в «Истор[ическом] сбор[нике]» (книж[ка] II), — настоящие или нет? Я уверен, что они настоящие, но его дочь с преднамеренной грубостью отреклась в «Le Nord» (Герцен, т. XI, стр. 360).

Кто же был прав: Бернова ли, считавшая напечатанные Герценом выдержки из мемуаров Михайловского-Данилевского подложными, или Герцен, уверенный в их подлинности?

Разрешение этого вопроса затрудняется тем, что воспоминания и записки Михайловского-Данилевского до сих пор полностью не опубликованы. При этом отрывки, напечатанные в «Историческом сборнике», относятся как раз к неопубликованным частям этих мемуаров. Исключением является отрывок четвертый, в котором говорится о восстании декабристов. Его можно сопоставить с напечатанным в № II «Русской старины» за 1890 г. рассказом Михайловского-Данилевского о восшествии на престол Николая I. Полного текстуального совпадения между двумя этими публикациями не имеется; однако содержание их во многом совпадает, и это делает несомненным, что публикация «Исторического сборника» действительно заимствована из какой-то рукописи, несомненно принадлежащей Михайловскому-Данилевскому. Если принять во внимание, что публикация «Русской старины» делалась, как это видно из оговорки редакции, по черновым наброскам автора, то расхождение ее текста с текстом «Исторического сборника» становится понятным.

Таким образом, подлинность публикации «Исторического сборника» подтверждается, а обвинение, брошенное Герцену дочерью Михайловского-Данилевского, опровергается. Бернова или не знала о существовании того варианта воспоминаний ее отца, выдержки из которого сообщил Герцену, его, неизвестный нам, корреспондент, или же сознательно, из желания ослабить впечатление, произведенное публикацией мемуаров ее отца, сообщаящего не мало фактов и рассказов, компрометирующих «особ» русской династии.

5. ПИСЬМО А. И. ГЕРЦЕНА Е. В. САЛИАС-ДЕ-ТУРНЕМИР

23 июня [1863 г.]

Что это как я давно вам не писал, мой старый друг, индо грустно и совестно. Пожалуй, вы подумаете что я на вас за чтонибудь зол; ей же ей — нет. Если вы за чтонибудь негодовали то, я думаю, и у вас это уже прошло; а я и не думал негодовать. А не писал, потому что все день от дня откладывалось, за кучей дела. Времена тяжкие; но близкие к развязкам. Разложение, смерть и роды совершаются с болью, но чем сильнее разложение — тем с одной стороны ближе смерть, а с другой роды. Процесс этого разложения не весел, спору нет: скорбь, негодование, минутные отчаяния и незыблемая вера — бродят в мозгу и не дают покоя. Но надо выдерживать. Жаль, если силы не допустят дожить до конца и начала. Чего доброго! Я в продолжи-

тельность собственного организма мало верю, т. е. не думаю, чтоб долго прожилося; от этого на последних так усиленно, мучительно хочется работать, — что едва успеваешь сладить со своим материалом, который хотелось бы привести в приблизительный порядок. Это одно из главных препятствий личной переписки; от этого так долго не писалось к вам.

Но вот я накануне переезда на новую квартиру: Elmfield house Teddington. Это 9 миль от Лондона (минут 30 желез[ной] дороги). Туда я уйду завтра. Уйду — потому что железная дорога становится для меня совершенно невыносима и каждый поезд повергает меня в мучительную пытку, хуже всякого телесного наказания. Если вы соберетесь к нам, то вы нас застанете, следственно, деревенскими жителями. Я долею рад, что буду не в городе; все ненужное отвалится, все нужное найдет нас и за городом. Если вы соберетесь, ведь вы и Дженни привезете? Он написал повесть, и я ее не читал, ибо не имею журнала, где она помещена. Пришлите мне ее. Где же Маша? Где же все? — Пожалуйста, не помня лиха, отвечайте мне тотчас же по новому адресу. Семья моя уже в Теддингтоне. Все процветают. Маленькие начинают говорить; Лиза перестает умолкать. Она остается моим фаворитом. Это, говорят, не хорошо, но это факт... Ну — прощайте пока, стало до свиданья. Я окружен ящиками и укладываюсь до проклятия жизни, осужденной на перемещения. Крепко жму вам руки. —

Приведенное письмо Герцена, оригинал которого хранится у автора публикации, адресовано известной писательнице Елизавете Васильевне Салиас-де-Турнемир (1815—1892); печатается впервые.

Письмо написано на четвертушке почтовой бумаги большого формата, без водяных знаков; свернутое пополам, при отправке сложено было конвертом и запечатано сургучной печатью с инициалами Герцена. Три странички письма заполнены полностью мелким узорчатым почерком; последняя строка, не поместившаяся на третьей странице, написана вверху четвертой страницы и там же, ниже, отдельной строкой приписано: «Старому другу».

На письме нет ни подписи, ни адреса, ни даже полной даты. Однако, как по черку письма, так и его содержание не оставляют ни малейшего сомнения в принадлежности письма Герцену.

Годовая дата письма устанавливается вполне точно на основании упоминания Герценом о предстоящем переезде в Elmfield house, Teddington. Переезд этот, как видно из письма А. И. Герцена к дочерям (см. Герцен, т. XXI, стр. 373), состоялся 28 июня 1863 г. Таким образом, точная дата публикуемого письма — 23 июня 1863 г.

Личность адресата, в письме не указанная, определяется также без труда, на основании содержания письма и сравнения его с другими письмами Герцена, адресованными Е. В. Салиас-де-Турнемир.

Небезынтересно происхождение письма. Оно было приобретено нами в свое время у Петрово-Соловова, ближайших родственников Елизаветы Васильевны Салиас, в составе пачки неопубликованных бумаг, принадлежавших когда-то, судя по всему, ее сыну — известному историческому романисту — Евгению Андреевичу Салиас-де-Турнемир (1840—1908). В одной пачке с письмом Герцена находились еще: письмо Е. В. Салиас сыну от 5 марта 1881 г. (текст его приводим ниже), автограф одного ее неопубликованного беллетристического произведения и несколько рукописей Е. А. Салиаса-сына. В числе последних — фрагмент (начало) воспоминаний Е. А. Салиаса под заголовком «Мое Былое», предварительный набросок программы этих воспоминаний и рукопись неизданной сатирической «баллады» В. С. Курочкина на Е. А. Салиаса, переписанной самим Салиасом («Новый Пантелей-Целитель. Фельетонная баллада»).

Чем объяснить нахождение письма Герцена Елизавете Васильевне Салиас в пачке бумаг ее сына? Очень может быть, что Е. А. Салиас намеревался использовать его содержание в своих, так и оставшихся ненаписанными мемуарах (если не считать воспоминаний, озаглавленных «Семь арестов», помещенных в №№ 1—3 «Исторического Вестника» за 1898 г.). С другой стороны, возможно, Е. А. Салиас, чтивший память Герцена и Огарева, приветливо встретивших его первые литературные шаги, хранил письмо Герцена, в котором имеется упоминание его имени и его литературного дебюта, как своего рода реликвию, как дорогое для него воспоминание.

Публикуемое письмо Герцена Е. В. Салиас — седьмое по счету из известных нам писем Герцена, адресованных ей, хронологически же — второе. Самое раннее пись-

мо Герцена Салиас датировано 21 августа 1862 г., затем следует, почти что через год, публикуемое нами письмо, самое большое по размеру из всей переписки и самое значительное по содержанию, и, наконец, пять коротких писем, написанных Герценом Е. В. Салиас в 1864 г. Особняком стоит приписка Герцена в письме Огарева к Е. В. Салиас (о ней — ниже).

Между публикуемым нами письмом Герцена от 23 июня 1863 г. и предшествовавшим ему более ранним письмом от 21 августа 1862 г., большое, прежде всего даже чисто внешнее сходство. Оба письма без подписи Герцена и не называют адресата. Очевидно, письма свои Герцен посылал Е. В. Салиас «по okazji». Так же поступала и Е. В. Салиас. «Оба Ваши письма мне доставлены» (подчеркнуто нами. — П. Д.) — писал Герцен ей в письме от 21 августа 1862 г.

Эта осторожность — понятна. Е. В. Салиас в эти годы проживала за границей. Положение ее было очень щекотливым. Как видно из опубликованных ныне документов (см. Герцен, т. XI, стр. 353—354), в связи с общественно-политической деятельностью Е. В. Салиас, а главное, в связи с прикосновенностью ее к студенческим беспорядкам 1861 г. в Москве, III отделение ставило вопрос о возможном ее удалении из Москвы. Ее выезд за границу 25 ноября 1861 г. предпринят был, очевидно, из опасений высылки. Вероятно и за границей Е. В. Салиас чувствовала себя в поднадзорном положении и предпочитала поддерживать лишь негласную связь с Герценом.

О студенческих беспорядках 1861 г., послуживших косвенно причиной выезда Е. В. Салиас за границу, она, между прочим, писала в «Колокол» (лист № 113 от 22 ноября 1861 г., стр. 942—944). Авторство Салиас (имя корреспондента в «Колоколе», естественно, не указано) устанавливает Е. М. Феоктистов. («За кулисами политики и литературы. Воспоминания Е. М. Феоктистова», Л., 1929, стр. 368.)

Годы 1861—1864 были, очевидно, временем наибольшей идейной близости Е. В. Салиас к Герцену и тесных дружеских отношений. И письмо Герцена от 21 августа 1862 г., опубликованное М. К. Лемке, и ныне нами публикуемое письмо Герцена к ней свидетельствуют об этом. С такой степенью откровенности Герцен мог писать, конечно, только своей единомышленнице, в сочувствии которой к нему и его взглядам он был уверен. Период этой политической близости длился, однако, по всей вероятности, недолго. Тон писем Герцена к «Русской Жорж Занд» (так называли тогда Е. В. Салиас), писанных в 1864 г., уже заметно суше. В этом году, в ноябре — декабре, Герцен и Салиас жили одновременно в Париже. Между ними происходили встречи, и Герцен возможно уже в это время смог заметить симптомы назревавшей перемены политических взглядов Е. В. Салиас. Вскоре Е. В. Салиас вернулась в Россию. С этого момента ее крутой политический крен вправо стал очевиден для всех. «От прежнего ее увлечения демократическими идеями не осталось и следа» — свидетельствует все тот же, близко знавший ее Е. М. Феоктистов (цит. соч., стр. 371). «Все это совершилось во время пребывания ее в Париже», — добавляет он тут же, приводя кроме того, слова И. С. Тургенева: «Вы не узнали бы графиню, давно ли она, надев на голову красный чулок, пела марсельезу, а теперь только и мечтает, что о восстановлении Франции Бурбонов и пишет *Vive le roi* по-старинному с «у» на конце» (там же).

Реакционные взгляды Е. В. Салиас с годами усиливались. В 1881 г., в период разгула помещичье-дворянской реакции, последовавшей за 1-м марта, реакционная, ультра-монархическая позиция бывшего «друга Герцена» сказалась особенно ярко. 6 марта 1882 г. М. Е. Салтыков-Щедрин писал И. С. Тургеневу о сближении между собой крупных деятелей реакции, об образовании новой влиятельной группировки «в верхах» (в составе Воронцова-Дашкова, Тертия Филиппова и М. Н. Островского), добавляя: «А Аспазия у них Феоктистиха и старая бандерша Евгения Тур» (М. Щедрин, Сочинения, т. XIX, стр. 267). Печатаемое ниже письмо Е. В. Салиас к сыну Е. А. Салиасу от 5 марта 1881 г., интересное главным образом с историко-литературной и биографической стороны, также содержит исключительно яркое свидетельство ультра-консервативных взглядов Е. В. Салиас в эти позднейшие годы ее жизни.

Переходим к некоторым деталям публикуемого письма Герцена к Е. В. Салиас: Герцен упоминает в письме три имени: Лизы, Маши и Дженни.

Лиза — это, как видно из самого письма, любимая дочь Герцена от второго брака его с Н. А. Тучковой.

Маша — это дочь Е. В. Салиас — Мария Андреевна, незадолго до того (в 1861 г.) вышедшая замуж за И. В. Гурко.

И, наконец, Дженни — это сын Е. В. Салиас — Евгений Андреевич Салиас-де-Турнемир, будущий писатель, которому в 1863 г. было 22—23 года. Герцен просит в письме прислать ему только что напечатанную Дженни повесть, которую он еще не читал. Это — первый литературный опыт Е. А. Салиаса — рассказ «Искра божия», напечатанный в 1863 г. в 1 и 2 книжках «Библиотеки для чтения» (в период редакторства Писемского). Повесть появилась в печати под измененным по требованию цензуры заглавием: «Ксаня чудная» (подлинное заглавие было восстановлено Е. А. Салиасом впоследствии).

Несколько позже другая вещь Е. А. Салиаса — повесть «Тьма», напечатанная

в «Современнике» Некрасова, привлекла внимание и Герцена и Огарева. «Тьма», повесть в «Современнике», Женни?», — писал Н. П. Огарев Е. В. Салиас. «Мне чудится, что вы говорили, что он подписывается «Вадим», а Герцен мне сказал, что он видел эту рукопись у Женни на столе». «Я беру из рук Огарева письмо, — приписывал на том же письме Герцен, — только для того, чтобы прибавить от себя, что «Тьма» — чудесная вещь, и если в ней есть недостатки, то это недостатки молодости. Если это писал ваш сын, как мы выдумали сами, то я поздравляю обеих матерей, т. е. вас и Россию, с новым талантом» (см. А. А. Измайлов, «Литературный Олимп». М. 1911, стр. 417—418; в собрание сочинений Герцена под редакцией М. К. Лемке не включено).

Пизтетом к памяти Герцена (и Н. П. Огарева) объясняется то, что, задумав издавать в 1881 г. журнал, Е. А. Салиас назвал его в память Герцена и Огарева «Полярной Звездой» («Полярная Звезда». Ежемесячный литературно-исторический журнал. Издатель-редактор граф Е. А. Салиас-де-Турнемир; вышло: в 1881 г. №№ 1—6, в 1882 г. — №№ 1—12). В первом номере журнала за 1881 г. (стр. 221—228) находим заметку Е. А. Салиаса, под названием «Калейдоскоп», подписанную его литературным псевдонимом «Вадим». Заметка посвящена памяти Герцена и Огарева, имена которых, однако, по цензурным соображениям, нигде не названы. Салиас вспоминает в ней о встречах с Герценом в Женеве, о беседах, о том, что Герцен уверял молодого Салиаса, что «у него есть дарование».

В связи с изданием в 1881 г. «Полярной Звезды», Е. А. Салиас обратился к матери — Е. В. Салиас с просьбой о материалах для журнала. Точнее, — речь шла о написании Е. В. Салиас для журнала своих воспоминаний: о Н. И. Надеждине, с которым Е. В. Салиас в годы юности была близка, с одной стороны, и о Герцене и Огареве — с другой. Мы помещаем ответное письмо Е. В. Салиас, интересное, во-первых, потому что в нем упоминаются Герцен, его жена и ряд друзей, во-вторых, оно с предельной яркостью характеризует бывшую корреспондентку Герцена, в 1881 г. целиком перешедшую в лагерь реакции, и ее отношение к событию 1 марта.

5 марта 1881

Я в себя не приду. Получила от тебя письмо (без числа, как всегда) с вопросами, и ни слова о том несчастии, которое случилось, а я знаю, что ты любил покойного императора. Слов нет, чтобы изобразить ужас и потрясение произведенное известием этим здесь. На панихиде в Кремле тысячи народа присутствовали и окружали соборы во время богослужения, но уныние было таково, что толпа не шелестела и молчание царствовало глубокое. С тех пор живем как в страшном сновидении. Дай бог молодому царю силу, волю, разум высший, чтобы править царством находящимся в столь печальном положении. Можно сказать все понимают трудное его положение и молятся за него. Манифест его всем нравится. Действительно тяжкое бремя взял он на себя, и смерть его отца милостивого и доброго должна была потрясти его до глубины души. Да поможет ему бог направить русскую погибающую нацию на путь истинный. Газет читать нельзя — до того они красны, невежественны и ведут нас к пропасти. Эта пресса вся красная, без всякого элемента консервации!

Что отвечать тебе на твои вопросы. Я воспитана иначе и до сих пор держусь старых понятий и с ними умру. Во 1) о живых не пишут и их жизнь не разоблачают, это и нравственно и законами запрещается. 2) Писем и после смерти моей (или чьей либо) печатать без согласия главного члена семьи нельзя. 3) Над свежей могилой святотатственно не разоблачают тайн семейных. Все это рекламы à la Mr Суворин, Град[овский] et Compagnie. Это люди, воспитавшиеся в кабаках и трактирах — им все ни почем — но ты уважать себя должен и для рекламы не можешь кидаться на семейные скандалы. Уж не печатать ли имена любовников Огаревой? Или его истории с первой и второй женами? Кого это интересует. Никого. C'est l'intérêt du scandale, как франц[узский] Фигаро. Если ты это делаешь для своего журнала, поверь, что все порядочные люди ахнут и отвернутся. Надо чтобы журнал был занимателен (первая книга всем нравится), а не скандалезен. А то уж лучше печатать памфлеты и libelles, они раскупаются, но ведь это позор (считался позором и всегда будет считаться). Не забудь, ради бога, что ты родился не в избе, не у пономаря, не у чиновника, а от старых родов. Не лезь в журнальную грязь. Умоляю тебя. Уже по поводу твоих публикаций об журнале слышала отсюду: «Гр[афу] Салиас писать рекламы? Как это возможно? Это надо предоставить газетчикам. Они же теперь ниже всякой грязи!» Это отсюду, даже мне в глаза говорили, и мне было стыдно, я не знала, как защитить [тебя], ибо сознавала правду. История денег Огаревой темная. Украдены они не были, а задержаны на время, а пока она умерла в нищете. Лицо задержавшее ее еще живо. Н. Ф. Павлов не при чем. Гран[овский] не при чем. Он из всех друзей Огарева к его жене был гуманнее других. Герцен и его жена были беспощадны. Жена Гер[цена] честолюбивая, не могла вынести светской женщины, рожденной Рославлевой, племянницы пензенского губернатора (автократа в Пензе, как Закревской позднее в Москве) и ненавидела ее с женской ненавистью. Всего этого печатать нельзя. Бакунина

прибил Катков потому, что они любили (были страстно влюблены) в М. Л. Огареву, а Бакунин сказал это и друзьям и мужу. Катков был влюблен, молод, и не имел связи с нею, и когда пошла эта огласка, он Бакунину дал пощечину. Этого писать нельзя. Нельзя позорить умерших и вводить на сцену еще живущих. Катков тоже не простит, что отпечатают его юношескую любовь. А друзья Бакунина тоже озлятся. Может завязаться полемика — из ней не вылезешь. Бакунина мы все знали, и ты сообрази сам, в какую беду попасть можно, кроме неприличия и грязи таких историй.

Воспоминания Пассек, вялы, ничтожны. Петербург ими интересуется может быть, а в Москве мало. Ты не отвечал могу ли я на 100 руб. книг купить на лето и осень. Я тебе напишу 4 статьи еще. Нравы Директории готовы (мало известные вещи), но есть книга: нравы республики 1-ой и их надо написать прежде Директории. Все это буду писать летом. Целую тебя. Повременил бы статью о Надежд[ине], — так мне она тяжка.

По свидетельству Е. М. Феоктистова (цит. соч., стр. 367), Салиас одно время (еще в 60-х гг.) задумала писать свои мемуары; однако, по словам ее дочери, М. А. Гурко, все написанное ею она впоследствии сама уничтожила. Единственным, повидимому, мемуарным произведением Е. В. Салиас явилась статья ее «П. Н. Кудрявцев» в «Полярной Звезде», 1881, кн. III и отдельно: Евгения Тур «П. Н. Кудрявцев. Воспоминания», М.: 1891.

Причина резко отрицательного отношения друзей Огарева к его первой жене М. Л. Огаревой, о котором свидетельствует и Е. В. Салиас в публикуемом нами письме к сыну, заключалась в характере ее. Это была женщина, любившая удовольствия, увлекавшаяся своими успехами в «свете» и чуждая идейных интересов своего мужа и близких ему людей. Огарева упрекала последних в том, что они разрушают ее семейное счастье, стараясь оттолкнуть от нее ее мужа. Это породило ряд тяжелых минут в жизни Огарева, что вынужден признать сам Герцен. «Огарев страдал, — пишет он. — Его никто не пощадил: ни она, ни я, ни другие. Мы выбрали грудь его (как он сам выразился в одном письме) «полем сражения» и не думали, что тот ли, другой ли одолевает, ему равно было больно» (Герцен, т. XIII, стр. 7). Как известно, брак Огаревых кончился полным разрывом. При этом Огарев обеспечил М. Л. в материальном отношении. Однако, ее деньги были присвоены А. Я. Панаевым и ходатаем по делу Огаревой Шанишевым, которым М. Л. вполне доверяла. Об этих деньгах и упоминает Салиас в своем письме.

Об отношениях Каткова к М. Л. Огаревой и об эпизоде столкновения Каткова с Бакуниным (в квартире Белинского) существует ряд свидетельств современников. И то и другое особенно подробно освещено в письмах Белинского к Боткину (см. В. Белинский, Письма. СПб. 1914, т. II, письмо от 16 декабря 1839 года, стр. 12—20 и письмо от 12—16 августа 1840 года, стр. 145—149). В последнем письме Белинский дал подробное описание столкновения, не указывая, однако, его причины. Первоначально существовавшая в литературе версия (см. И. И. Панаев «Литературные воспоминания». СПб. 1876) объясняла его разногласиями идеологического порядка. Публикация в 1914 г. полного текста писем Белинского к Боткину рассеяла в этом отношении все сомнения: личная подоплека события стала совершенно очевидна, хотя непосредственный повод к ссоре оставался неизвестен. Письмо Салиас впервые точно указывает причину ссоры.

Воспоминания Т. П. Пассек о Герцене и Огареве печатались в «Полярной Звезде» 1881 г. Этим обстоятельством и объясняется наличие отзыва о них в письме Е. В. Салиас. Следует, впрочем, отметить, что отдельное (трехтомное) издание мемуаров Т. П. Пассек вышло в свет еще в 1878—1879 гг.

Воспоминания Е. В. Салиас о Н. И. Надеждине, повидимому, записаны не были. «Неравному» браку юной Е. В. Сухово-Кобылиной (впоследствии по мужу Салиас-де-Турнемир) воспротивились все ее родные и прежде всего ее мать и брат (драматург А. В. Сухово-Кобылин). История этого неудачного романа подробно описана Н. К. Козьминным («Н. И. Надеждин», СПб. 1912) и Л. П. Гроссманом («Преступление Сухово-Кобылина», 1926). Об этом романе есть также упоминание в «Былом и думах» (Герцен, т. XIII, стр. 208—209).

6. ПИСЬМО А. И. ГЕРЦЕНА А. МАЦЦИНИ

[Женева, май 1866 г.]

...Nous nous réunissons même de loin autour des tombes de nos amis. Votre article sur Venturi nous a frappés. Pauvre Emilie! Les souvenirs de mes premières années de Londres ('52—'53) sont tellement attachés à mes propres malheurs, à Madame Venturi et à tout votre cercle d'alors, que le cœur m'a saigné en lisant vos lignes. Vos douleurs à vous, sont sans consolations; elles se cicatrisent, et voilà tout. Mais ce n'est pas pour discuter,

cher ami, que j'ai prix la plume; c'est pour vous serrer la main et vous prier de dire à Madame Venturi que je lui serre aussi la main en ami. Peut-être que le mouvement qui commence absorbera une partie de ses douleurs...

Перевод:

...Даже издалска собираемся мы вокруг могил наших друзей. Ваша статья о Вентури потрясла нас. Бедная Эмилия! Воспоминания о первых годах моей жизни в Лондоне ('52—'53) так связаны с моими личными невзгодами, с г-жою Вентури и со всем вашим тогдашним кружком, что сердце у меня обливалось кровью, когда я читал ваши строки. Ничто не может утишить наши страдания; они зарубцовываются — вот и все. Но не для рассуждений, любезный друг мой, взялся я за перо, а для того, чтобы пожать вам руку и просить вас передать г-же Вентури мое дружеское рукопожатие. Быть может, начинающееся движение отчасти поглотит ее скорбь...

В четырехтомном издании «Mazzini's Letters to an english family 1861—1872» собраны письма известного деятеля итальянского национально-освободительного движения Дж. Маццини к членам семейства английского адвоката В. Ашерста (W. Ashurst). В этом семействе, эмигрировавший после подавления революции 1848 г. в Лондон, Маццини, по выражению М. Мейзенбург («Воспоминания идеалистки», М., 1933 г., стр. 405), «нашел вторую родину и был любим и почитаем почти как святой». В третьем томе названного издания (London, 1922, p. 119) помещено письмо Маццини к дочери Ашерста — Эмили. Эмилия Ашерст, по первому мужу Гокс, в 1861 г. вышла вторично замуж за итальянского эмигранта гарибальдийца Карла Вентури. В 1866 г. Вентури умер. В связи с этим Маццини и написал его вдове только что упомянутое письмо (от 28 мая 1866 г.). В нем он, между прочим, приводит выдержку из полученного им (до сих пор неопубликованного) письма Герцена, которым тот отзывался на написанный Маццини некролог Вентури. Выше мы приводим эту выдержку.

Герцен познакомился с Маццини в 1849 г., когда оба они были вынуждены спастись бегством в Швейцарию — Герцен из Парижа, где он принимал участие в революционном движении, Маццини из Рима, после падения провозглашенной в 1848 г. Римской республики, правительство которой возглавлялось Маццини. Характеризуя в 1853 г. революционную деятельность Маццини, К. Маркс писал: «Он ожидает наступления ее [революции в Италии] не от благоприятной конъюнктуры в ходе европейской смуты, а от частного выступления итальянских заговорщиков, которые нападают на врага врасплох» (Маркс и Энгельс, Сочинения, т. IX, стр. 561). Энгельс считал характерной чертой Маццини, как революционера, его «абстрактную страсть к восстаниям» (Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XXI, стр. 459). Действительно, Маццини не понимал ни значения массового революционного восстания, ни необходимости учета, как благоприятствующих, так и препятствующих успеху революционного движения факторов. Свои надежды на освобождение Италии от иноземного ига и на объединение ее разрозненных в то время в политическом отношении частей он возлагал на заговорщическую деятельность создаваемых им тайных революционных организаций. В этом сказывалась теоретическая слабость революционной позиции Маццини, но как раз этими-то чертами его деятельности он и привлекал к себе симпатии Герцена, в течение ряда лет поддерживавшего с ним дружеские отношения. Рассказывая в XXXVII главе «Былого и дум» о своем знакомстве с Маццини, Герцен отмечал, как наиболее привлекательные для него черты личности этого революционера, его «непреклонное постоянство», его «веру, идущую наперекор фактам», его «неутомимую деятельность, которую неудача только вызывает и подзадоривает»; во всем этом Герцен усматривал «что-то великое и, если хотите, что-то безумное». (Герцен, т. XIII, стр. 338).

Что касается семейства Ашерст, то с ним Герцен сошелся вскоре после переселения своего в 1852 г. в Лондон. Фамилия Ашерста, как и Станфильда, члена английской палаты депутатов, женатого на сестре Эмили Вентури Каролине Ашерст, нередко встречается в письмах Герцена. Ашерсты и Станфильды принадлежали к числу немногих английских семей, с которыми Герцен поддерживал знакомство во время своей жизни в Лондоне.

Точная дата письма Герцена к Маццини неизвестна. Приходится датировать его приблизительно, исходя из даты письма Маццини к Эмили Вентури.

7 ПИСЬМО А. И. ГЕРЦЕНА НЕИЗВЕСТНОМУ

Je propose à la rédaction des fragments du IV volume de mes mémoires. Il a paru en russe à Genève il y a deux ans. Des fragments en trad. française ont été insérés dans le «Kolokol» de 1868. — Les trois premiers volumes ont été traduits par H. Delaveau et publiés par Dentu.

Je propose à la réimpression
des fragments du IV volume de
mes mémoires. Il a paru en russe
à Genève - il y a deux ans. Des
fragments ^{en tres bon nombre} ont été insérés dans
le "Kolokol" de 1868 - les trois premiers
volumes ont été traduits par H. De
Laveau et publiés par Dentu.

Le volume comprend 1847 - 1855.
Des fragments de mes lettres sur
l'Italie et la France (1847 - 1852)

J'ai une petite série de nouvelles
- non politiques, mesurées et
ce en outre la traduction de 99
articles politiques ou plutôt sociaux
sur la Russie.

Il m'est très facile de faire pour
mon ami / une correspondance de la Russie
sur les affaires de l'intérieur.

À des fragments imprimés dans le
"Kolokol" sont en partie réimprimés
La correction de l'un

Ce volume comprend 1847—1855.

Des fragments de mes lettres sur l'Italie et la France (1847—1852).

J'ai une petite série de nouvelles — non politiques, mœurs russes etc. et en outre la traduction de 99 articles politiques ou plutôt sociaux sur la Russie.

Il m'est très facile de faire (avec mes amis) une correspondance de la Russie sur les affaires de l'intérieur.

NB. Les fragments imprimés dans le Kolokol sont en partie nécessaires.

La correction de langue.

Перевод:

Предлагаю редакции отрывки из IV тома моих воспоминаний. Этот том вышел на русском языке в Женеве два года тому назад. Некоторые отрывки переведенные на французский язык были помещены в «Колоколе» (франц.) 1868 г. — Первые три тома были переведены Делаво и опубликованы Дантю.

Этот том включает 1847—1855 гг.

Отрывки из моих писем об Италии и Франции (1847—1852).

У меня есть маленькая серия новелл — не политических, а русские нравы и т. д. и кроме того перевод 99 политических, или скорее социальных, статей о России.

Мне очень легко (при помощи моих друзей) составить корреспонденцию из России о внутренних делах.

Отрывки напечатанные в «Колоколе» частично необходимы.

Правильность языка...

Воспроизводится по черновому автографу, хранящемуся в Архиве феодально-крепостнической эпохи. Написано, как видно по содержанию, в 1869 г. в связи с хлопотами Герцена об издании его сочинений — и в частности «Былого и дум» — на французском языке.

В 1860—1862 гг. парижский издатель А. Дантю издал три тома «Былого и дум», переведенных на французский язык Ип. Делаво, под «скверным», по выражению Герцена, заглавием «Le Monde Russe et la Révolution. Mémoires de A. Hertzén». Издание это имело большой успех и быстро разошлось, под влиянием чего Герцен начал искать издателя для четвертого тома. В 1867 г. он обратился с этой целью к бельгийскому издателю А. Лакруа, предлагая ему принять на себя издание не только IV тома «Былого и дум», но и сборника своих повестей и статей («Звенья», т. VI, М. — Л. 1936 г., стр. 328—329). Однако это обращение не увенчалось успехом. Поэтому Герцену пришлось ограничиться переводом лишь отрывков из IV тома, помещенных им в 1868 г. во французском «Колоколе». Основываясь на сообщении Г. Н. Вырубова о том, что эти отрывки «в молодом Париже большую сенсацию сделали» (Герцен, т. XXI, стр. 277), Герцен в апреле 1869 г. решил обратиться к Вырубову с просьбой оказать содействие изданию собрания его сочинений, состоящему из 5 или 6 томов «Былого и дум», сборника повестей и 2 томов «политических и социальных статей» (там же, стр. 359), а вслед за этим отправляясь в августе в Париж, решил сам заняться хлопотами, обратившись для этой цели к упомянутому выше Лакруа и в редакцию журнала «Revue des Deux Mondes». Однако переговоры как с Лакруа, так и с руководителями «Revue des Deux Mondes» Бюллозом и Ш. Мазадом остались безрезультатными. Повидимому, в связи с этими переговорами Герценом и было написано настоящее письмо. Возможно, что оно предназначалось редакции «Revue des Deux Mondes».